

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
Владикавказского научного центра Российской академии наук и Правительства Республики
Северная Осетия – Алания

Л.Б. МОРГОЕВА

**ПАРЕМИИ И РЕЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ
ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Владикавказ 2015

ББК 81(2РСев)

М 79

Печатается по решению Учёного совета
СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

М 79 **Моргоева Л.Б.** Паремии и речевые формулы осетинского языка: семантический, прагматический и этнолингвистический аспекты: монография – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. – 162 с.

ISBN 978-5-91480-245-2

Рецензенты:

Е.Б.Бесолова, доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А;

А.Ф. Кудзоева, кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедры осетинского языка и литературы СОГУ

Монография посвящена разноаспектному анализу устойчивых единиц осетинского языка — прежде всего, паремий и речевых формул. С учетом достижений общих и частных исследований в области фразеологии и паремиологии определяются категориальные признаки жанрового разграничения устойчивых единиц различной степени спаянности. Анализ способов функционирования паремий и речевых формул в речи позволяет выявить этнокультурные особенности и наиболее полно раскрыть их структурно-семантическое своеобразие.

Книга предназначена для филологов-специалистов и широкого круга читателей, кто интересуется пословицами, поговорками и речевыми формулами как явлением языка и культуры.

ББК 81(2РСев)

ISBN 978-5-91480-245-2

© ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА. ОБЛАСТЬ РЕШАЕМЫХ ЗАДАЧ	
1.1. Теоретические основы изучения устойчивых единиц. История вопроса	11
1.2. Категориальные признаки фразеологических единиц. Границы фразеологии.....	15
1.3. Взаимодействие и взаимопроникновение единиц фразеологии и паремиологии.....	22
1.4. Классификация устойчивых единиц. Общность и противоречия.....	33
ГЛАВА 2. РЕКОНСТРУКЦИЯ СИСТЕМЫ УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦ	
2.1. Стилистические коннотаты и когниции	42
2.2. Значение и роль образа в активизации механизмов речевого воздействия	49
2.3. Семантика и прагматика паремий и речевых формул	60
ГЛАВА 3. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ МАЛЫХ ФОРМ	
3.1. Проблемы разграничения паремий.....	80
3.2. Содержание национально-культурных доминант в паремиях и речевых формулах.....	85
3.3. Репрезентация ценностно-смыслового пространства языка в паремиях и речевых формулах.....	94
3.4. Функциональная прагматика вербальных текстов ритуального характера.....	112
3.5. Роль паремий и речевых формул в организации традиционных текстов ритуальной направленности.....	121
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	139
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	146

ВВЕДЕНИЕ

Устойчивый инвентарь языка, в том числе поговорки и речевые формулы, как неотъемлемая часть любого языка, всегда привлекал внимание не только исследователей, но и самих носителей языка. Активное употребление его наблюдается не только в художественной литературе, но и в повседневном общении. Сфера употребления поговороческого фонда языка давно вышла за рамки художественного текста и постоянно находит применение в различных сферах общения и жанрах речи. Помимо стилистических и коммуникативных функций поговорки выполняют аккумулятивную функцию в языке, что позволяет пробуждать этнокультурные фоновые знания, благодаря которым формируются стереотипы речевого поведения и правила культуры общения и речи.

Несмотря на многочисленные труды по фразеологии, основное внимание в них уделяется собственно фразеологизмам и отчасти поговоркам. Речевые формулы же зачастую остаются вне поля зрения ученых или подвергаются лишь описательной характеристике. Между тем они активно внедряются в языковую коммуникацию не только в качестве ярких выразительных языковых средств, позволяющих достигать максимальной степени экспрессивности, но большинство из них являются самостоятельными речевыми актами, выполняющими те или иные прагматические задачи.

В этой связи огромный интерес представляет отражение национальной картины мира в поговорках и речевых формулах. Большинство речевых формул относят к поговоркам, а последние, в свою очередь, рассматривались в системе фразеологии в широком ее понимании. Поэтому теоретические основы фразеологии, заложенные в работах Ш. Балли, В. В. Виноградова, Г. Л. Пермякова, В. Н. Телия, В. М. Мокиенко, А. Вежбицка, В. П. Жукова и других ученых, мы склонны рассматривать как теоретическую базу предлагаемого исследования.

В осетиноведении специальных исследований поговорок и речевых формул не проводилось, однако упоминаются они в трудах

таких известных ученых, как В. И. Абаев, В.С.Миллер, М. И Исаев, З. Б. Цаллагова и др. Вместе с тем, наряду с другими языковыми единицами паремии становятся объектом рассмотрения при изучении, отдельных вопросов стилистики и фразеологии.

Интерес к данной теме обусловлен современным состоянием языка, в том числе и осетинского, активным употреблением в речи устойчивых оборотов различных жанровых форм и различной степени спаянности, многие из которых из разряда фольклорных все чаще переходят в разряд языковых. Именно поэтому разработка новой концепции парадигмальных отношений фразеологических конструкций становится крайне актуальной.

В данном исследовании, вынесенном на суд читателей, устойчивые выражения различной степени спаянности и, главным образом, речевые формулы и паремии осетинского языка системно описаны и проанализированы с целью выявления их прагматических функций с опорой на этнолингвистическое осмысление их семантики.

ГЛАВА 1
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ
ИЗУЧЕНИЯ УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА.
ОБЛАСТЬ РЕШАЕМЫХ ЗАДАЧ

Изучением малых фольклорных жанров осетинского языка с точки зрения особенностей их стилистического использования в речи и тексте практически никто не занимался. Между тем этот невероятно многогранный, сложный и разноплановый по своей специфике и стилистическому наполнению фонд языка нуждается в проведении системной классификации малых фольклорных жанров осетинского языка и изучении их прагматических функций в тексте.

Общеизвестно, что способы и средства создания стилистически маркированного текста достаточно ярки и разнообразны. Принадлежность его к тому или иному стилю определяется как раз присутствием в нем тех или иных языковых единиц. Использование малых фольклорных жанров в тексте стилистически ограничено, но в рамках своего распространения они выполняют особо значимую функцию и имеют мощный воздействующий заряд. Устное бытование фольклорных жанров освобождает их от стандартных условностей нормированного языка. Внутренняя же организация произведений народного творчества, их традиционность и структурная стабильность являются характерными признаками данного вида текстов.

Несмотря на живую передачу, активное проникновение в литературный язык и, в частности, в разговорный стиль, поговорки, пословицы, поговорки и речевые формулы сохраняют четкие смысловые и языковые ритмы, одни и те же формульные фразы и эпитеты, образные выражения.

Стилистические возможности, которые раскрываются перед коммуникантами при использовании различных форм устойчивых конструкций, заставляют обратить более пристальное внимание лингвистов на них. Особенно актуальной является данная проблема в связи с тем, что стилистика осетинского языка находится на стадии становления и требует детального изучения принципов построения текстов разных стилей.

Стилистика со своими многочисленными явлениями, приемами, конкретными стилями и их жанровыми особенностями является очень сложной и вместе с тем привлекательной для исследователей отрасли языкознания. Изменения, происходящие в нашей жизни, находят свое отражение и в нашем общении, и, как следствие, в языке. Именно эти постоянные изменения в языке диктуют потребность в использовании новых средств выражения мысли, отношения и состояния и порождают необходимость всестороннего изучения способов употребления языковых средств и принципов построения текста. Сложность же самой проблемы, которая стоит на стыке различных отраслей знания, требует ее рассмотрения с использованием различных форм знаний.

Данный исследовательский проект направлен, главным образом, на разработку системного описания пословиц, поговорок, речевых формул, собственно фразеологизмов как различных типов класса устойчивых единиц; а также рассмотрение вопросов стилистического использования малых жанров фольклора в речи, их проникновение в литературный язык и разговорную речь, их адаптацию в нем и функционирование в тексте. Проведение лингвистического анализа собственно текстов паремий и речевых формул способствовало выявлению в них лексико-семантических особенностей и определению их прагматической направленности.

На наш взгляд, именно эти результаты, полученные в ходе исследования, должны послужить становлению и формированию наиболее полного представления как о самих формах устойчивости, так и об их лингвокультурологической природе и этнолингвистической составляющей.

Пожалуй, впервые в осетинском языке предпринята попытка представить малые жанры фольклора не только как элементы материальной и духовной культуры, как отражение каких-либо национальных реалий, некогда составлявших самобытность культуры, как отражение народных идеалов и коллективного народного опыта, но проведен тщательный лингвистический их анализ в разноаспектном плане, в том числе в плане их использования и функционирования в текстах разных стилей.

Рассмотрение случаев стилистического использования малых фольклорных жанров и изучение их прагматической направленности ставит перед исследователем ряд проблем.

С одной стороны, как единицы паремиологического и идеоматического склада, они находятся в ведении фольклора и в некоторой степени литературы, с другой – являются очень яркими выразительными средствами, мощными по своему эмоционально-экспрессивному заряду и весомыми в своей прагматической реализации, и потому успешно вовлекаемые в коммуникативный процесс, в рече-языковой акт.

Именно эти стилистические особенности различных форм устойчивых выражений разной степени спаянности и прагматической направленности пословиц, поговорок, речевых формул порождают оправданный интерес к ним исследователей-лингвистов.

Очевидно, что исследование столь сложных и многогранных единиц требует привлечений знаний из областей общего языкознания и стилистики, лингвостилистики, когнитивной лингвистики, прагмалингвистики и лексической и синтаксической семантики. Кроме того, для достижения наиболее оптимальных и достоверных результатов не представляется возможным обойтись без привлечения различных методов исследования, среди которых основными, на наш взгляд, должны быть метод лингвистического описания, психолингвистический, социолингвистический анализ и сопоставление.

Это даст возможность провести компаративный анализ исследуемого материала в осетинском и русском языках; выявить особенности их функционирования в языке и провести стилистическую дифференциацию и прагматическую классификацию, на основании рассмотрения и обобщения теоретической базы по данной проблематике, имеющейся в зарубежном, отечественном – русском и осетинском – языкознании.

Методом сплошной выборки материала из различных источников, включая фольклорные тексты, художественные произведения и разговорную речь, а также путем обработки собранного полевого материала, должен быть составлен основной свод

наиболее активно используемых устойчивых форм и речений с последующим многокомпонентным анализом для выявления семантико-стилистических различий фольклорных выражений осетинского языка.

Вместе с тем, проведение сравнительно-сопоставительного анализа репрезентации малых жанровых форм фольклора в живой и литературной речи позволит определить их лексико-семантические особенности и специфику их воздействия в разностилевых текстах, а также выявить их принципиальные различия с точки зрения когнитивного и прагмалингвистического подходов.

Анализ результатов проведенного исследования с целью определения стилистических особенностей использования фольклорных выражений и их функциональной природы позволит выстроить парадигму прагматических задач. Возможно также на базе полученных знаний определение параметров лингвистического описания фольклорных выражений осетинского языка с учетом их национальной специфики.

Помимо перечисленного, предполагается рассмотреть и представить наиболее адекватные способы перевода указанных фольклорных выражений с осетинского языка на русский и наоборот с сохранением их образно-выразительных и стилистических особенностей (найти способы передачи образа и выразительной силы исходного выражения средствами языка перевода). В последующем этот материал способствовал бы подготовке словарных текстов при разработке макета и составлении краткого словаря фольклорных выражений осетинского языка.

В работе предполагается изучить теоретические и методологические вопросы описания не только паремиологических единиц, но и фразеологии и ее единиц с экскурсом в историю проблемы. Это даст возможность серьезным образом пересмотреть лингвистический статус устойчивых форм языка и разработать классификацию системы этих единиц в осетинском языке. В этом отношении крайне необходимо рассмотреть и работы, посвященные исследованию фольклорных жанров и их литературоведческому и лингвистическому описанию.

Особо остро стоит вопрос о том, объектами изучения какой именно дисциплины рассматриваемые единицы являются, поскольку все они в основной своей массе функционально и стилистически подвижны и имеют в одинаковой степени языковые и фольклорные категориальные признаки. Их разноаспектный анализ, изучение условий и способов их употребления, выявление основных приемов их введения в создаваемый текст – все это поможет дать объективную характеристику исследуемым типам выражений и установить их особенности и прагматическую направленность.

Кроме того, планируется в дальнейшем создание компьютерной базы данных фольклорных выражений осетинского языка.

1.1. Теоретические основы изучения устойчивых единиц. История вопроса

Первые попытки отграничить стилистику как один из уровней исследования языка, а позднее как самостоятельную отрасль лингвистики, появились в начале 40-50 годов XX века в работах Г. О. Винокура, В. В. Виноградова, Л. В. Щербы. Основополагающими стали также идеи, изложенные в работах Б. В. Томашевского, А. И. Смирнитского, В. А. Звегинцева, Ю. С. Степанова и др.

В начале 60-х годов появилась «Французская стилистика» Ш. Балли в переводе с французского на русский язык, которая и по сей день не остается без внимания стилиста-языковеда. В настоящее время существует множество работ по стилистике, где под самыми различными ракурсами рассматривается сама стилистика и ее средства. При этом одни склонны выделять несколько подвидов стилистики: индивидуально-авторскую стилистику, практическую стилистику, функциональную стилистику и т.д. Другие рассматривают ее исключительно как науку, изучающую употребление языковых средств. И в том, и в другом случае использование в речи малых жанровых форм фольклора как ярких выразительных средств признается, более того, указывается их значимость и весомость в процессе создания текста.

Вместе с тем, до настоящего времени нет достаточно полного специального научного исследования, посвященного стилистическим особенностям фольклорных высказываний осетинского языка, их функционированию и репрезентации в тексте. В действительности же данные выражения, будучи фольклорными жанрами, обладают коммуникативными свойствами художественного творчества и речи. Как языковое явление они свободно функционируют в речевом потоке, а как самостоятельные жанры являются текстами, имеющими самодовлеющее значение.

Бивалентность паремий, как речевых и одновременно фольклорных явлений, выдвигает проблему речевого и ситуативного контекста. Их свободная погруженность в речь, мобильность в сфере функционирования, обуславливает их реализацию и выполнение ими прагматической функции трансформации блоков культурной (исторической, эстетической и т.д.) информации. Одной из основных функций языка фольклора и литературы является когнитивная (экспрессивная) функция, которая непосредственно связана со стилистикой. И если в современной русистике и зарубежном языкознании вопросы стилистики достаточно полно освещены, то осетинское языкознание не имеет такого объема специальных монографических работ по изучению стилистики и вовсе нет работ, посвященных лингвистическому анализу фольклорных текстов.

Стилистика осетинского языка находится на стадии становления. Не все стили в осетинском одинаково активно функционируют. Так, научный и официально-деловой стили по объективным причинам крайне слабо развиты. Публицистический стиль находится в более выгодном положении, поскольку он используется в СМИ и периодической печати и постоянно расширяет свои возможности. На их фоне художественный и разговорный стили достаточно полно представлены со всем своим многообразием стилистических средств и функциональных особенностей.

Отдельные вопросы общей стилистики осетинского языка изучались многими исследователями, в том числе современными, в работах которых прямо или косвенно затрагивались проблемы стилистики. Так, например, отдельным вопросам стилистики по-

священы работы Т. А. Гуриева, Е. Б. Бесоловой, Р. Г. Цопановой, Ю. Д. Каражаева, А. Ф. Кудзоевой, Л. Б. Моргоевой и др.

К числу стилистических средств, несомненно, относятся и фразеологизмы, паремии, синтаксические конструкции, речевые формулы, иначе говоря – все выражения, тяготеющие к устойчивости. В основной своей массе это выражения, сформировавшиеся на основе ярких образов, в том числе и образов с ярким этническим наполнением. Именно потому мы можем утверждать, что устойчивые выражения с разной степенью спаянности и характером функционально-семантического содержания всегда отражают кодовую систему национальной картины мира.

Известно, что фразеология является необычайно благодатной почвой для зарождения и функционирования экспрессивности. Фразеологизмы давно уже считают кристаллами, из которых складывается «неповторимое строение» национальной речи. Сокровищницей языка, хранящей древнейшие слова, отжившие свой век грамматические формы и забракованные временем и литературной нормой синтаксические конструкции, называет фразеологию В. М. Мокиенко [см. Мокиенко, 2007, 24-26].

Ввиду своей особой аккумулирующей функции, фразеология консервирует не только форму, но и содержание – национальные обычаи, поверья, исторические предания, образное видение мира, поэтому исследование собственно фразеологизмов и в широком понимании фразеологизированных выражений способствует лучшему пониманию культуры того или иного народа.

Многие ученые-лингвисты к фразеологизмам относят не только воспроизводимые в готовом виде словосочетания и предложения, в которых целостность значения доминирует над раздельностью составляющих компонентов – слов. К ним можно отнести и пословицы, поговорки, крылатые слова и выражения, клише и др. Более того, справедливым будет, на наш взгляд, в рамках фразеологии рассматривать и речевые формулы.

В свое время Г. О. Винокур отмечал возникновение целого ряда «общепринятых речевых формул, канонизированных оборотов речи, закрепленных выражений, представляющих собой как бы застывшие результаты языкового творчества: восходя в

каком-то конечном итоге к стилистическому усилению и творческому заданию, эти фиксированные выражения, эти заготовленные впрок афоризмы и «общеизвестные цитаты» лишены уже породившей их динамики стиля и получают значение как бы готовых «правил» речи на особые случаи жизни» [Винокур 2006, 145]. В определенной степени размытость границ фразеологии, в целом, не противоречит позиции Г. О. Винокура, согласно которой к фразеологии относятся, в том числе, и речевые формулы.

Тем не менее, природа содержания и структура устойчивых сочетаний, высказываний и фраз настолько сложна, что до настоящего времени нет абсолютно единого мнения по поводу их однозначной отнесенности к той или иной отрасли языкознания.

Исследователи языка до сих пор спорят о границах фразеологии и паремиологии. Но несмотря на это, абсолютно очевидно активное внедрение этого богатейшего пласта языка в нашу повседневность, широкое ее использование в речи. Именно поэтому проблема границ фразеологии и определение ее объектов является крайне важной и требующей детального изучения.

Вместе с тем, мы не вправе утверждать о совершенной неизученности фразеологии. Существуют фундаментальные труды видных ученых, заложивших основу как языкознанию в целом, так и данной отрасли в частности. Фразеология как лингвистическая дисциплина не только завоевала достаточно твердые позиции, но в ней появились такие самостоятельные разделы, как фразообразование, историческая, сравнительно-сопоставительная, диалектная фразеология и др., проводимые исследования не только приводят к решению проблем, но и ставят перед нами все новые актуальные вопросы.

Первые научные разработки русской фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины были предложены известным акад. В. В. Виноградовым, труды которого по сей день остаются фундаментальными. В последующие годы было написано огромное количество работ, посвященных анализу стилистических функций фразеологизмов, их семантики, морфологии и синтаксису. Многие аспекты фразеологии довольно подробно изучены, в частности, семантика фразеологических оборотов, но

даже при этом остается невыясненным вопрос о сущности фразеологического значения, не полностью выявлены лексико-семантические свойства компонентов, не определено соотношение лексического значения с фразеологическим.

1.2. Категориальные признаки фразеологических единиц. Границы фразеологии

При исследовании любого аспекта фразеологии в первую очередь следует начать, на наш взгляд, с уточнения понятия фразеологизма как категориальной единицы, его свойств и признаков, соотношения с другими единицами языковой системы, определения фразеологии как раздела языкознания и его границ и объектов, а также с уточнения определяющих категорий и понятий. По всем этим вопросам нет единого мнения. Выявление основных категориальных признаков фразеологизма повлекло за собой двойное понимание объекта фразеологии – узкое и широкое. Границы то расширялись, то сужались в зависимости от того, какой признак тем или иным исследователем считался решающим. Так, разными авторами в качестве главного, дифференциального признака выдвигались: непереводаемость на другие языки (Л. А. Булаховский, А. А. Реформатский), образность (А. И. Ефимов, В. Ф. Рудов, Ю. Р. Гепнер), воспроизводимость (Н. М. Шанский, С. Г. Гаврин, Л. И. Ройзензон), сочетаемость лексем и семем (М. М. Копыленко), внутрикомпонентные связи (В. Л. Архангельский), идиоматичность (А. И. Смирницкий), целостность номинации (О. С. Ахманова), характер отношения к действительности (Е. Н. Толикина), семантическая целостность (И. С. Топорцев), лексическая неделимость (Е. А. Иванникова) и т.д. [см. В. П. Жуков, А. В. Жуков 2006, 43].

Многие исследователи в качестве главных категориальных признаков выделяют целый комплекс признаков. К примеру, А. М. Бабкин считал, что для фразеологизма характерны такие признаки, как смысловая целостность, устойчивость сочетания слов, переносное значение, экспрессивно-эмоциональная выразительность [Бабкин 1964]. А. И. Молотков же утверждает, что

фразеологизм должен быть наделен лексическим значением, компонентным составом и грамматическим значением [Молотков 1977]. Такое резкое и принципиальное расхождение во взглядах ученых объясняется тем, что фразеологизм как категориальная единица сложна и многогранна. Несомненным, на наш взгляд, остается то, что при определении фразеологизма уместно говорить не об одном дифференциальном признаке, а о целом комплексе, поскольку отдельный признак, взятый в качестве основного, может присутствовать не только во фразеологизме, но и в другой единице языковой системы. Однако комплексы признаков, обозначенные в качестве определяющих, также нуждаются в совершенствовании, поскольку при включении одного какого-либо признака, за пределами внимания остается другой, не менее важный, при том, что все признаки, бесспорно, относящиеся к фразеологизму. И здесь нет необходимости перечислять все существующие относительно дифференцирующего признака или их комплекса. Достаточно рассмотреть уже приведенные мнения, чтобы утвердиться в своем собственном.

Так, к примеру, непереводаемость на другие языки не может являться основным, поскольку во многих языках существуют фразеологические сочетания абсолютно идентичные по смысловому содержанию и по форме: Бог (господь, аллах, черт, бес, шут) его (тебя, ее, вас, их) знает (русск.) – *Хуыцау (хэй-раг) йæ (дæ, уæ, сæ) зонæг* (осет.). Выражение недоумения по поводу чего-либо.: «А бог его знает, барин, – сказал он, садясь на свое место, – воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится» (А. С. Пушкин. Капитанская дочка); Боже упаси – *Хуыцау бахизæд*; будь, что будет – *цы уа, уый уæд*; в глазах темнеет – *цæстытæ тартæ кæныны*; вешать (повесить) голову – *сæр æруадзын*; в конце концов – *æппын фæстаг*; во весь голос – *йæ хъаласы дзаг*; время от времени – *рæстæгæй-рæстæгмæ*; входить в долги – *хæсы бацауын*; вывернуть наизнанку – *зыгъуыммæ рафæлдахын*; зажимать рот – *дзыхыл ныххæцын*; испустить дух – *уд сисын*; лицом к лицу – *лæгæй-лæгмæ*, «лоб в лоб» – *ныхæй-ныхмæ*; любой ценой – *цыфæнды аргъæй дæр* (или *цыфæндыйæ дар*) и много др.

Образность, которая также выводится на первый план в качестве признака, присуща не только фразеологизмам, но и отдельным словам, употребленным в тексте в переносном значении, пословицам и поговоркам, в которых она является неотъемлемой частью, некоторым синтаксическим конструкциям. Поэтому, руководствуясь этим признаком, фразеология становится практически безграничной.

Относительно идиоматичности, можно сказать, что, традиционно понимая ее как смысловую неразложимость, она настолько сужает границы фразеологии, что из области фразеологии выпадают фразеологические единства, сочетания и другие виды устойчивых сочетаний, хрестоматийно относящиеся к фразеологии. Тут следует оговорить, что в исследованиях по фразеологии большое внимание уделяется как раз уточнению понятий «идиоматичность» и «устойчивость», где нередко устойчивость сводится к воспроизводимости, простой повторяемости [Шанский 1069, 3], которую связывают с предсказуемостью компонентов на лексическом уровне [Копыленко 1973, 29], и понимают как ограничение в выборе «переменных» на лексическом, семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях [Архангельский 1964]. Как видим, трудности возникают не только в определении границ фразеологии, но в определении и уточнении понимания самих определяющих категорий.

Характерно, что исследователи ограничиваются анализом наиболее употребительных, широко известных и почти хрестоматийных фразеологизмов, которые легко вписываются в ту или иную представленную трактовку. Как правило, берутся варианты фразеологизмов, встречающиеся в общеизвестных трудах и фундаментальных грамматиках разных лет. Поэтому совершенно очевидно, что одни и те же фразеологизмы кочуют из одной работы в другую. Между тем, при охватывании более широкого материала, становится ясным, что практически нет совершенных классификаций и систематизации фразеологических единиц в частности и объектов фразеологии как лингвистической дисциплины в целом.

Уточнение главных определяющих признаков фразеологизмов как единиц языка не случайно. Большинство из этих призна-

ков в той или иной мере, пусть не в основной, но присутствуют и во многих других устойчивых сочетаниях и синтаксических конструкциях, речевых формулах. Поэтому возникает вполне логичный вопрос: следует ли относить к объектам фразеологии все типы сочетаний и конструкций, отвечающих основным признакам или комплексу признаков фразеологизмов, или все же это особый вид языковых единиц, не имеющий ничего общего с остальными устойчивыми соединениями и конструкциями?

При условии, что выдвигаемые признаки актуальны для всех типов устойчивых соединений, и предложенные определения универсальны, границы фразеологии значительно должны расширяться, и к объектам фразеологии тогда следует отнести не только собственно фразеологизмы, но устойчивые соединения, синтаксические конструкции устойчивого типа, речевые формулы, формулы этикетного содержания, коммуникемы, междометные выражения и малые жанры фольклорных текстов. При таком подходе фразеология как научная дисциплина требует серьезной переработки и жанрово-видовой систематизации ее объектов.

Если же в ведении фразеологии оставлять только собственно фразеологизмы, то возникает два вопроса: во-первых, принимать ли известные признаки, характеризующие фразеологизмы, с целым рядом оговорок и исключений или есть необходимость выявления других признаков, присущих исключительно собственно фразеологизмам; во-вторых, к какому разделу языкознания относить в этом случае остальные виды устойчивых соединений и синтаксических конструкций устойчивого типа, перечисленные выше?

Разнородность и разноплановость устойчивых соединений и синтаксических конструкций не мешает им иметь практически одни и те же признаки и выполнять схожие функциональные нагрузки.

Конечно, можно сослаться на то, что речевые формулы и этикетные выражение больше относятся к фольклору и ничего общего с фразеологией не имеют, а междометные выражения естественным образом – к междометиям. И такой подход, действительно, никак не противоречит пониманию фразеологии в

узком смысле. Широкое и узкое понимание объекта фразеологии в науке уже давно бытует, но и в этом вопросе исследователи не сходятся в едином мнении.

«Границей фразеологизма на уровне словосочетания, – пишет В. П. Жуков, – служит фразеологическое сочетание, а на уровне предложения – пословицы, поговорки и крылатые выражения». [Жуков..., 2006, 15]. Надо полагать, что это широкое понимание фразеологизма. Но почему, в таком случае, в ведение этой области знания попадают не все жанры фольклора, соответствующие характеризующим признакам фразеологизма, а лишь некоторые из них? Ответ, как нам кажется, лежит на поверхности. В виду слабой разработанности и недостаточной теоретической базы по исследованию других жанров, полностью или частично отвечающих функциональным и характеризующим признакам фразеологизма, большинство ученых старается не указывать на их отношение к той или иной отрасли знания. Те исследования, которые проводятся, чаще всего затрагивают функционально-стилистический, семантико-синтаксический аспекты, и авторы не особо останавливаются на вопросе их принадлежности к какой-либо области знания, тем более не проводят жанрового разграничения.

Но, все же, интерес исследователей к выражениям устойчивого характера не ослабевает, а, наоборот, постоянно возрастает. Этому способствует их активное внедрение практически во все стили речи. Образы и эмоции, метафора и оценка вышли за пределы художественной литературы и разговорного стиля: в последние десятилетия их присутствие наблюдается даже в официально-деловой речи, иногда – в научной. Кроме того, именно эти категории являются основными рычагами механизмов возникновения устойчивых выражений – фразеологизмов.

Интерес к фразеологии и устойчивым выражениям не ограничивается отдельными монографическими работами и статьями: создаются словари и появляются целые научные школы, разрабатывающие это направление. «Словарь русского речевого этикета» под авторством А. Г. Балакай, Словарь «Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи», составленный В. Ю. Меликяном на основе ряда трудов, посвященных этой теме, стали серьез-

ным вкладом в отечественную фразеологию. Под руководством В. Ю. Меликяна разрабатывались «Системный и функциональный аспекты интерпретации фразеосинтаксических схем с опорным компонентом-вопросительным словом (на материале испанского языка)» [Меликян 2007], «Фразеосинтаксические схемы с опорным компонентом – местоимением: язык и речь» [Панкова 2007] и другие проблемы фразеологии.

Попытки обойти прямое указание на причастность к фразеологии вынуждают авторов вводить новые термины и условные обозначения для называния устойчивых выражений. Так, к примеру, упомянутый выше В. Ю. Меликян склонен называть *коммуникамами* нечленимые предложения с непонятной семантикой (пр: ну и ну!, как бы не так!, какой разговор!, черта с два!, елки-палки! и т.д.) [см. Меликян 2001]. С. В. Андреева вводит термин *коммуникативы-местоимения* для обозначения «выражений утверждения или отрицания», выражения типа Ах! Ох! трактуются ею как *звуковые жесты*, «выражения эмоционального отношения и реакций» типа Ну и дела! – *коммуникативы*, а речевые формулы типа Счастливого пути! – *гибридные коммуникативы* [Андреева 2006, 105]. Д. Н. Шмелев называет *фразеосхемами* синтаксические конструкции, построенные с использованием вопросительно-относительных слов (Да где уж нам!, Куда там!, Мне-то что! и под.) [Шмелев 2006, 132-136]. Попытки И. А. Шаронова определить статус подобных выражений приводят к тому, что они рассматриваются в числе междометий [см. Шаронов 2008].

Мы не случайно привели в пример работы, посвященные исследованию не фразеологизмов, а выражений, в которых авторы усматривают устойчивый характер и склонны их соотносить с фразеологией. Во всех этих работах в качестве исследуемого материала выступают выражения практически одного порядка. Иными словами, то, что в одном источнике трактуется как фразеосхема, в другом – междометие; то, что общепринято называть речевой этикетной формулой, у другого автора – гибридный коммуникатив. При таком разнообразии терминологических обозначений трудно сразу понять, что речь идет практически об одном и

том же. Существование всех этих терминов-обозначений отчасти оправдывает лишь то, что исследования носят разноаспектный характер. Однако это ничуть не способствует лучшему пониманию границ фразеологии. Бесспорно одно: авторы всех приведенных работ, к которым мы еще вернемся, правы в том, что рассматриваемый ими материал носит в той или иной степени устойчивый характер. Некоторые авторы, правда, решаются отнести схожие выражения, пусть не к самой фразеологии, но к ее подсистеме.

Существуют и выражения, наиболее приближенные к фразеологии, но также остающиеся за ее пределами – это речевые формулы этикетного и бытового характера, носящие отпечаток того или иного этноса. Их также снисходительно принимает фольклор. Но возникает вопрос: отчего объектами фразеологии становятся малые жанры фольклора – пословицы и поговорки, а речевые формулы остаются без лингвистического статуса при очевидном сходстве их функциональной природы и явном пересечении их категориальных признаков?

В рамках данного исследования предполагается рассмотреть семантику и прагматику паремий и речевых формул, а также предложить их анализ в равной степени, как периферийных единиц фразеологии, так и паремиологии. Такой подход продиктован самой природой рассматриваемых единиц, которые занимают промежуточное положение между единицами языка и фольклора: относясь и к языку, и к фольклору одновременно, они, соответственно, становятся объектами изучения, как лингвистики, так и фольклора.

При таком подходе вполне логично будет дать характеристику означенным языковым явлениям и с точки зрения фразеологии, и с точки зрения паремиологии. Вместе с тем, мы не видим особой необходимости подробного рассмотрения собственно фразеологизмов, поскольку их изученность на данном этапе развития лингвистической науки не оставляет сомнений в плане их отношения к фразеологии, но, тем не менее, они будут рассмотрены как базовая часть в ее системе.

Фразеологические обороты в основной своей массе синтаксически представлены словосочетаниями и являются соответстви-

ями лексических единиц, поддаются морфологическому определению и имеют лексические синонимы и семантические соответствия. Следовательно, выражать они могут либо действия, либо признак, либо качество, образованное на основе метафорического осмысления. В других типах устойчивых выражений, имеющих структуру законченного предложения, посредством особых форм синтаксического построения передается не одна, а две и более содержательные категории, а значит, мы имеем предикативную основу, тяготеющую к сюжету. В особых случаях это может быть двух-, трехуровневый сюжетный план. В разграничении таких сложных форм устойчивых выражений зачастую возникают сложности.

1.3. Взаимодействие и взаимопроникновение единиц фразеологии и паремиологии

Вполне закономерно, что чем меньше спаянность компонентов выражения, тем уязвимее оно в плане сохранения своего статусного определения. Языковые единицы с относительно конкретной и устоявшейся семантикой давно нашли свое место в иерархической системе фразеологии. Что же касается, к примеру, речевых формул, имеющих достаточно своеобразную специфику во всех отношениях, то определение их лингвистического статуса осложняется их семантической многомерностью и стилистической многоплановостью.

В то же время в современных исследованиях предлагается достаточно гибкая классификация устойчивых оборотов, которая позволяет поставить под сомнение и статус собственно фразеологизмов, которые до настоящего времени включались во фразеологическую систему языка и являлись объектами изучения фразеологии. Если отталкиваться от классификации фразеологических оборотов, предложенной В. В. Виноградовым, то с уверенностью можно сказать, что на данном этапе, пожалуй, только фразеологические сращения и единства могут сохранять свой статус фразеологизмов и оставаться объектами фразеологии. Остальные же жанровые группы и виды устойчивых выражений могут быть

подвергнуты критическому анализу в плане их причастности/непричастности к фразеологии.

Тем не менее, собственно фразеологические обороты и их разновидности достаточно изучены, и их пересмотру мы не будем уделять особо пристального внимания. Гораздо актуальнее вопрос рассмотрения и определения статуса паремий и речевых формул. В этом плане нас интересуют некоторые виды устойчивых единиц, в том числе и отдельные типы речевых формул, которые могут состоять из нескольких самостоятельных предложений, семантически неразложимых и неотделимых друг от друга; те случаи, когда необходимо говорить не о высказывании, соотносимом с одним завершенным синтаксическим целым, а о группе синтаксических единиц, представляющих одно неразложимое целое.

До настоящего времени речевые формулы относились к фольклору, являлись одной из жанровых разновидностей «малых» фольклорных жанров. Но с развитием отраслей филологических знаний, и лингвистики в частности, все более сомнительным становится их однозначная принадлежность к одному из фольклорных жанров. Не являются они и в полной мере этикетными выражениями. Скорее всего, это как раз тот уникальный случай, когда языковые единицы обладают признаками практически всех языковых единиц.

В контексте вышеизложенной проблематики нас интересуют, в первую очередь, паремии и речевые формулы как формы устойчивых конструкций.

Пословицы и поговорки включаются в систему фразеологии учеными, придерживающимися широкого понимания фразеологии. Но относительно недавно появилось отдельное направление в филологии, которое как раз изучает собственно пословицы и поговорки, и в рамках которого они называются паремиями. Следовательно, паремии как «малые» формы фольклорных жанров становятся объектами исследования не только фразеологов, но и фольклористов, а также паремиологов. Подобный интерес к данным выражениям обусловлен высокой степенью их выразительности и широким диапазоном экспрессивных оттенков. Но, к

сожалению, специальные комплексные исследования, посвященные изучению интересующих нас выражений, отсутствуют, в том числе и в осетинском языке.

Среди наиболее известных работ по данной проблематике наше внимание привлекли работы известного паремииолога Г. Л. Пермякова [1988]. Серьезное и детальное изучение паремий позволило ему дать достаточно четкую характеристику и вывести разноплановые классификации пословиц и поговорок. Надо сказать, что наряду с пословицами и поговорками ученый в свою классификацию включает и остальные формы кратких изречений (именно так он их называет в своих трудах), но фактическому анализу в работах подверглись лишь пословицы и поговорки.

Несмотря на упрощенное изложение материала и, главным образом, упрощенное представление схем и таблиц (о чем предупреждает и сам автор), неоспорим его серьезный вклад в отечественную филологию. Относясь к работам признанного автора как к основополагающим, но не завершенным и не окончательным, мы убеждены в том, что исследовательские результаты Г. Л. Пермякова могут послужить серьезной базой для дальнейших изысканий, поскольку такой многоплановый и разноуровневый пласт требует комплексного, планомерного и детального изучения.

Итак, интересующие нас выражения устойчивого характера Г. Л. Пермяков называет «разного рода языковыми клише» [Пермяков 1988, 79-80]. Различные по типу, характеру построения, функциональным возможностям, стилистическим функциям, и, наконец, по синтаксическим конструкциям, не совсем верно и приемлемо было бы обозначать их, на наш взгляд, одним термином, тем более, что этот термин не передает смысла и полного языкового содержания каждого из всех, включаемых в этот круг, типов высказываний, хотя бы на том основании, что эти выражения относятся к совершенно разным жанрам, различным по характеру функционирования их в речи. К тому же внутри контекста они также выполняют разные функции и роли: заместительную, диалогическую, этикетную, формальную и т.д. Скажем, такие формы, как анекдоты, загадки, задачи, басни, кумулятивные сказки и пр., больше относятся к фольклору и лишь могут

представлять для лингвиста интерес в качестве богатейшего источника фольклорного и этнографического материала. Такого типа устойчивые выражения требуют определенной языковой ситуации и участников этой ситуации. Для свободного воспроизведения текстов перечисленных жанров необходим благоприятный речевой фон, иначе выражение или речевая единица не смогут раскрыть в макроконтексте всего своего потенциала. Употребление его в речи будет напрасным, а ситуационно-речевые цели, дуемаем, не будут достигнуты.

Совсем иначе обстоит дело с другими формами устойчивых выражений – поговорицами, поговорицами, проклятиями, благопожеланиями, поздравлениями, клятвами и др. И тут определяющим фактором выступают жанровые особенности и их различия. Компактные по форме и максимально образные по содержанию, перечисленные жанры высказываний не требуют определенной речевой ситуации и не имеют строго определенных целеустановочных признаков: они достаточно легко внедряются в текст, адаптируются в нем и бытуют (если это письменный текст); совершенно свободно вплетаются, так же, как и отдельно взятые слова, в общую речевую ткань спонтанного текста; их присутствие в речи/тексте не отвлекает внимания от основного содержания и не влечет за собой смену предмета речи.

Условно говоря, для того, чтобы использовать в речи, скажем, анекдот или загадку, нужна соответствующая и речевая, и коммуникативная обстановка. Причем необходимость в такой обстановке для таких жанров выше, чем для других форм устойчивых выражений. Кроме того, необходима не только конкретная ситуация, но и определенный настрой коммуникантов, предрасположенных к восприятию именно анекдота. Трудно представить ситуацию, когда анекдот или загадка используются в «непредвиденных» и «непредсказуемых» ситуациях и условиях. Такого рода формы устойчивых выражений и жанров требуют неспешного, уравновешенного эмоционального состояния, и, по меньшей мере, благоприятно настроенного на продолжительное и неспешное общение и беседу. Ведь совершенно неуместно включать в свою речь (текст) анекдот или загадку при обсуждении какого-либо важного

вопроса/проблемы, или вне соответствующей для этого речевой ситуации. Совсем в иной речевой обстановке и языковой ситуации, в ином эмоциональном состоянии воспроизводятся речевые формулы проклятия, благопожелания, поздравления и другие формы «малых» жанров фольклора.

Ранее упомянутая классификация типов клише, предложенная Г. Л. Пермяковым, выстроенная с учетом их величины и сложности, применима исключительно в фольклоре, поскольку включает в себя жанрово и стилистически разноплановые единицы. В эту систему под общим обозначением «клише» включены как слова всех степеней сложности, так и фразеологические обороты. Весьма сложно давать хоть сколько-нибудь серьезную лингвистическую оценку этой классификации, потому как нет никаких комментариев и пояснений к такому выстраиванию иерархии представленных клише. Мы склонны считать классификацию условной, так как, по Г. Л. Пермякову, основным объектом являются паремии (имеются в виду только пословицы и поговорки. – Моргоева). Со своей стороны, должны отметить, что эта классификация оправдывает себя лишь в том случае, если она служит для демонстрации и трактовки жанрового разнообразия типов клише в соотношении с областями знания [см. Пермяков 1988].

Пословицы и поговорки, ставшие основным объектом исследований ученого, принципиально не разграничиваются и по большей части обозначаются общим термином «паремия», что позволяет нам относить выдвигаемые положения и выводы автора и к остальным типам «клише», включенным в классификационную схему. Такой подход, на наш взгляд, не совсем эффективен для понимания и полного представления функциональной природы каждого типа клише в отдельности. Кроме того, смущает и сам термин «клише», избранный для обозначения означенных типов устойчивых выражений.

Понятие «клише» (как и понятие «речевые штампы»), по нашему мнению, больше соотносимо с устоявшимися формулировками и словосочетаниями, широко используемыми в официально-деловом стиле речи и реже в публицистике. Поскольку одно

из значений слова «клише» сводится к обозначению шаблонного выражения, избитой мысли, то оно как нельзя лучше подходит для терминологического обозначения таких формулировок, как «принять к сведению», «вынести на всеобщее обсуждение», «согласно штатному расписанию», «в режиме реального времени», «в рабочем порядке» и др., но совершенно не отражает сути внутренних процессов коннотативных смыслов паремий. Такая, незначительная, на первый взгляд, неточность – довольно распространенное явление. К примеру, в специальных справочниках предлагают выделять газетные, научные, канцелярские и фольклорные клише, к их разновидностям относить и формулы речевого этикета, афоризмы, фразеологизмы, крылатые слова, некоторые лозунги, цитаты [Культура ... 2003, 241].

Трудно согласиться с такой терминологической трактовкой, поскольку все перечисленные типы устойчивых выражений в качестве основного общего признака имеют только *устойчивость*. В действительности же из перечисленных типов устойчивых единиц к языковым клише мы предлагаем относить лишь канцелярские, научные и газетные устойчивые формулировки, а также некоторые лозунги, автоматизирующие процесс воспроизведения, облегчающие процесс коммуникации с целью экономии усилий, мыслительной энергии и времени как для говорящего (пишущего), так и для слушающего (читающего). Что же касается остальных типов, относимых к видам клише, то они таковыми не являются, поскольку у них иные прагматические задачи и функциональные нагрузки, никоим образом не направленные на экономию усилий и мыслительной энергии. Наоборот, они активизируют мыслительную деятельность, создавая (пусть даже на фоне закрепленных за ними устоявшихся значений) новые смыслы и новое восприятие. Кроме того, они являются изобразительными средствами, украшающими нашу речь, чего нельзя сказать о действительных клише.

Именно поэтому, на основании вышеизложенного, мы считаем, что поговорки, пословицы, речевые формулы, а также некоторые формы этикетного общения и обращения необходимо рассматривать как самостоятельный блок устойчивого фонда языка

с собственно культурными кодами, отражающими национальную картину мира.

Однако, трудность разграничения устойчивых выражений и паремий заключается не только в их классификации и общем терминологическом обозначении.

Авторы современного учебного пособия на основании кратко изложенных рассуждений в разделе «Паремиология» приходят к выводу, что «фразеологизмы, паремии и афоризмы – это разновидности устойчивых выражений, каждая из которых характеризуется своим набором структурных, семантических и функциональных особенностей» [Алиференко, Семененко 2009, 243]. Следовательно, данное определение дает основание все разновидности относить к одной отрасли знания (науки о языке) или разделу языкознания. Общность функционально-семантических признаков точно подмечена. Если до сих пор мы в основном сталкивались с утверждениями о том, что пословицы и поговорки одновременно относятся и к фразеологии, и к паремиологии (налицо широкое понимание фразеологии), то из их определения следует, что фразеологизмы относятся лишь к паремиологии. Это достаточно новая версия понимания объектов исследования паремиологии как науки. Однако, наряду с этим определением, там же находим пояснение узкого понимания паремий, из которого следует, что таковыми считаются только пословицы и поговорки, и объясняется это тем, что «именно они выполняют функцию «нравоучения» и могут претендовать на статус выразителей «народной мудрости» [там же]. Возникает вопрос: что же тогда относится к объектам паремиологии в широком его понимании, если необоснованным, по их мнению, считается включение в его состав присловий, скоро- (чисто-) говорок, прибауток, загадок, поверий, суеверий, примет и т.д., которые встречаются у большинства авторов старых рукописных и печатных сборников (И. В. Паус, В. Н. Татищев, А. И. Богданов, П. Симони, В. И. Даль, И. М. Снегирев и др.).

Паремиологический фонд русского языка представляет собой «совокупность различных по времени происхождения и различных по степени востребованности в современной речевой

практике народных изречений, различающихся структурными и семантическими особенностями и объединенных рядом специфических признаков, прежде всего, таких, как естественность происхождения, устойчивость и воспроизведение в речи в тот или иной исторический период. Кроме того, паремиологический фонд русского языка является областью отражения, хранения и трансляции культурных ценностей народа» [Алиференко, 2009, 247].

Как видим, теоретический материал в упомянутом учебном пособии, выбранном нами в качестве примера в случайном порядке, противоречив и неоднозначен, что крайне усложняет понимание собственно авторской позиции на предмет и объект как фразеологии, так и паремиологии. С одной стороны, пословицы и поговорки являются основными объектами изучения паремиологии, с другой – они традиционно рассматриваются как часть фразеологического фонда. В узком понимании паремиология, по мнению авторов, изучает только пословицы и поговорки, а другие виды устойчивых выражений отграничиваются как не относящиеся к этой науке, хотя в то же время ими называются «основными разновидностями» паремий. Следовательно, должны быть и другие разновидности, однако о них даже не упоминается.

К сожалению, подобного рода логические несоответствия и расхождения в теоретических положениях нередки. В частности, крайне размытыми оказываются признаки, критерии, особенности, которые приводятся как характеризующие тот или иной тип устойчивых выражений, а функционально-стилистическое описание пословиц и поговорок, приводимое во многих источниках, одинаково успешно может относиться и к ряду других (если не ко всем!) типов и жанров устойчивых выражений. Так, определение паремиологического фонда, цитируемое несколько ранее, в равной степени подходит и к другим фольклорным жанрам «малой» формы – загадкам, речевым формулам различного характера, присловьям, прибауткам и прочим. Отсутствие последовательного системного описания, четко характеризующего каждый тип в отдельности и позволяющего любое высказывание идентифици-

ровать без затруднений, серьезным образом осложняет становление лингвистической теории и изучение частных проблем фразеологии и паремиологии.

Анализируемое издание является сравнительно новым и потому отражает современное состояние данной проблематики. Однако, справедливости ради, заметим, что это одна из немногих работ, где вообще рассматривается эта область языкознания. В более ранних трудах отечественных фразеологов крайне редко встречается исследовательский анализ пословиц и поговорок как объектов фразеологии в широком понимании, или же как объектов паремиологии. В основном авторы ограничиваются лишь указанием на общеизвестные признаки, такие, как «выразительность», «лаконичность высказывания назидательного характера», «интонационная завершенность», «воспроизводимость» и т.д., в качестве их функциональных особенностей выделяя аккумулятивную, прагматическую и когнитивную функции.

Между тем, сомнению не подлежит тот факт, что перечисленные признаки и функции являются характеризующими в равной степени как собственно фразеологизмы, так и большинство разновидностей «малых» форм фольклорных жанров. Вопрос в другом: по каким тогда признакам и критериям исследователи проводят их разграничение и определяют объекты изучения фразеологии и паремиологии?

Немалые трудности в разграничении рассматриваемых единиц создают и современные исследователи, которые, опираясь на труды некоторых языковедов, допускают разночтения, влекущие за собой разнообразие толкований и трактовок как теоретических положений, так и самих выражений. В частности, спорность относительно жанра поговорки, прямо или косвенно высказываемая в отдельных работах, по нашему мнению, надумана, а предложение по ее упразднению (исключению) как самостоятельной единицы языка и фольклора сомнительно, что вытекает, как нам кажется, от изначально неверной трактовки как самого вида устойчивых выражений, так и определения отличительных особенностей поговорок, дифференцирующих их от пословиц. Нередки также случаи, когда отдельные теоретические искажения

подкрепляются случайно выбранными цитатами из общего контекста. К примеру, поговорка, наравне с пословицей, называется паремией и относится к объектам паремиологии, с другой стороны, она приравнивается или сближается с фразеологической единицей (ФЕ). Более того, с ссылкой на авторитетность ряда исследователей, высказывается мнение об отсутствии необходимости в поговорке как отдельном виде высказываний, как самостоятельной формы устойчивых единиц, поскольку, по их мнению, последняя зачастую является аналогом фразеологизма. Между тем варианты поговорок, приводимых в качестве подтверждения правоты подобных выводов и умозаключений, весьма сомнительны (*рука набита, глаз наметан, не нам чета, не лыком шит* и т.д.) [см. Алиференко... 2009, 244], поскольку во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова они представлены как собственно фразеологизмы [ФСРЯ 1986].

С учетом подмеченных нами отдельных недочетов, касающихся некоторых ФЕ и словаря в целом [см. Моргоева 2013], мы не подвергаем сомнению отнесение вышеприведенных вариантов устойчивых выражений именно к числу ФЕ, поскольку они полностью отвечают тем категориальным признакам, которые выдвигаются автором словаря в теоретических положениях. Категориальные признаки ФЕ – целостность, семантическая неразложимость, неделимость, грамматическая соотнесенность со словом и воспроизводимость – присутствуют в приведенных примерах, а значит, не должно возникать никаких сомнений по поводу их лингвистического статуса как ФЕ.

Мнение ученых о сходстве и сближении поговорок с фразеологизмами, высказанное в середине прошлого столетия (М. А. Рыбникова, И. М. Снегирев, В. П. Аникин), разделяется некоторыми современными исследователями, в том числе и упомянутыми нами авторами учебного пособия по фразеологии и паремиологии.

Встречаются и явные искажения научной позиции. Речь идет о предложении В. И. Жукова относительно возможности «упразднения термина «поговорка» как аналога фразеологизма» [Алиференко... 2009, 246]. В. И. Жуков, напротив, указывает на само-

бытность и отличие пословиц и поговорок от фразеологизмов, объясняя это тем, что «пословицы и поговорки отличаются как от фразеологизмов, так и от крылатых выражений. От фразеологизмов пословицы и поговорки отличаются в структурно-грамматическом отношении: они представляют собой законченное предложение. В основе их целостного смыслового содержания лежат не понятия, а суждения. Поэтому пословицы и поговорки не могут быть носителями фразеологического значения, которое присуще фразеологизмам; смысл их может быть передан только предложением (нередко развернутым), тогда как значение фразеологизма передается словом или словосочетанием» [Жуков 2000, 9]. Что касается непосредственно самого предложения об упразднении поговорки, то в цитируемом источнике говорится, что «во избежание терминологической путаницы можно, по нашему мнению, или упразднить термин «поговорки» как аналог фразеологизмов, или по-новому его осмыслить. Думается, что этот термин *упразднить нецелесообразно*» (курсив наш. – Моргоева) [см. там же].

Следовательно, надо признать факт искаженной трактовки сути самого цитируемого высказывания, который приводит к неверным выводам, направляющим по ложному теоретическому пути. На современном этапе развития лингвистической науки отождествление поговорки и фразеологизма, на наш взгляд, недопустимо, тем более, что в качестве примеров поговорок предлагаются собственно фразеологизмы.

Мы полностью исключаем возможность упразднения поговорок как особых форм народных изречений и абсолютную идентичность их с собственно фразеологизмами, поскольку, несмотря на отсутствие четкого понимания принципов разграничения пословиц и поговорок, существует осознание их разности в лингвистическом, фольклорном, этнолингвистическом и других пониманиях, и важности каждой из них как самостоятельной единицы. Ведь очевидно, что между ними существуют принципиальные различия, равно как и то, что они максимально близки друг к другу как никакие другие формы кратких устойчивых единиц.

Совершенно понятно, что близкое жанровое родство происхождения и форма, а также сходство функционально-стилистиче-

ских особенностей не всегда позволяет провести четкое разграничение между схожими выражениями. Но именно по этой причине необходима классификационная система различных типов устойчивых выражений, разработанная с учетом их отличительных признаков; должны быть приняты во внимание их целеустановочные, жанрово-композиционные, функционально-семантические и другие особенности, благодаря которым возможно было бы без особых затруднений составить их дефиницию.

Установлено, что пословица имеет, как правило, два смысла, два плана содержания, а поговорка один. Это означает, что пословица имеет прямой и переносный смыслы, которые могут взаимодействовать или выступать в качестве актуальных смыслов по очереди. Поговорка же, напротив, имеет только один прямой смысл и вполне успешно при этом используется в тех же речевых условиях и с теми же функциями. Между тем, понимание пословицы как объекта филологии известно, и оно часто встречается в соответствующих источниках. Напротив, понятийное определение термина «поговорка» встречается редко, хотя неразрывность и тесная взаимосвязь этих двух понятий общеизвестна и понятна.

Таким образом, наша позиция заключается в необходимости разграничения пословиц, поговорок, крылатых слов и выражений как отдельных видов устойчивых выражений (образований) и как межуровневых и междисциплинарных единиц языка. Вершиной этой пирамиды под названием «устойчивые выражения», конечно, будут фразеологизмы как единицы, более жестко соблюдающие основные категориальные признаки устойчивости.

1.4. Классификация устойчивых единиц. Общность и противоречия

«К сожалению, жизнь людей не проста, и если мы хотим изучить жизнь, – а язык есть кусочек жизни людей, – то это не может быть просто и схематично. Всякое упрощение, схематизация грозит разойтись с жизнью, а главное, перестает учить наблюдать жизнь и ее факты, перестает учить вдумываться в ее факты» [Щерба 2007, 99]. Слова академика Л. В. Щербы приведены в надежде, что они

наиболее полно объясняют наше стремление исследовать устойчивые выражения всех упомянутых типов и получить в результате единую возможную картину под названием «фразеология».

Мы не раз упоминали о спорности не только объектов фразеологии, но и спорности характеристик, определяющих данную языковую единицу. Для дальнейшего исследования необходимо подробнее остановиться на самом определении фразеологизма как языковой единицы и на характеризующих его признаках.

Так, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В. Н. Ярцевой фразеологизм определяется как «общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [ЛЭС 1990, 559]. Такое понимание фразеологизма вполне отвечает нашему пониманию и представлению об этой единице языка, поэтому не видим необходимости оспаривать его, приводя другие определения. Но помимо общего определения поясняется, что этот термин «обозначает несколько семантически разнородных типов сочетаний: идиомы, характеризующиеся переосмыслением их лексико-грамматического состава и обладающие целостной номинативной функцией, ... к ним примыкают сочетания-фразеосхемы, в которых переосмыслены синтаксическое строение и определенная часть лексического состава, а остальная часть заполняется в контексте» [см. там же]. Здесь нужно подметить, что автор данной словарной статьи В. Н. Телия использует понятие фразеосхема несколько в иной трактовке, нежели его предлагает ранее упомянутый Д. Н. Шмелев. Это еще один повод говорить не только о различных терминах для обозначения одного и того же явления, но и о различном понимании одних и тех же терминов.

Мы неоднократно еще столкнемся с проблемами терминологического характера, которые будут препятствовать объективному представлению всей системы фразеологии, которую выстроить намерены в нашем исследовании. Появление новых терминов и

обозначений, несомненно, является свидетельством развития для любой отрасли науки. Необходимость в новой терминологии возникает при достижении новых открытий или переосмыслении ранее известных фактов. Говоря о Знаковой Модели Природы, нужно понимать, что от качества знаковой системы зависит характер дальнейшего научного творчества.

Чем сильнее научная традиция в данном языке, тем больше процент научных понятий, имеющих понятное одинаковое оформление. В этом смысле можно говорить о НКМ (национальной научной картине мира) [см. Корнилов 2011, 43-47] «Если сознательно не заниматься терминами, ученые в конце концов перестанут понимать друг друга. Форма языка оказывается отнюдь не безразличной к содержанию самой науки» [см. Будагов 1972, 43].

«Традиционные термины часто сковывают мышление исследователей и могут стать препятствием для плодотворных изысканий. Правда, раз навсегда установленная терминология, в которой значение каждого термина хорошо известно каждому читателю, представляет огромные преимущества; однако если в соответствии с установленной терминологией употребляются одни и те же термины, но значение каждого из них бывает различным в зависимости от обстоятельств или индивидуальных привычек разных авторов, то становится необходимым решить, какое значение лучше всего придать этим терминам, или же ввести новые термины, свободные от двусмысленности» [Есперсен 2002, 393]. Определение наиболее точного и в то же время оптимально подходящего термина очень важная задача и, конечно, этот процесс не должен проходить без учета и аналитического осмысления уже существующих терминологических определений. В ходе нашего исследования мы надеемся прийти к каким-либо приемлемым результатам.

Продолжая анализировать определение фразеологизма, приведенного выше, и отталкиваясь от него, необходимо заметить, что, считаясь основным и закрепленным академическим словарем, оно допускает введение в раздел фразеологии не только собственно фразеологизмы, но и пословично-поговорочный фонд языка, и такие устойчивые выражения, которые принято условно называть речевыми формулами и междометными выражениями.

Итак, в задачи нашего исследования входит анализ устойчивых выражений разного типа и степени спаянности и определение их причастности/непричастности к фразеологической системе языка.

В качестве основных и универсальных признаков фразеологизма принято называть семантическую транспозицию, устойчивость и воспроизводимость. Исходя из этого, вслед за В. В. Виноградовым, большинство ученых выделяют 4 типа фразеологизмов: сращения, единства, сочетания и выражения.

Фразеологические сращения, определяются как идиомы, утратившие мотивировку общего значения, в состав которых, как правило, входит компонент, вышедший из употребления. В качестве примеров сращений чаще всего встречаются «бить баклуши», «попасть впросак», «валять дурака», «собаку съесть», «у черта на куличках» и др. Понятно, что при таком ограниченном количестве вариантов сращений трудно вырисовывается общая картина об объеме и характере сращений, равно как и понятны оговорки авторов об ограниченности технических рамок исследования. Существуют, конечно, исследования, посвященные этимологии отдельных сращений, но речь идет не о них, а о том, что исследователи вопросов фразеологии могли бы разнообразить свой иллюстративный материал, избегая хрестоматийных вариантов. По всей видимости, никто не берет на себя ответственность расширять круг приводимых сращений, тем более, что даже в авторитетном «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова не наблюдается никаких разделений по степени спаянности компонентов ФЕ [ФСРЯ, 1986]. Таким образом, классификация В. В. Виноградова, являясь базовой, остается формальной, условной, поскольку не прибегают к нему и авторы монографических работ по исследованию фразеологизмов.

По мнению В. В. Виноградова, «основным признаком сращения является его семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значений целого из компонентов. Фразеологическое сращение представляет собою семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы. Оно не есть ни произведение, ни сумма семантических элементов. Оно – химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения

современного языка аморфных лексических частей. При этом семантической неразложимости целого иногда сопутствует сохранение внешних грамматических границ между частями фразеологического сращения. Это своеобразный след былой лексической расчлененности словосочетания» [<http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&a0=26#s004>, 31.01.12].

В своем историко-этимологическом очерке «Образы русской речи» В. М. Мокиенко понимает фразеологизм «традиционно – как сочетание слов, обладающее относительной устойчивостью, воспроизводимостью в готовом виде, экспрессивностью и целостными значениями» [2007, 6], исключая из фразеологии пословицы, устойчивые составные термины, номенклатуры и цитаты, но признавая их в качестве источника. Автор, рассуждая об идеоматике, наделяет ее двойной индивидуальностью: как явление современного литературного языка и как отражение каких-либо национальных реалий. Под общим названием оборота скрывается определение как раз фразеологических сращений как самостоятельных осколков некогда активной модели, со временем утративших актуальность. Совершенно очевидно, что это определение относится именно к сращениям, т.е. идиомам, но таковыми напрямую не называются. Вместе с тем, большинство рассматриваемых в книге оборотов являются идиомами по определению, но по непонятным причинам в самом тексте не называются ни идиомами, ни сращениями: «с первого абцуга», «мозги набекрень»*, «ваззни с три кусы»*, «растекаться мыслию по древу»*, «отправиться восвояси»*, «дотла»*, «ни зги не видно», «идти насмарку», «быть на чеку»*, «на карачки», «на корточки», «тютелька в тютельку», «забить козла»*, «наговорить сорок бочек арестантов»*, «ни богу свечка, ни черту кочерга» и т.д. В такой ситуации трудно определить, склонен ли автор отождествлять термины «фразеологизм» и «идиома», или он действительно посвятил свое исследование только одной группе оборотов – фразеологическим сращениям.

Мы не ставим перед собой цели определить, относятся ли приведенные выше выражения к сращениям или нет, дабы не исказить научную позицию автора. Заметим лишь, что не все фразеологиз-

мы, подвергнутые историко-этимологическому исследованию в указанном исследовании и отмеченные нами звездочками, включены во «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова.

Нас можно было бы обвинить в излишней придирчивости к терминам, если бы в современной науке не наблюдался факт «свободного хождения» многочисленных терминологических обозначений, грозящий привести к ложным умозаключениям и нарушению всей системы фразеологии. Достаточно только взять в качестве примера термин «идиома», чтобы наглядно продемонстрировать правоту наших слов. Так, в упрощенном варианте под идиомой подразумевается устойчивое сочетание языковых единиц, значение которого не совпадает со значением составляющих его единиц. Между тем во многих источниках, в том числе и современных электронных справочниках и словарях, в качестве синонима этого термина приводят и вариант «идиом», что совершенно недопустимо, потому как это абсолютно другой термин, и сходство их ограничивается омонимичностью.

В действительности же термин «идиом» «Лингвистический энциклопедический словарь» трактует как общий термин для обозначения различных языковых образований, и используется в тех случаях, когда определение точного лингвистического статуса языкового образования затруднено, или когда такое определение несущественно в рамках решаемой задачи [см. ЛЭС 1990, 171]. Более того, в словарной статье предупреждают, что «термин «идиом» не следует смешивать с термином «и д и о м а», относящимся к фразеологии» [там же]. В то же время, в этом же словаре отсутствует словарная статья на слово «идиома».

Четкое разъяснение встречаем в «Современном русском языке», где к определению сращений дается примечание, что «фразеологические сращения по-другому называются идиомами (гр. *Idiōma* – свойственное только данному языку неразложимое словосочетание, от греч. *idios* – своеобразный)» [см. <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook107/01/part-011.htm>].

Фразеологические единства в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», так же, как и сращения, называются идиома-

ми, с той разницей, что они сохраняют прозрачную внутреннюю форму: «сидеть на мели», «стреляный воробей», «кот заплакал» [ЛЭС 1990, 559].

Между тем, это другой тип устойчивых, тесных фразеологических групп, где в результате слияния значений лексических компонентов возникает мотивированность целостного значения. Они также семантически неделимы и являются выражением единого, целостного значения, но, по справедливо подмеченному определению В. В. Виноградова, «если в тесной фразеологической группе сохранились хотя бы слабые признаки семантической раздельности компонентов, если есть хотя бы глухой намек на мотивировку общего значения, то о сращении говорить уже трудно» [<http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&a0=26#s004,31.01.12>].

Следовательно, если это разные фразеологические группы, то было бы справедливым сохранить различия и на уровне терминологического обозначения во избежание излишней путаницы.

Итак, основное отличие фразеологических единств от сращений состоит в том, что значение всего фразеологизма тесно связано с пониманием потенциального смысла слов, входящих в его состав, что являет собой внутренний образный стержень всей фразы. Поэтому фразеологические единства легко расшифровываются как образные выражения, компоненты которых имеют конкретное значение и зачастую экспрессивную окраску.

Стилистика этой группы фразеологизмов разнообразна – от разговорно-фамильярных выражений («держать камень за пазухой», «выносить сор из избы», «последняя спица в колеснице», «плясать под чужую дудку», «без ножа зарезать», «чесать языком» и т.д.) до литературно-книжных («плыть по течению», «Аннибалова клятва», «вносить свой вклад», «золотая середина» и.д.).

О категории образности мы еще будем говорить, поскольку считаем ее едва ли не основополагающей в образовании и возникновении устойчивых выражений.

Фразеологические сочетания представляют собой в большинстве своем сочетания двух и более слов с устоявшейся и нередко стертой метафорической основой: *поле деятельности, зло (за-*

висть, гнев, смех, страх) берет, оказывать помощь и т.д. Такого рода сочетания давно вышли за рамки художественного стиля и публицистики, и большинство из них активно используется в деловой и научной речи. Их проникновение в более сдержанные и официальные сферы общения существенно снижает их эмоционально-экспрессивную значимость в общей системе устойчивого инвентаря языка, но освежает некоторую сухость и сдержанность самих стилей, в которых они нашли свое применение.

С этой точки зрения составные названия-термины можно считать ответвлениями или видами фразеологических сочетаний, с той лишь разницей, что те, в свою очередь, являются исключительно языковым арсеналом деловой и научной речи и, наоборот, вторичной является для них почва литературы, публицистики и разговорной речи.

К примеру, составные термины: *воротник Стокса, грудная жаба, заячья губа, волчья пасть, анютины глазки, адамово яблоко, мать-и-мачеха, большая медведица, млечный путь* и т.д. В осетинском языке в качестве составных терминов могут выступать сочетания *мыды бындз* «пчела» (букв. муха меда), *армы тъапаен* «ладонь» (букв. плоскость руки), *арвы самаен* «Полярная звезда» (букв. ось неба), *Арфаны фæд* «Млечный путь» (букв. след Арфана, сказочного коня), *какон сынды* «терн, терновник», *тала баелас* «молодое деревцо», *хæтга низ* «хроническая болезнь», *хъысын фæндыр* «скрипка» (букв. струнная гармонь), *майма булкъ* «редиска» (букв. месячная редька) и др. Здесь следует оговорить, что не все сочетания осетинского языка признаются как составные термины. Поскольку большинство из них выражают значение одного понятия, возникает вопрос о слитном или раздельном написании многих из них. Между тем значительная часть осетинской лексики имеет как раз образную основу. И это одна из малоизученных областей осетинской лексики, которая также находится на стадии разработки, поскольку теснейшим образом соприкасается с нашей проблематикой.

Возвращаясь к теме исследования, продолжим рассмотрение следующей группы. Фразеологические выражения, называемые еще устойчивыми фразами, в ЛЭС определяются как предложения

с переосмысленным составом, и в качестве примера приводится поговорка «не имей сто рублей, а имей сто друзей».

Термин «фразеологические выражения» недостаточно корректен в данном случае, ибо он может обозначать не только фразеологизмы определенной степени спаянности, но и все устойчивые выражения. Но там, где упоминание о фразеологических единицах и устойчивых выражениях носит не основной, косвенный, дополнительный или второстепенный характер, это позволительно, тогда как совершенно неприемлемо такого рода обобщение в работах, где центральным объектом рассмотрения являются именно единицы фразеологического уровня. В этом отношении более приемлем термин «фразеологические сочетания», который сужает круг обозначаемых единиц и определяет фразеологические единицы, которые, будучи построенными по продуктивной модели, не обладают в отличие от единства полной семантической слитностью; они отличаются от свободного сочетания лишь тем, что опорное слово в них употребляется в несвободном, фразеологически связанном значении, т.е. в таком значении, которое реализуется только в сочетании с данным набором лексических единиц [см. Ахманова 1966].

Таким образом, фразеологические группы, представленные в традиционной классификации В. В. Виноградова, приняты как базовые и существенно доработаны последующими исследователями-лингвистами. Однако, четвертая группа, обозначенная как «Фразеологические выражения» дает широкий простор для возможного включения в состав фразеологии остальных типов выражений, не имеющих отношение к сращениям, единствам и сочетаниям, т.е. собственно фразеологизмам, но обладающих некоторыми характеризующими признаками последних. Как раз на этом основании, по нашему мнению, ученый мир разделился на сторонников широкого понимания фразеологии, т.е. включения в его границы все или большинство выражений устойчивого характера, и сторонников узкого понимания фразеологии, признающих в качестве объектов фразеологии исключительно идеоматические выражения.

ГЛАВА 2 РЕКОНСТРУКЦИЯ СИСТЕМЫ УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦ

2.1. Стилистические коннотаты и когнции

Устойчивые обороты языка выполняют яркую когнитивную и прагматическую функции. В этом отношении единицы с немотивированной семантикой и высокой степенью семантической спаянности имеют большую эффективность. Фактическое разграничение сращений и единств вызывает определенные трудности. Принято называть сращениями те единицы, в которых при упоминании одного (чаще «центрального») компонента или одной половины фразеологической единицы носитель языка может без труда продолжить ее до конца (завершить), например: *у черта на куличках, ни зги не видно, лясы точить, попасть впросак* и другие. В осетинском языке таких фразеологических оборотов с «наивысшей степенью слитности» [Шанский, 1969, с.80] немного, но все они, в основном, являются носителями сильного эмоционального заряда: *æрхъæцма йыл нæ хъæцы (лаууы)* «кого-нибудь сильно любить»; *йæ гаччы сбадти* «вошел в свое русло»; *йæ чемы нæй* «не в духе»; *хи ныххуы кæнын* «замкнуться, опустить голову и молчать» и др., или русские идиомы: *почить в бозе* – «умереть»; *кануть в лету* – «бесследно исчезнуть» (ФСРЯ). Многие из представителей этой группы фразеологических единиц совершенно непереводаемы, что создает немалые трудности в передаче заложенного в них коннотативного (эмоционально-оценочного) смысла с осетинского языка на другой.

В структурно-семантическом плане идиомы (в классическом их понимании) представлены глагольными сочетаниями: *уæлныхты сисын* «настойчиво пристать», «тормошить» (по Абаеву В.); *апп-уппы сисын* «поднять на уши»; *ныйиччы уын* «пристать как банный лист»; *додой да сæр* «горе твоей голове»; *уды быцъынаг скъуынын (схауын)* «терпения нет»; *ахъуытты кæнын* «прогнать прочь» и др.

Выразительность и внутренние коннотативные смыслы многих фразеологизмов находятся в «замороженном», «застывшем»

виде. Полную силу сочетание приобретает в контексте, в речи. В этом плане интересно наблюдать за «поведением» некоторых сращений, которые в речи могут вести себя двойко, т. е. экспрессивность фразеологического оборота может изменить свой «ряд» с «плюсового» на «минусовый» и наоборот, в зависимости от окружающих его лексических компонентов. Сравним варианты использования фразеологического оборота *уэлныхты сисын*:

Дае уэлныхты мае цы систай?» «Что ты ко мне пристал?»

Дае уэлныхты мае систай аемае мае рахаес-бахас кодтай. (Брытьиаты Е.) «Ты взял меня на руки и носил туда-сюда» (перевод Абаева В. И.).

Во втором случае фразеологизм приобретает иное, нехарактерное для этого действия, оценочное значение. Такое необычное употребление идиомы придает всему предложению своеобразную оценочность. Нередко сращения подвергаются авторской трансформации (хотя сама природа сращений как бы не допускает этого). Скажем, фразеологический оборот *уды быцъынаег схауы* является сращением, так как слово *уды быцъынаег* неотделимо от слова *схауы*, оно не употребляется в отдельно взятом виде. При этом встречается использование другой формы этого глагола – *сцаейхауд* (букв. «чуть не выскочило»), или другой глагол – *скъуыны* (букв. «рвется»).

Йае уды быцъынаег скъуыны Долат фаестаг растаег Налхъ-уытайы йсахимае раздахыныл (Мамсыраты Д.) «Из кожи вон лезет Долат последнее время, чтобы Налкуту к себе вернуть».

Сравним: *Стэй, цыма йае уды быцъынаег сцаейхауд, уый хуызан хъарай баеста йае сарыл сиса* (Цаггараты М.) «Он закричал так, как будто душа собиралась выскочить из него».

Здесь использованы различные варианты глаголов, и все же это сочетание является сращением, но за счет такой вариативности, авторской трансформации достигается обновление и актуализация этой идиомы.

Идеомагический оборот *уд ардуйае нарагдәр сси* «душа стала тоньше волоска» часто встречается в устной речи и художественной литературе и обозначает состояние человека, измученного переживаниями или другими действиями, но при этом не

утрачивает своей силы. Он также подвергается авторским преобразованиям, которые не следует путать с вариантами одного и того же фразеологического оборота. Оборот, имеющий варианты, не может быть сращением, как им в нашем случае является фразеологический оборот *уд ардуйа нарагдær сси*. Речь идет о наложении двух фразеологических оборотов друг на друга, т.е. их частей, для достижения нового эмоционально-экспрессивного эффекта. К примеру, фразеологические обороты *æвзаг стæнæг* (букв. «язык истончился») и уже известное *уд ардуйа нарагдær сси*, в результате контаминации (замены компонентов фразеологических оборотов) образуют новое сочетание: *æвзаг ардуйа нарагдær сси* – буквально «язык истончился тоньше волоска». Подобная замена – явление разовое, встречается в отдельном авторском тексте и является лишь способом достижения нового усилительного эффекта и не закрепляется в языке. Такие новообразования мотивированы стремлением достичь необходимые прагматические установки, так как значения обоих исходных фразеологических оборотов присутствуют во вновь образованном сочетании.

Ныр æм æнæхъæн мæй къахихсыд бадæн. Мæ æвзаг ардуйа нарагдær сси... (Цæгæраты М.) «Я к нему целый месяц ноги истоптала. Язык мой истончился сильнее волоска».

В данном контексте менее слабый компонент *стæнæг* (из сочетания *æвзаг стæнæг*) заменяется более образным сравнением из другого фразеологического оборота. В результате реципиент вместе с первым компонентом вновь образованного сочетания мысленно восстанавливает фразеологический оборот, частью которого это слово является, а вместе с остальной частью восстанавливается и второй фразеологический оборот.

Благодаря подобной контаминации достигается экспрессивность даже при использовании не столь сильных по степени воздействия фразеологических оборотов. По схожему принципу построено и сочетание *сæ гаччы нал уыдысты*: К примеру, *Фæлæ адæм цыма сæ гаччы нал уыдысты, сæ хъус дардтой иууылдær мæнмæ (Токаты А.) «Но люди будто не в своей тарелке были, все следили за мной».*

Использованные в данном случае фразеологические обороты *гаччы сбадын* «войти в свое русло» и *чемы нае уаевын (уын)* «быть не в духе», с присоединением соответствующих частей компонентов создают новые коннотативные смыслы.

В этом плане более сильными являются, скажем, фразеологические сращения *кьэрттэй цьула не 'ппэрта, фэхты хост (ны) ккэнын* и другие, которые имея высокую степень метафоричности и экспрессивности, практически не подвергаются какой-либо трансформации и остаются целостными высокообразными сочетаниями: *Эмае цы, агар дзаббах лаппу у, саджы фисынтыл амад, кэцы чызг сей нае бауарздэен?* (Токаты А.) «Ну и что, слишком даже он красив, как Аполлон, какая девушка не полюбит его?». *Царды аеппэтт фадэттэм аеркаесгайе, уый дэр Алиханай бирэ рэвдздар нае уыд, фэлае фосен батэригъэд канын йае фэсонырхэджы дэр нукуы рцыд.* (Боциты Б.) «Учитывая все жизненные обстоятельства, он ничем не отличался от Алихана, но пожалеть скотину ему никогда и в голову не приходило»; *Ме уаентэ мын цыма фэхты хост ныккодтой, уыййау даен.* (дзурга ныхасэй) «Как будто мое тело толкли в ступе» («Я себя чувствую истолченной в ступе»); *Стэй уазаг даен амае мын уыцы хатыр бакэнут уае дыууа дэр, – кьэрттэй цьула не 'ппэрта Мусса* (Цаггараты М.) «Притом я – гость, и ради этого мне простите, – не поддавался Мусса».

В ряде идиоматических сочетаний прослеживается схожий принцип построения, основанный на наличии в них стержневого слова в родительном падеже (часто назывного характера, или имя собственное), которое становится объектом сравнения в речи: *Габанты хардзэй* или *Гахайы хардзэй* – «за счет Габановых», «за счет Гаха» (за чужой счет), имена собственные *Габантэ* и *Гаха* являются носителями экспрессивного содержания, незаметного на первый взгляд. К этому ряду относятся и фразеологизмы *Кокойты куита* «собаки Кокоевых», *Сечьына-ты хэйраг* «черт Секинаевых», *Джызаэлы хьомгас* «Гизельский пастух» и т.д. То же, скажем, что и в русском: *Шарашкина контора, Филькина грамота, показать Кузькину мать, Тришкин кафтан* и др.

Вероятно, с этими именами собственными соотносились некоторые определенные события, случаи, жизненные ситуации, оставшиеся в сознании очевидцев, как нечто поразившее и удивившее или возмущившее их и закрепившееся в языке в качестве устойчивого сочетания. Об истории появления таких сочетаний мы сегодня можем только предполагать и догадываться. К примеру, по непроверенным данным о сочетании *Габанты хардзæй* мы располагаем информацией, что, предположительно, Габановы были большой и знатной богатой фамилией. Иные подробности о возникновении этого фразеологизма нам неизвестны, однако значение его выводимо из самого сочетания. По его подобию существует и другой, синонимичный ему, фразеологизм *Гахайы хардзæй*, имеющий такое же значение. *Суанг ма настæ дæр раластой, се 'ппæт дæр Габанты хардзæй* (Цæгæраты М.) «Вплоть до тыквы (все) вывезли, все даром».

При сравнении двух представленных идиом, становится очевидным, что, несмотря на их синонимичность, наличие в каждом из них отличных друг от друга коннотативных смыслов и подсмислов, обеспечивает их самобытность и самостоятельность.

Схожим эффектом воздействия обладают практически все фразеологические сочетания с именами собственными: *Хъазийы хъазт* «игра Кази», *Гакъайы топыхос* «гакайский порох», *маггайы руды ад* «вкус кишок бекаса», *Хъарсы фидар басæттын* «проломить Карскую крепость» и др. Незвестность упомянутых в них объектов *Хъази*, *Гакъа*, *магга* и других не только не снижает, наоборот, стабильно сохраняет создаваемую эмоциональную оценку, заключающуюся в идиомах. Иначе говоря, мы не знаем, кто такой *Хъази*, и что у него за игры были, однако совершенно очевидно, что это не имеет положительного содержания.

Сокращенные формы имен собственных, нередко отыменные прозвища, поддерживают создаваемую тональность неодобрения, что часто встречается в проклятиях *Хъазийы хъазт фæкæн!* «Пусть твоя игра будет игрою *Хъази*!» (т.е. «плохо кончающаяся игра» у Миллера), *Темырцæн фæлдыст фæу!* «Будь ты посвящен *Темырцу*!» (Тут имеется в виду посвящение как особый обряд,

проводимый над объектами, предметами в знак последующей принадлежности усопшему).

С этой точки зрения интересен и другой фразеологический оборот *Магайы руды ад каены*, который Вс. Миллер перевел как «вкус кишок бекаса» (*аецы хæринаг магайы руды ад каены* – «эта пища имеет вкус кишок бекаса») и уточняет в скобках (столь же неприятно). Слово *мага* в этимологическом словаре В. Абаева означает бекас – птица редкой породы (см. словари М. Фасмера 1996, В. Даля 1995). Надо полагать, немногим известен вкус этой редкой птицы (тем более вкус ее внутренностей!), однако выражение закрепилось как фразеологизм именно со значением неприятного вкуса, также его трактует и Всеволод Миллер. Еще один фразеологизмом *Гакъайы топныхос* «гакайский порох», «мифический быстро вспыхивающий порох» (перевод по Вс.Миллеру). Здесь грамматическая форма определительного слова *Гакъайы* стоит в родительном падеже единственного числа и имеет явные признаки имени собственного. Следовательно, должно было бы переводиться как «порох Гака». А для обозначения «гакайский» должна быть использована форма *гакъайаг топныхос*.

Предполагаемые формы перевода продиктованы грамматическим построением самого сочетания, но не исключается вариант местного употребления, поскольку это все же выражения, тяготеющие к фольклорным. Кроме того, в контексте нашего исследования это не столь принципиально важно. Основным выводом, вытекающим из анализа вышеприведенных фразеологических единиц, является то, что во всех них присутствует семантический компонент неопределенности, неизвестности объекта, с которым сравнивается или соотносится что-либо (*Гакъайы, магайы, Гахайы, Темыри. Габанты*). Этот фактор «неизвестности» в фразеологических оборотах особо значим при создании экспрессивности в тексте и является основным признаком при классификации сращений. Именно этот семантический компонент позволяет относить эти фразеологические обороты к идиомам, поскольку слова *Гакъайы, Гахайы, Магайы, Габанты*, будучи потенциально именами собственными, являются стержневыми, фразообразующими.

Несколько иначе обстоит дело с выражением *Хъарсы фидар басаттын*, который также можно отнести к идеоматическим оборотам, с той лишь разницей, что в нем присутствует «неизвестный» нам компонент *Хъарс*. Неизвестность эта достаточно условная, поскольку связана с историческими событиями – взятием Карской крепости, то есть лексема *Хъарс* относится к ряду историзмов. *Ничи йæм кæсы, дæ хорзæхæй, цыма Хъарсы фидар басаста* (*Цæгæраты М.*) «Смотри-ка на него, как будто крепость Карса проломил». Основное семантическое толкование этого фразеологизма – характеристика человека, ведущего себя неоправданно высокомерно, человека, сделавшего что-либо нехорошее и не чувствующего стыда и сожаления за это.

В идеоматических выражениях такого порядка легко усматриваются отголоски устного народного творчества или осколки фольклорных текстов – преданий, легенд, сказаний, притч. Это вполне согласуется с мнением Снегирева относительно происхождения пословиц и поговорок, которые, по его мнению, являются ничем иным, как усеченными формами притч, а именно – центральной частью, содержащей основную мораль всей притчи.

С другой стороны, идиомы с именами собственными близки к крылатым выражениям, поскольку взяты из других текстов, знание которых существенно облегчает понимание этих «осколочных» фраз. Этот фактор ничуть не отрицает и не ставит под сомнение их отнесенность к собственно фразеологизмам, поскольку внушительная часть фразеологических единиц, скажем, русского языка, происходит из мифологии и Библии: *Авгиевы конюшни, нить Ариадны, Вавилонское столпотворение, Адамово яблоко, кающаяся Магдалина* и др.

В работе, посвященной осетинской фразеологии, М. И. Исаев к сращениям предлагал также относить парные слова типа *гурæй-гурæ* «по пятам, неотступно», *уыци-уыци* «загадка» (из *Уый цы у? Уый цы у?* «Что это? Что это?»); составные глаголы *ахъуытты кæнын* «удалить, выдворить», *акуиты кæнын* «выгнать»; глагольные фразеологизмы *удаен нал уын* «дойти до белого каления, изнемогать» [Исаев 1964]. В этом случае мы не разде-

ляем позицию автора, поскольку усматриваем в такой классификации целый ряд сомнительных моментов.

Обобщая сказанное выше, можно сделать вывод, что функцию экспрессивов фразеологические сращения способны выполнять в некотором роде, в том числе и благодаря их относительной «неизвестности», присущей всем сращениям (идиомам). Не меняя семантики всего фразеологизма, лишь усиливается ее экспрессивное восприятие, допускается некоторая вольность и самостоятельность в трактовке сращений, что собственно и является прагматикой.

Большинство фразеологических единиц легко расшифровываются как образные выражения, то есть они обладают свойствами потенциальной образности. В большей части это бывают выражения, состоящие из слов конкретного значения, имеющие заметную экспрессивную окраску [см. Виноградов 1947]. При этом «чем больше компоненты фразеологизма теряют собственно словесные свойства, тем целостнее значение фразеологизма и, наоборот. Эта закономерность не знает отклонений» [Жуков 1978, 15].

В осетинском языке в качестве означенных выражений выступают фразеологизмы: *удай арт цагъдын* «из кожи вон лезть» (букв. душой огонь разжигать); *уд йе муд аерцаудзæн* «прийти в себя»; *сары хъуынтæ арц слæууыдысты* «волосы дыбом встали»; *быны хъæр раудзын* «разорить»; *зæххы бикъ, комы даггæл* «пуп земли» и т.д.

Другим немаловажным выводом является то, что основная трудность при изучении фразеологических единиц осетинского языка заключается в их разграничении на группы по степени их семантической спаянности. Причиной таких затруднений становится то, что не только фразеолфонд языка, но и внушительная часть осетинской лексики в своем значении содержит яркую образность и переносные смыслы.

2.2. Значение и роль образа в активизации механизмов речевого воздействия

Неоднозначность и необычность категории образности в лингвистической теории, в частности во фразеологии отмеча-

лась не раз. Известные ученые А. М. Бабкин, В. М. Мокиенко, Ю. А. Гвоздарев, А. И. Федоров, Д. О. Добровольский рассматривали категорию образности и фразеологический образ, именно ее считая существенным признаком фразеологизма.

Отдельные ученые особый интерес к образности фразем связывают с такими бесспорными категориями фразем, как экспрессивность, эмоциональность, оценочность, коннотативность [Алефиренко, Семенов, 2009]. «Однако в русистике еще не получила удовлетворительного объяснения взаимосвязь этих категорий, не выявлена роль фразеологического образа в формировании языковой картины мира» [там же, 45]. Если речь идет о взаимосвязи категорий между собой, то она вполне очевидна и заключается в том, что коннотативные смыслы, содержащиеся в языковых единицах, в том числе и фразеологических, влекут за собой эмоциональность и оценочность, результатом чего и становится экспрессивное воздействие этих самых языковых единиц на адресата. Таким образом, экспрессивность является результатом эмоциональности, образности, оценочности [см. об этом Моргоева 2009].

Но, как уже было сказано выше, образность свойственна не только фразеологическим выражениям, но и большинству лексем с назывной и понятийной семантикой. Возьмем, к примеру, осетинские слова *лаггадхъом* «способный уважить», *растзæрдæ* «с правдивым сердцем», *астæуцæджындз* «центральный столп», *тæныскъуыд* «с разорванным животом», *лæппулаг* «молодой мужчина», *хæдзардарæг* «кормилец семьи», *гомсæр* «с непокрытой головой», *гуырвидауц* «стройный, с тонкой талией», *къæхæвæрæн* «ступенька», *насхафæн* «терка (для тыквы)» и огромное количество других слов, которые переводятся на русский язык словосочетаниями, а сам принцип их образования основан на образном сравнении.

Современные исследователи, так или иначе соприкасающиеся с вопросами когнитивной лингвистики и прагматики, наряду с другими вопросами совершенно справедливо и обоснованно так же обращают свое внимание и на категорию образности, которая в процессе мышления играет важную роль. Категория образности

является обязательной составляющей понятия экспрессивности. Кроме того, при ее непосредственном участии формируются и закрепляются устойчивые выражения, высказывания и речевые формулы.

При решении интересующих нас механизмов на разных стадиях исследования возникает ряд вопросов, без рассмотрения которых дальнейшее продвижение в исследовании становится затруднительным и в некотором смысле невозможным. Именно потому считаем необходимым обращение и к исследованиям в различных направлениях науки.

Работ, посвященных лингвистическим категориям, косвенно соотносящимся и связанным с образностью, большое количество. Многие явления, такие, как полисемия и метафора, также основываются на образности. Во всех работах одной из основных является мысль о том, что за любым словом и устойчивым словосочетанием (т.е. фразеологизмом как семантическим эквивалентом лексической единицы) стоит образ или метафора как проявление образа.

Известно, что ни одно из существенно значимых речевых произведений или текстов не обходится без создания одного, ряда или комплекса образов.

Вместе с тем давать научное определение понятию «образ» крайне сложно, поскольку оно имеет широкий спектр значений и стилистических оттенков, но не является термином в строгом своем значении. Тем не менее, это важная и неотъемлемая составляющая процесса мышления.

Гораздо чаще встречаются слова «образность», «образный», которые также имеют широкий спектр значений. В основном они используются для характеристики красочности, наглядности и живости **изображения**, и выступают как неотъемлемый признак всякого вида искусства, как форма преобразования и демонстрации с позиций эстетических идеалов.

Изображение как раз подразумевает не что иное, как образ, благодаря которому возникает образность.

В более узком понимании «образность» чаще встречается в сочетании «образность речи», создаваемая определенным набо-

ром лексических, фонетических и грамматических средств языка, а также искусным использованием синонимов, антонимов, омонимов экспрессивной лексики и фразеологии. Если узкое понимание образности понятно и знакомо, то осмысление образности в широком смысле граничит с философскими рассуждениями.

С позиций философии, только человек наделен способностью творить, а значит, создавать образы. Созданный образ способен существовать и жить в пространстве (в частности, в языке) до тех пор, пока он удерживается в сознании, пока его способны представлять своей мыслью отдельные человек или люди. Подтверждением этому могут служить образы, сохраненные в языке в виде афоризмов, устойчивых выражений, фразеологизмов, ранее созданные в литературном или отдельном языковом творчестве. Исходя из этого, образность в речи/тексте понимается нами как результат творческого процесса вследствие возникновения образов. С другой стороны, это как раз та красочность, наглядность, живость изображения, которая впоследствии находит свое отражение в искусстве, творчестве, живописи и, наконец, что для нас самое важное, в речи и тексте.

Общеизвестно, что слово как языковой знак имеет самостоятельное значение, которое соотносится с конкретным образом, с отдельным фактом объективной действительности. Каждое слово посредством соответствующих образов пробуждает представления о предмете, явлении и т.д. Объективное, прямое, точное соответствие слова с обозначаемым предметом и явлением и т.д. традиционно называется денотативным значением слова, дополнительные же смыслы, приобретаемые словом в результате метафорического пересмысления – коннотативными смыслами. Таким образом, и прямые и переносные смыслы являются результатом возникновения или создания конкретного образа, будь то образ, соотносимый с реальным объектом, или образ, возникший в результате образно-ассоциативного осмысления.

К примеру, «мама» и «мать» являются словами с одинаковым смысловым наполнением. Различие в их толковании состоит в том, что «мама» – это мать – (разг., употр. обычно при обращении детей к матери), а «мать» – это женщина по отношению к ее

детям, самка по отношению к ее детенышам. На основании этих толкований мы будем рассматривать их как максимально приближенные идентификаты (заметим, не синонимы, а именно полные эквиваленты). Более того, значение одного слова вполне соотносимо и приемлемо для другого: оба слова могут использоваться как для обозначения женщины по отношению к ее детям, так и в качестве обращения. Следовательно, это понятийно-смысловые эквиваленты.

Логично было бы тогда предположить, что идентификаты с одинаковым денотативным наполнением должны порождать одинаковый ассоциативный ряд. В действительности же образы, соотносимые с реальной действительностью, у этих слов разные.

При том, что нет явных коннотативных наполнений в сравниваемых словах, образы, соотносимые с этими словами, имеют не всегда четкие, но различные выражения. На стереотипный образ, соотносимый со словом, накладываются субъективные образные представления.

Наглядным подтверждением нашей мысли могут служить многочисленные самоучители, где излюбленным методом в начальной стадии изучения иностранного языка является так называемое изучение «по картинкам», когда читателю предлагают изображение с соответствующим лексическим обозначением на изучаемом языке. И здесь следует обратить внимание на то, что одни и те же слова, обозначающие простые предметы в разных самоучителях, изображаются неодинаково. Это как раз и есть результат возникновения у различных людей разных понятийных образов.

Процесс передачи информации в картинках существенно усложняется, когда речь идет о понятиях, действиях, явлениях, поскольку их объяснение требует уже более сложных рисованных изображений, а точнее мини-ситуаций. Не случайно изучение «по картинкам» применимо только на начальной стадии обучения иностранному языку.

Значение слова, называющее предмет или явление, претерпевает ряд изменений, которые сводятся к тому, что вещественное содержание наименования суживается, уступает место единично-

му представлению со множеством конкретных черт [Пражский, 1967, 454].

Из общего числа лексических единиц наиболее сложными являются слова, не столько называющие реальные предметы, объекты, и даже не те, что называют явления, а те, что называют какие-либо понятия, поскольку для понимания и трактовки последних необходим комплекс образов. Этим и объясняется наличие в языке терминов, понятий, идиом, сложных вербальных кодов культуры и т.д.

Наравне с отдельными лексемами к языковым единицам относятся и комплексы слов (идиомы), которые также имеют семантическое соответствие с конкретным понятием и состоянием; они также формируют конкретные образы, с той лишь разницей, что комплексы слов создают ситуационный образ, обработка которого приводит к смысловому значению отдельной лексемы. Так происходит взаимообратный процесс. И если слова с предметным обозначением (условно обозначим их как «простые») ограничиваются соотношением с реальной действительностью, то более сложные понятийно-терминологические образы являются практически абсолютным подобием устойчивых выражений (ФЕ), но с обратным механизмом восприятия. Схематически понятие воспринимается через установленный абстрактный образ, выстраиваемый посредством комплекса лексических единиц, а устойчивое выражение (ФЕ) через восприятие и обработку созданного образа рождает понятие. Таким образом, по нашему мнению, происходит в языке закрепление и сохранение собственно лексических единиц и устойчивых словосочетаний (ФЕ): когда лексико-фразеологические единицы приобретают, фиксируют и сохраняют посредством создаваемых образов свои предметно-логические значения.

Вместе с тем, специфика устойчивых выражений, на наш взгляд, отлична от собственно лексических единиц.

«Простые» образы возникают, как правило, при восприятии так называемых знаменательных частей речи. Оговорим, что междометиям также нельзя отказать в наличии образов. Междометие как часть речи, лишенная смыслового значения в традиционном

его понимании, в контексте нашего исследования тоже порождает образ, но не фиксированный, как в знаменательных словах, а с подвижными понятийными представлениями. Междометие только указывает на диапазон каких-либо чувств и эмоциональных состояний, и в каждом конкретном случае их может быть не одно, а несколько. Окончательный характер эмоционального состояния и степень его интенсивности определяется коммуникантом. При этом не исключен факт несовпадения качества, степени и интенсивности образов, создаваемых передающей и воспринимающей сторонами. Особенно интересными и содержательными в этом плане оказываются производные междометия и выражения междометного значения типа: схожие *Куыннае стәй!*, *Уәдәе цы!* «Как бы не так», «Еще чего», «Как же»; *Марадз зәгъай..!* «Подика, скажи..», *Куыннае ма!* «А как же», *Гәәнән нәй!* «Деваться некуда» и подобные.

Ассоциативный ряд каждого слова с логико-смысловым содержанием имеет свой набор образов, соотносимых с известными реалиями, доступными для понимания каждого индивида. Общение коммуникантов с разным уровнем и степенью понимания объективной реальности и разным уровнем интеллектуального наполнения (в том числе и различия культурные, возрастные, социальные и пр.) дают некоторую погрешность в совпадении восприятия и обработки реципиентом информации, созданной и выраженной собеседником.

Создание, обработка, восприятие и анализ полученной информации являются основными этапами процесса мышления, которое до настоящего времени является малоизученным явлением, хотя механизмы этого процесса интересуют не только лингвистов, но и психологов, физиологов, нейролингвистов. Появление таких смежных научных направлений, как нейролингвистика, психолингвистика, этнолингвистика является результатом признания того, что изучение процессов мышления вряд ли возможно без обращения к вербальному уровню, к языку. Понятно, что перспективы полного решения проблемы весьма отдаленные, а наши теоретические рассуждения носят, в известной мере, гипотетический характер и служат условной расстановкой основных

акцентов процессов мышления и создания информации, подлежащей дальнейшему распознаванию и активации.

Еще В. Матезиус противопоставлял языковое, т.е. внеконтекстное, словарное значение слова и его «актуальное значение», считая, что «выразительная гибкость языка обуславливается двумя факторами. С одной стороны, мы не выражали языком действительности непосредственно, а всегда приводим ее к упрощенной форме, которая более пригодна для выражения, а с другой стороны, мы используем при языковом выражении удивительные системы взаимосвязанных знаков языка» [Матезиус 1967, 444]. Схожую мысль высказывали в свое время Е. Д. Поливанов [1968, 296] и Л. С. Выготский [1982, 335-336].

Удивительность системной связи языковых знаков объясняется преобразованием этих самых знаков в речевом высказывании, которое происходит вследствие взаимодействия словарного состава языка, служащего базой для назывных, номинативных актов и моделей предложений, составляющих базу для синтагматических, фразообразующих актов. «Из этих «кирпичиков» строится конкретное высказывание, содержательная сторона которого образует смысловую структуру, не равную сумме значений отдельных входящих языковых элементов» [Ахутина 2008, 27].

Следовательно, включаясь в смысловую структуру высказывания, языковые единицы (значения слов или модели предложения) специфическим образом актуализируются. Именно эту «специфику» крайне трудно понять, логически последовательно описать и объяснить.

В современной теоретической лингвистике специфику актуализации языковых единиц пытаются объяснить с привлечением различных областей знаний и смежных дисциплин, в том числе нейролингвистики, занимающейся процессами мышления, а также созданием искусственного интеллекта на основе изучения мыслительных процессов человека [Шамис 2006].

Понятно, что мыслительные процессы невозможны без знаний языка.

Грандиозность взаимосвязи языка и мышления становится особенно очевидной, если не упускать из виду различия между

понятиями языковой способности и языка. «Один из наиболее многообещающих, но пока не использованных путей (вероятно, потому, что он требует солидной подготовки как в области лингвистики, так и в области нейрологии) – это изучение тех механизмов работы мозга, которые делают возможной коммуникацию» [Ажеж 2006, 24].

Каждая из форм языка (устная и письменная) имеют свои особенности, и соотношение между ними служит предметом давних непрекращающихся разногласий.

Условно говоря, устная речь всегда мотивирована и включена в ситуацию (синкретична). Присутствие слушателя, опора на внеречевой контекст, интонацию, жест позволяют собеседникам понимать друг друга с полуслова. Говорящий опускает психологическое подлежащее, известное из ситуации или предыдущей реплики и говорит лишь психологическое сказуемое. Так, в обстановке ожидания трамвая на остановке «идет», «наш», «наконец-то» составляют психологическое сказуемое к известному собеседникам подразумеваемому психологическому подлежащему.

Говорящий может позволить себе чисто предикативные высказывания, потому что возможность переспроса, уточнения со стороны слушающего избавляют говорящего от необходимости специально заботиться о понятности речи [Выготский 1982, 238].

Письменная речь, наоборот, требует постоянные заботы о понятности сообщения для читателя, поэтому она не допускает пропусков, возможных в устной речи. И психологическое подлежащее и психологическое сказуемое здесь должны быть выражены. Отсутствие общей ситуации и непосредственного контакта с собеседником делает необходимым внутреннее воспроизведение адресата, его интериоризацию.

Постоянная необходимость становиться на позицию слушающего заставляет говорящего воссоздавать ситуацию, при которой необходимо продумывание специального отбора слов, их последовательности для композиционной организации монолога.

Очевидная сложность письменной речи вызывает необходимость предварительного продумывания, мысленного черновика. «Этот мысленный черновик письменной речи и есть внутренняя

речь. Роль внутреннего черновика эта речь играет не только при письме, но и в устной речи» [Выготский 1982, 341].

Учитывая особенности письменной и устной форм языка, последнюю условно можно назвать речью *явной*, предназначенной для всех участников речевой ситуации, даже если адресат один из участников. Письменная же речь имеет, как правило, одного адресата или ограниченный круг адресатов, потому она в некотором роде *приватна*. В отдельных случаях допустима и непреднамеренная адресация, когда знакомство с письменным текстом происходит без ведома составителя текста. Таким образом, при устной речи случайная адресация сводится к минимуму.

Исключительность соблюдения строгой адресации наблюдается в воспроизведении ритуальных текстов и некоторых видов речевых формул. В частности, молитвенные тексты, заклятия, проклятия, реже отдельные формы благопожеланий, оградительные формулы. Во-первых, содержание этих текстов по ряду признаков обладает высокой концентрацией «магической» силы, а их прагматическая направленность строго мотивирована целевой установкой, что практически полностью исключает случайность «попадания».

Во-вторых, исключение случайной адресации контролируется обоими коммуникантами: говорящим почти всегда означает объект воздействия, а слушающим, в свою очередь, при необходимости используется оградительная формула. К примеру, если говорящим произносится проклятие, налагаемое не на собеседника, то собеседник произносит оградительную формулу [Моргоева 2014, 1127]; при произнесении же благопожеланий или молитвенных формул, как правило, собеседник использует ответное пожелание *цумсайгаей!* «взаимно, всем нам» или *Арфагонд у!* «Будь благословен!» для вовлечения в поле потенциально-го вербального воздействия большего количества людей.

Несколько иначе обстоит дело с заклетиями, заговорами, которые в принципе не могут иметь реального адресата. Эти тексты обычно бывают обращены к природе, божествам, духам, и потому их речевое воспроизведение является частью ритуала.

Примечательна особенность в плане предпочтения устного

или письменного форм воспроизведения так называемых ритуальных текстов. Молитвы, благопожелания, проклятия, клятвы и угрозы предполагают устное речевое оформление. Напротив, заклятия, заговоры, некоторые молитвенные формулы оформляются преимущественно письменно, а в некоторых случаях сопровождаются их устным дублированием. Это отнюдь не случайно, потому как со времен своего возникновения письму придавалась мифическая таинственность, отголоски которой сохраняются и по сей день.

Издавна письмо – это орудие власти. Воздействие письма еще сильнее, если оно окутано тайной. На ранних этапах становления и развития письма в силу объективных причин любое изображение языковых знаков могло и воспринималось как некое таинство. Скажем, у ацтеков знание письменности, столь же смешанного и сложного характера, что и египетская, было распространено исключительно среди жрецов и знатных особ; «письменность ацтеков, находясь на полпути между пиктографией и фонетизмом на этапе идеографии, сохраняла изотерический характер, как и само знание в обществе с развитой иерархией» [Ажеж 2006, 73]. В то же время у китайцев на протяжении почти тысячелетия письмо использовалось исключительно в ритуальной и магической функциях.

В свете изложенного выше, становится ясным, что и письменная речь и звучащая имеют свои особенности и рычаги воздействия на адресата. Особо это относится к ритуальным речевым жанрам, представляющим собой веками отточенные тексты с гармонично выстроенным звуковым ладом, точным смысловым содержанием и четким композиционным построением.

Слова и фразы в составе таких текстов обладают особой, почти поэтической, ритмикой, поддерживающей смысловые отношений между составляющими компонентами. При этом четко соблюдается общая композиционная динамика с характерными для каждого жанрового текста особыми ключевыми точками. В письменном тексте звуковая ритмика замещается символизмом языковых знаков, исторически закрепленным за ними и хранящимся в генетической памяти человека.

Понятно, что не всякое слово или высказывание может иметь предельную степень воздействия, и не каждое слово внутри рассматриваемых текстов является экспрессивным, метафоричным или обладает каким-либо сверхзвуковым устройением. Большинство рассматриваемых текстов содержат нейтральные, с точки зрения стилистики, слова. Основной упор в них делается на созвучие лексических компонентов, обеспечивающее ритмичность, а также на последовательность точных образов, как правило, с применением некоторого ряда сравнительных оборотов, задающих динамический тон всему тексту.

2.3. Семантика и прагматика паремий и речевых формул

В рамках поставленных перед нами задач исследования экспрессивного воздействия устойчивых выражений на объект речи (реципиента), необходимо обратиться к фразеологической стилистике, которая занимается изучением стилистических свойств ФЕ. Сходство функциональной природы и прагматических задач поможет нам на базе фразеологической стилистики изучить стилистику и прагматику паремий и речевых формул.

Поскольку фразеологизм как сложное и противоречивое явление занимает в структуре языка промежуточное (межуровневое) положение между словом (единицей лексико-семантического яруса) и словосочетанием (единицей синтаксического яруса), то он обладает качествами и свойствами тех и других единиц. В свою очередь, на фоне явного сходства и пересечения категориальных признаков паремий и речевые формулы занимают такое же промежуточное положение между словосочетанием и предложением (микротекстом). На изоморфность по отношению друг к другу указывает и Г. Л. Пермяков, когда сопоставляет слова, фразеологические обороты и паремии по существенным языковым признакам [1988, 250].

Двойственность природы фразеологизмов подмечена и В. И. Кодуховым, который считает, что «с одной стороны, возникая из сочетания слов, они образуют своеобразное, устойчивое сочетание, а с другой стороны, они обладают единым значением,

функционируя, как и обычные номинативные единицы – лексе-
мы» [1974, 147]. Как единицы лексико-семантического уровня
фразеологизмы обладают высоким уровнем содержания коннота-
ционных смыслов. «Под фразеологической коннотацией мы по-
нимаем возникший в результате переосмысления аспект значения
фразеологической единицы, содержащей экспрессивный, эмо-
тивный и функционально-стилистический компоненты вместе
или раздельно, а также эмотивное значение междометий» [Кунин
1983, 44].

Важнейшим результатом взаимодействия коннотативных
компонентов является экспрессивность, обусловленная образно-
стью, интенсивностью выразительности слова или фразеологиз-
ма, благодаря которым достигаются основные прагматические
цели. Как правило, коннотативные смыслы, имеющиеся во фразе-
ологизмах (также, как и в словах), выходят за рамки своей языко-
вой единицы и распределяют свои импульсы по всему контексту,
создавая определенный эмоциональный настрой: *Аввадза, уый
ныртæккæ ардаем æрбаирвæзт, уæд мын мæ пакъуы азгъалид
(Цæгæраты М.)* «Ведь, если сейчас он сюда попадет, то он мне
мои перья повыщипывает»; *Цы хынджылаг скъæрут? Мæ къух-
тæ мын цæмæн сбастат? æргæвдинаг фыс уын, миййаг, куы нæ
даен. Хъадамантæ мыл цы сæвæрдтат... (Цæгæраты М.)* «Что
вы дурака валяете? Зачем мне руки связали? Я же вам не жерт-
венный баран. Что вы на меня наставили ружья?»; *Уæд та арахъ-
хъæй йæ тыппыртæ куы суадзид, кæд ын иу чысыл фенцондæр
уайд (Джиоты. Х.)* «А то бы аракой душу отвел, может, немного
бы полегчало (лучше бы стало)». В основной своей массе эмоци-
ональность фразеологических оборотов и их воздействие на ре-
ципиента достаточно предсказуемы и потому не столь эффектив-
ны с точки зрения прагматики, и для усиления и увеличения этой
эффективности основным способом становится непривычное ис-
пользование уже знакомых нам фразеологизмов. Так появляются
дополнительные коннотаты.

Приобретать дополнительные коннотаты способны также па-
ремии и речевые формулы. Наложение коннотативных смыслов
происходит, в том числе, и за счет субъективного восприятия ре-

ципиентом каждого конкретного устойчивого выражения. Однако паремии и речевые формулы, при наличии большого количества общих функциональных признаков и видимом сходстве, все же отличаются друг от друга своей прагматической направленностью и различной степенью этнокультурного наполнения. И если в случае с паремиями, под которыми на данный момент принято понимать пословицы и поговорки, в равной мере со словами и фразеологическими оборотами возможна синонимия, антонимия и реже омонимия, то в случае с речевыми формулами эти процессы не так активно проявляются, хотя и не исключены.

Устойчивые обороты всех рассматриваемых типов в силу своей сложной организации представляют собой, в том числе, и синтаксические конструкции. И как единицы синтаксиса, они наиболее полно раскрываются в тексте. Там же раскрываются все возможные способы их экспрессивной реализации, которых при тщательном изучении оказывается немало. При этом любое малейшее «отклонение» от привычной формы использования устойчивого выражения вызывает реакцию адресата речи. В этом случае, наряду с образностью и выразительностью, характерных для всех рассматриваемых единиц, активизируется и синтаксическая контекстно-стилистическая экспрессия. Взаимодействуя с эмоционально-оценочным содержанием устойчивой единицы, они сообща воздействуют на объект речи, тем самым достигая прагматических целей. В данном случае речь идет о тех случаях использования ФЕ, паремий и речевых формул, когда намеренно нарушается привычная форма с целью создания наиболее эффективной в эмоциональном плане ситуации в тексте.

Для этих целей используются различные способы. Наиболее активное применение находит в них местоимение, к примеру, как дополнительный свободный компонент, включенный в ФЕ, и занимающий относительно него как препозиционное расположение, так и постпозиционное, а иногда и внутри ФЕ: *Маэ быны хъар мын рауагъта, хуыцау ыл йае баеллах савара, – тыхсти Доме. (Джиоты Х.) «Пустил меня по миру, чтоб бог на него свою беду возложил, – мучился Доме»; Фондз æфсымарæн сæ сыст*

топпы хъар кэны (Хъайтыхъты А.) «У пяти братьев вошь дает звук оружейного залпа» (употребляется в значении «бедный»); «Эна дау йа къабар йа хъуыры нал цауы», – йа бур цасты хатæ сæ мидбынаты скафыдысты, афтæмæй ралæхурдта Хамби. (Цæгæраты М.) «Без тебя ему кусочек в горло не лезет, – выпалил Хамби, и его желтые ресницы заплясали на месте».

В процессе внутритекстовой адаптации компонентов ФЕ, в известной степени, могут участвовать не только личные указательные местоимения, но и некоторые другие внедряющиеся лексические единицы. Машина йа удæй арт куыд цагъта, разма-фастæмæ куыд кодта, уымæ каст. (Цæгæраты М.) «(Он) смотрел, как машина из кожи вон лезет, двигается вперед-назад»; Эна уый дæр мын бирæ хъыцъыдæттæ бадардта. Уадз æмæ йа æккуыри схауа. (Джиоты Х.) «И так он мне много крови попортил. Пусть его душа (ящерица) выпрыгнет»; Хъуырман дæр нырма чъыллпытæ кэны, фæлæ тагъд йа гаччы абаддзæн (Джиоты Х.) «Курман тоже еще брыкается, но скоро в своей тарелке окажется».

Из приведенных примеров следует, что в целях наибольшей эффективности воздействия на читателя фразеологизм может быть разбит на части и распределен по всему предложению. В этом случае он уже не будет восприниматься как нечто «иностранное», взятое извне, а станет частью всего высказывания, органично вплетенного в текст. Этот эффект усиливается при использовании сразу нескольких фразеологизмов (пусть даже разных по степени своей спаянности (слитности)). Бæтæйы рахизынæн ма æз цу фæрæз зонын, фæлæ стыр тæригъæддаг фыдбылызы тæссæй ма сæры хъуынтæ арц слæууынц, ма зарда цъæх арты судзы æмæ ме 'взаг нæ тасы комы арынджы, уæ ме 'фсымæр! (Беджызаты Ч.) «Для выхода Бата я еще знаю одно средство, но, боясь большого греха, мои волосы дыбом встают, мое сердце в синем пламени горит, и мой язык не поворачивается, о мой брат!».

Указание на субъект действия перед каждым из фразеологизмов придает некоторую интенсивность в том плане, что эти действия поочередно или одновременно происходят с одним че-

ловеком, на что указывает свободный компонент *мæ*. *Алы хъинци, алы сыбыртмæ дæр-иу мæ зæрдæ ныссæххæтт ласта, мæ сæры хъуынтæ хъамылау слæууыдысты.* (Токаты А.) «От каждого скрипа, каждого шороха мое сердце в пятки уходило, мои волосы вставали словно камыш».

Помимо приведенных способов употребления местоимений и экспрессивной значимости их присутствия в тексте, в речевых формулах осетинского языка местоимения могут выполнять очень важную активизирующую функцию. В речевых формулах они содержат конкретную адресацию и приводят в действие весь механизм, заключенный в образы, которые без адресующих местоимений нейтрализуются. К примеру: *Туджы къæвда дьл сæрцауæд* «Пусть снизойдут на тебя ливни крови», *Хуыцау дьл йæ цахæртæ æркалæд* «Пусть господь обрушит на тебя свои угли (огненные)», *Куыройы фыдтæ дæ феууардæнт* «Пусть измолотят тебя жернова мельницы», *Мæ дзæбæхтæ дын марг фестæнт* «Мое хорошее пусть отравой тебе станет» и др.

К другому виду (способу) использования фразеологизма в качестве экспрессивного средства можно отнести его намеренное переименование путем включения в него отрицательного элемента: *никуы* «никогда», *ма* «не», *нæ* «не». *Афтæ йæм кæсы, цыма иу къуыримæ дæр йæ уд йе 'муд не 'рцаудзæн.* (Джиоты Х.) «Ему кажется, что и за неделю он не придет в себя. (букв. его душа в душу не придет)»; *Хъазты адаммæ кастæн æмæ дæ нæ бауырндзæн, кæд мæ зæрдæйы тугтæ нæ ныккалдысты. Дзæбæх фæсивæд дзы æрæмбырд* (Цæгсæраты М.) «Смотрел я на людей (танцующих), и ты не поверишь, если мое сердце кровью не обливалось. Хорошая молодежь там собралась».

Подобные изменения исходного варианта положительно сказываются на восприятии всего контекста, и потому не могут трактоваться как нарушения в классическом своем понимании. Так, в первом случае отрицание указывает на отрицание самого действия, а во втором случае отрицание *нæ* «не» вместе со словом *кæд* «если», напротив, усиливает положительность действия, оказывая на читателя экспрессивное воздействие. Подобная «адаптация» фразеологизма встречается очень часто и в самых

разнообразных вариациях. Несмотря на всевозможные способы трансформирования, фразеологизм не только не утрачивает своих признаков, но приобретает дополнительные стилистически окрашенные формы реализации и остается легко узнаваемым.

Особенности форм ФЕ предопределяют наличие у фразеологизма различных форм употребления его в речи [Молотков, 1986]. Каждая из таких форм имеет свою экспрессивную окраску, как, скажем, в *сар мын йæ хæдзар (къона, сæр) кæны* «горе его дому (очагу, голове)» – последний компонент имеет три варианта употребления, где *хæдзар* «дом», *къона* «очаг», *сæр* «голова» (в значении жизнь) объединены одним смыслом, то есть «то, что дорого каждому человеку». Иначе говоря, ФЕ, изменяя свою форму, стремится сохранить образное эмоционально-оценочное и экспрессивное содержание. Подобная вариантность позволяет использовать даже в небольшом контексте варианты одного и того же фразеологизма и достичь при этом высокого экспрессивного эффекта, превратив это использование в стилистический прием, некое обыгрывание текста: «*Иу ма дзы уæддæр ныууагътаиккат уым! Уыцы куыдзы хъæвдынæн... æз ын уæддæр. Сар мын йæ хæдзар кæны, – хъæртæ кодта Махци. – Аениу дзы маен та цы куыйты рын тилы, уæртæ цъайы кæй ног усимæ фæбæгъдулæг кодта, уый йын къамбец куы аргæвста!*» – «*Гъемæ дæуæн дæр уый загъдæуа, цы гуыбынниз дæ лæмары, цы лæбурдтытæ кæныс хъамалвæстæй, хабар нæ бамбаргæйæ! – схъæртæ йыл кодтой лæгтæ*» (Токаты А.); «Хоть бы один оставили! Этому собачьему отродью... я ему все равно! Он у меня бедным будет, – кричал Махци. – А мне-то что за дело (букв. какая собачья болезнь меня трясет), вон чья новая невеста в колодце с ним барахталась, тот ему бычка зарезал!» «Вот в том-то и дело, какое тебе дело (букв. какая брюшная болезнь тебя выдавливает), что ты кидаешься, разодевшись с иголки, ничего не поняв!».

В этом небольшом контексте встречается ранее упомянутый фразеологизм *сар дæ хæдзар кæны* и представлены два варианта просторечного выражения *цы гуыбынниз дæ лæмары* и *цы куыйты рын дæ тилы*, имеющих одинаковый смысл, одинаковое значение и разные, но одинаково сильные эмоциональные

характеристики. Это различие достигается при замене стержневого компонента [см. Жуков 1978] на другой, семантически или эмоционально близкий компонент. Соответственно, появляются семантические или эмоциональные нюансы в высказывании. Сравним, скажем, варианты одного и того же фразеологизма, представленного в последнем примере *цы гуыбынниз да лемары* «какая брюшная болезнь тебя выдавливает» и *цы куйты рын да тилы* «какая собачья болезнь тебя трясет» в значении «какое тебе дело», в которых большую экспрессивную нагрузку выполняют стержневые компоненты, и именно они меняют оттенки, о которых мы говорили: *лемарын* «выдавливать», *тилын* «трясти» обозначают разные действия, и применительно к человеку весьма неприятные, и в этом смысле они являются синонимами, то есть при использовании одного из представленных компонентов меняется создаваемый образ и эмоциональные ощущения, а смысловое содержание сохраняется. Однако встречаются и незначительные отступления и в смысловом содержании, когда фразеологизм используется не столько в смысле «какое мне дело», сколько в значении «что меня заставляло», при этом сохраняется и первоначальный смысл. *Ениу ма цы гуыбынниз лемарста зарырмае, адамаен амбисонды зараг дын куы нае уыдтаен, мыййаг.* (Тока-ты А.) «Впрочем, какая брюшная болезнь меня заставляла петь, если я не величайший певец».

В ряде случаев ФЕ, построенные по моделям синтаксических параллелизмов, где компоненты усиливают или дополняют друг друга посредством соединительного союза *амае* «и»: *зедтае амае дауджитае* «ангелы и дуаги» (?), *арвы хин амае заххы калаен* «небесная хитрость и земная порча», *залты мит амае сенусы цытити* «небывалый снегопад» (букв. заловский снег и вечный глетчер), *зилгае заенгой амае септарчы* «бедно, неряшливо одетый человек» (букв. со свороченными ноговицами и стоптанными чуваками), способны усиливать силу воздействия. И в этом плане большей эффективности достигают парные словосочетания и фразы, в которых пары в определенной степени синонимичны, дополняют или усиливают друг друга [см. Исаев 1964, 67]. Особенность таких конструкций в том, что пары в отдельно взятом виде не всегда

являются фразеологизмами. Такие единицы часто подводятся к одной схеме, то есть в них первое слово первой пары повторяется в виде первого слова второй пары: *æд хъуын*, *æд хъис* «с пухом, с перьями», *æд мыст*, *æд уаллон* «с мышью, с червем» (оба в значении «с потрохами»), *æнæ мард*, *æнæ дзуар* «без мертвеца, без ангела», *нæдæр хист*, *нæдæр хъыллест* «ни тебе поминок, ни тебе писка» и другие, которые могут выглядеть следующим образом: *æд ... æд...*, *нæдæр ... нæдæр...*, *æнæ ... æнæ...* Чрезвычайно важен именно повтор компонентов, усиливающий выразительность и экспрессивность всего фразеологизма. Подобные синтаксические параллелизмы могут быть как синонимическими (*æд ... æд...*, *йæ ... йæ...*), так и строиться на противопоставлении (*нæдæр ... нæдæр...*, *æнæ ... æнæ...*): *Уæд ын æй ныртæккæ мах Ахсаримæ æд мыст, æд уаллон иннардаем афæлдахдзыстæм...* (Цæгæраты М.) «Тогда мы сейчас с Ахсаром его с потрохами (мышами, червями) в другую сторону перевернем...»; *Нæдæр хист, нæдæр хъыллест – бакалдой сæ зæппазы æмæ алчи йæхицæн сбæдти йæ фæрныг хæдзары.* (Беджызаты Ч.) «Ни поминок, ни визга – закинули их в склеп, и каждый сел себе в своем доме».

Подобные сочетания и синтаксические схемы встречаются и в речевых формулах *Мæ магуыртæй дæр фæхъæрз æмæ фæнæт* «И моими бедами страдай и стенай», *Пысырайау фæсудз æмæ фæдуд* «Подобно крапиве гори и зудит», *Батай æмæ баруай* «За-чакни и иссохни», *Басудз æмæ бафæнык у* «Сгори и испепелись», *Тона æмæ æвзонийæ фæцæр* «Хищениями и потерями (?) проживай», *Тыхст æмæ уырыдæй фæцæр* «В тревоге и суете (?) проживай» и ряд других.

Из приведенных примеров фразеологических единиц и речевых формул совершенно явно просматривается сходство структурного построения логико-смысловой части и содержащихся в них образов, что является еще одним подтверждением их общей природы происхождения и семантико-стилистического родства.

Еще одной формой организации устойчивых выражений, на которую хочется обратить внимание, это некоторые фраземы сравнительного характера. Они трудноотличимы от свободных сравнительных оборотов, схожи «с простыми сравнениями,

в которых два явления сближаются по какому-то общему у них признаку» [Розенталь 1998, 357]. Отличие состоит в том, что последние возникают в процессе речи и являются продуктом рече-мыслительной деятельности говорящего (или автора текста) в момент речи и имеют эффект спонтанности, тогда как фразеологизмы подобного характера находятся в языке в готовом виде. При этом следует отметить также, что, несмотря на свою «незакрепленность» в языке, они не лишены прагматического содержания. Такие фразеологизмы построены на основе сравнения, и хотя образы, создаваемые ими, знакомы, равно как и сама форма преподнесения, интерес к ним не пропадает. *Ма фыдбылызтае дае хай, кае маем, гогыз бындзмае куы каеса, уый каст цы ныккодтай...* (Цаггараты М.) «Мои напасти (несчастья) пусть будут твои; что уставился на меня, как индюк на муху»; *Кае ай хъар нукуы скодта, уаедаер ратаех-батаехай куыды фаллад баканы.* (Цаггараты М.) «Если даже не признается, все равно от беготни устаёт как собака».

В приведенных примерах *гогыз бындзмае куыд каеса, уыййау* – «смотреть как индюк на муху» – синонимичен русскому выражению «как баран на новые ворота» и используется в том же значении «недоуменно, не понимая смотреть на что-то, кого-то». А сочетание *куыды фаллад баканы* – «устать как собака» – является полностью идентичным по форме и содержанию своему русскому переводу.

Сравнительные обороты встречаются и в речевых формулах: *Ичынайы калмау уаеауыл цы баззайай, ахем бон дыл аканеад* «Пусть достигнет тебя такая участь, чтоб подобно змее Ичына на земле остаться (в значении «стать бессмертным»)»; *Карчы цыуау цыпп-цыпгангае фæу* «Чтоб прожил ты попискивая, подобно куриному цыпленку»; *Калахы галау дае къахтае макуы сраст каен* «Чтоб не выпрямить тебе ноги, подобно быку, скользящему на льду»; *Артыскаенаей цаефау дыл дыгай цафтае амбаллад* «Пусть обрушиваются на тебя двойные удары, подобно ударам кочергой»; *Баст куыдзау фæниу* «Чтоб скулил ты, подобно собаке на привязи». Во всех этих формулах проклятий используются образные сравнения, которые можно встретить в

собственно фразеологизмах и пословицах. Отметим, что формулам благопожеланий несвойственна синтаксическая конструкция сравнений с использованием уподобительного падежа в образной части, но характерна для проклятий.

Немалая часть устойчивых выражений имеет в основе своей образ, появившийся вследствие метафоризации. Описательный образ, заключенный в сравнительный оборот, в последующем закрепляется в языке для называния действий, состояний, процессов, но уже в виде устойчивого сочетания. Это довольно распространенный способ образования устойчивых выражений разных типов. В некотором смысле многие из них можно отнести к выражениям со стертой когнитивной направленностью. Так, в сочетании *къахтæ (цъах) арт уадзынц* «ноги горят (синим) пламенем» – компонент *къахтæ* употреблен в своем прямом значении и называет часть человеческого тела, но, соседствуя с образным описанием *арт уадзын* «испускать жар», определяющее их состояние, становится устойчивым сочетанием, так как ощущения в ногах, испытываемые человеком при усталости, сравниваются с жаром, пеклом. Став устойчивым, сочетание приобретает постоянное значение «усталости ног». Иными словами, механизм восприятия работает следующим образом: вначале для правильного истолкования выражения необходимо включать в предложение своеобразное «объяснение» метафорического сочетания *къахтæ арт уадзынц фыр рыстæй (фыр фæлладæй)* – «ноги горят от боли (от усталости)», где «объяснение» помогает точно представить причину, образ и характер действия. Со временем выражение приобретает необходимые для фразеологизма признаки, и необходимость в подобном «объяснении» отпадает. На этой стадии становится возможным использование сочетания не опасаясь, что оно будет неправильно истолковано, так как значение «усталости» укрепилось в образном *къахтæ арт уадзынц*. Значение сочетания *(цъах) арт уадзын* несколько меняется, находясь в контексте выражений *фыр мастæй цъах арт уадзын* – «синим пламенем гореть от злости» или *дзурын мондагæй цъах арт уадзын* – «синим пламенем гореть от нетерпения поговорить». Например: *Мæнæн дæр мæ къахтæ арт уадзынц. Уæнгтыл уæззау*

цыдәр йә тых йә бонәй уырдыгма әенцәйы. (Цәгәраты М.) «У меня тоже ноги горят (ср. ноги гудят – *кәәхтә нууынц*). На тело тяжелое «что-то» изо всех сил давит».

Подобное явление Ричардс объясняет тем, что в процессе метафоризации участвуют «две мысли о двух различных вещах». Причем, эти мысли, возникая одновременно, выражаются с помощью одного слова или речения, значение которых есть результат их взаимодействия» [Richards 1965, 90]. Именно результат подобного взаимодействия является основным моментом в достижении экспрессии речи: новая форма – новое значение фразеологического сочетания. *Афонма сә хид кәоп-пәй кәй кәлы, уй тыххәй уын ард хәрын. (Цәгәраты М.)* «Я вам клянусь, что к этому часу с них семь потов сошло (пот градом льет)»; *Рафәлдәхти сә дунә. Майрамыхъомә әрәмбырдысты. Хәйсын нал ары йәхицән бынат... (Санаты У.)* «Мир на них обрушился (в значении «случилось что-то страшное, непоправимое»). Собрались у Майрамуко. Кайсын места себе не находит»; *Цыма на ацы хәуы уй әрцәрын кодта, уй хуызән йә риуәмбәрц ләгәрды. Хәуыддаг әй кәм на уа, уым дәр йә фындз фәтъыссы. (Цәгәраты М.)* «Как будто он нас поселил в этом селе, прет во всю грудь. Сует свой нос даже там, где нет ему дела».

Наличие «связанного» и «свободного» компонентов [Шанский 1969, 92] позволяет сочетания поделить условно на фразеологические группы с общим компонентом, в качестве которого будет выступать слово со «свободным» употреблением. «Такое деление не принципиально и лишь поможет нам несколько упорядочить процесс нашего рассмотрения. Но ни «свободный», ни «связанный» компоненты в отдельно взятом виде никакого отношения не имеют к экспрессивности. Воздействие на реципиента оказывается благодаря синтезу всех имеющихся факторов. И чем больше мы имеем таких факторов, тем сильнее, эффективнее воздействие» [см. Моргоева 2009].

Следует отметить, однако, что в качестве общего компонента часто в устойчивых оборотах выступают слова, обозначающие части человеческого тела: *зәрдә* «сердце», *цәстътә* «глаза»,

масты дзакъул «желчный пузырь» и другие, но сочетания, компонентами которых они являются, могут быть синонимичными и различными. Кроме того, они также могут быть отнесены к категории «стертых» ФЕ в виду своей слабой экспрессивной нагрузки.

В таких ФЕ, как правило, коннотативные функции выполняет вторая (зависимая, связанная) часть. Она зачастую выражает значение с эмоционально-оценочным содержанием: *Афтæмай Царай Фаризаты куы федта, уæд ыл йæ цæстытæ бандæгъта.* (Беджызаты Ч.) «Таким образом, когда Царай увидел Фаризат, то вонзил (букв. приклеил) в нее свои глаза» (соответствие русскому «плялить глаза»); *Стæй иухæмы йæ цæстытæ физонæгма ныццафта, иу кæрдихæй дзы фелвæста цыдæр...* (Джиоты Х.) «И в один момент он уперся глазами (букв. воткнул, вперил глаза) в шашлык, и схватил один кусочек...»; *Уый мæм, йæ цæстытæ хъулаеттæ кæнгæйæ, æрбакасти...* (Джиоты Х.) «Он на меня посмотрел, меча искры из глаз... (букв. помутив свои глаза)»; *Зæлинæйæн дæр исты амал кæндзыстæм, зæгъгæ, мын лæгъстæ систой. Йæ хистæр чызг йæ цæстытæ доны разылдта, афтæмай йæ фыдмæ бауырдыг.* «Уговаривали меня, мол, с Залиной тоже что-нибудь решим. Ее старшая дочь с глазами на мокром месте пристала к отцу».

С точки зрения образования и функционирования подобные сочетания ничем не отличаются от остальных сочетаний подобного типа, с той лишь разницей, что по силе и прагматической эффективности они намного уступают более «свежим» образованиям подобного типа. Тем не менее, они относятся к фразеологическим экспрессивам, и экспрессивность им придают глаголы с собственным коннотативным содержанием, а при использовании в несвойственном для них контексте приобретают метафорическое значение и способность создавать образ.

Лексические компоненты сочетаний, в отличие от других устойчивых оборотов, отличаются меньшей спаянностью и сохраняют собственный состав коннотативных и денотативных смыслов, вместе с тем, становясь компонентом фразеологического сочетания, распространяют свои коннотативные смыслы на со-

седние лексические единицы, тогда как денотативный остается в неизменном состоянии.

«Идеосемантика осетинского *зæрдæ* поистине необъятна, – писал В. И. Абаев. – Она выходит далеко за пределы анатомии и физиологии и включает также психическую сферу – все, что, скажем, в русском обозначается словом «душа»: не только разнообразные эмоциональные, но даже интеллектуальные состояния и проявления, сознание, память». И, далее, «почти все, что природа возложила на мозг и нервы, язык возложил на «сердце». Отсюда множество устойчивых сочетаний и сложных слов с участием *зæрдæ*» [ИЭСОЯ т.4., 300].

Многие сочетания со словом *зæрдæ* от частого использования «нейтрализовались». *Зæрдæ хæцца кæны* «тошнит» (букв. сердце мешается); *зæрдæ æлхæнын* – «угождать, задабривать» (букв. покупать сердце); *зæрдæ æвæрын* «обнадеживать» (букв. сердце класть); *зæрдæ дарын* «надеяться» (букв. сердце носить) и т.д. Однако среди них можно встретить яркие варианты сочетаний: *мæ зæрдæ йæм нæ райы* «не лежит душа (сердце) к нему»; *мæ зæрдæ дзы сцæх* «я натерпелась от него (мое сердце позеленело от него)» *зæрдæйы тыппыртæ суадзын* «высказать наболевшее» и др.

Группа фразеологических сочетаний с компонентом *зæрдæ* также крайне распространена, что говорит о чрезвычайной продуктивности самой лексемы *зæрдæ*. *Стæй æвæст мæ зæрдæ ныс-сæххæтт кодта* (*Цæгæраты М.*) «Потом внезапно сердце мое оборвалось (букв. сердце захлестнулось)»; *Ныр хæрзбон у! Æлгъитын да, мæ зæрдæ нæ тæры. Цæр дахицæн!* (*Барахъты Г.*) «Сейчас прощай! Проклинать тебя сердце не лежит (букв. сердце не гонит). Живи себе!» (Использование вместо нейтрального глагола *нæ комы* «не хочет», глагола *нæ тæры* «не гонит» в том же значении придает большую экспрессию всему сочетанию; существует синоним – *зæрдæ нæ зæгъы* – «у меня нет желания»); *Алы дидинæджы змæлдмæ мæ зæрдæ къæпп кодта* (*Цæгæраты М.*). «Каждое движение цветка заставляло мое сердце замирать»; *Йæ зæрдæ-иу цы срамыгътаид, æмæ цы нæ бакодтаид, ахæм ын нæ уыди* (*Беджызаты Ч.*). «Не было такого, чего бы его сердце не

захотело (букв. «не взорвало» в значении «захотеть; решить») и «чего бы он не сделал»).

Образы с этим же словом встречаются и в проклятиях: *Дæ зæрдæ атонад!* «Пусть разорвется твое сердце»; *Дæ зæрдæйы дуар макуы байгом уæд!* «Пусть не откроется никогда твое сердце»; *Дæ зæрдæ дæ занæгæй сау талынг фæхæсс!* «Чтоб пронес ты свое сердце в кромешной тьме от своего потомства».

В благопожеланиях: *Нæ зæрдæтæм хур ныккæсæд!* «Пусть проникнет в наши сердца солнце»; *Уæ зæрдæтæ фæндиаг цард уын Хуыцауы цæст бауарзæд!* «Пусть пожертвует для вас Всевышний жизни, желаемой вашими сердцами»; *Æмвынгæй уæ зæрдæтæ уæ кæрæдзийылы макуы мацæмæй бахудæнт!* «Пусть ваши сердца никогда ничем не будут разочарованы друг в друге от совместного проживания»; *Бабайы зæрдæ дæ барухс уæд!* «Да возрадуется сердце деда от тебя.»; *Парахат зæрдæйæ фæцæр!* «Проживи с открытым и широким сердцем».

В ласкательных выражениях: *Мæ зæрдæ!* «Сердце мое», *Мæ зæрдæйы удаг (цæджындз)!* «Корень (столп) моего сердца!», ироничное *Мæ зæрдæйы гæлæбу!* «Бабочка моего сердца!» и под.

К разряду особо продуктивных в образовании устойчивых сочетаний относится и лексема *цæсгом* «лицо», о чем говорит большое количество ФЕ, которые мы находим в осетинском языке: *цæсгом бахæрын* «обнаглеть (букв. съесть лицо)»; *цæсгом батæрын* «нагло осмелиться (букв. загнать лицо)»; *цæсгом фесафын* «стать бессовестным (букв. потерять лицо)». Или в тексте: *Æмæ зæгъы уæд йæхицæн: «Цæй, мæ сау цæсгом сыхалон, æмæ йæм махæдæг бауæндон».* (*Нарты кадджытæ*) «И говорит тогда себе: «Давай свое бессовестное (черное) лицо развяжу и сама осмелюсь». В данном случае экспрессию сочетания усиливает эпитет *сау* – «черный», имеющий так же, как и слово *зæрдæ*, широкий диапазон значений» ... и входит в состав множества сложных слов и сочетаний [см. ИЭСОЯ]. *Йæ цæсгом ныддардта, мæ хур, æмæ марадз-зæгъай, кæд басаст!* (*Сечъынаты Л.*) «Выставил свое лицо (нагло уставился), дорогой, и хоть бы признался!» (+ особое синтаксическое построение предложения и экспрессивная частица); *Уæ нæ цæсгом бахæрæм, нæ зæронд мад,*

куыд ма арбацыдыстæм дæ цурмæ!... (Санаты У.) «Лучше б нам съесть свое лицо, наша старая мать, как мы еще посмели подойти к тебе!». Лексемы цæсгом «лицо», цæст «глаз (-а)» также активно используются в речевых формулах благопожеланий: *Адæмы цæст дын хуыздæртæ бауарзæд!* «Да возжелают для тебя люди самое лучшее»; *Адæмы цæстæй хызт у!* «Да будешь ты огражден от глаз людских»; *Нæ уарзондзинады цæстæй нæ кæсын кæнæд Дунескæнæг!* «Пусть заставляет нас Создатель смотреть глазами, наполненными любовью»; *Райгуыраен бæстæ дæ цæсты гагуый-ау фæхъахъхъан!* «Береги Отчизну как зеницу ока»; проклятиях: *Дæ цæсгом дыл батайæд æмæ баруайæд!* «Пусть иссохнет и скорезится на тебе твое лицо»; *Дæ цæсгомыл куыдзы туг ныккæлæд!* «Пусть прольется на твое лицо собачья кровь».

Исходя из наших наблюдений, фразеологические сочетания более свободны в своих стилистико-синтаксических возможностях, и потому художественные образы, создаваемые с их участием, и экспрессивность сохраняют, и способны создавать новые образы. Кроме того, наблюдается тенденция гармоничного переплетения собственно фразеологизмов с другими выражениями афористического жанра, а также трансформация выражений из одного жанра в другой.

Не меньше число устойчивых выражений, образованных с использованием лексем со значением «смеяться», «улыбаться», многие из которых не находят эквивалентов в русском языке, однако все они имеют образ и при буквальном переводе способны, несмотря на абсурдность, сохранять экспрессию. *Чызг худæгæй бакъæцæл (Цæгæраты М.)*. «Девушка смеялась до упаду (букв. от смеха сделалась палкой)»; И более образные описательные выражения: *Мах Къæруимæ бадæм фæндаггæрон нартхоры æмæ худæгæй уæлгоммæ афæлдæхтыстæм. Къæру зæххыл ныддæлгом æмæ хуылф хæлд кодта, стæй сыстади (Токаты А.)*. «Мы с Кару сидели у обочины в кукурузе и со смеху попадали. Кару валялся на земле и лопался от смеха, потом встал»; *Æрраби ... йæхи ирхæфта æмæ худæгæй тъæпп хауди Зондабийыл, дæхи удхарæй цы марыс, зæгъгæ (Цгъойты Х.)*. «Арраби ... развлекал себя и лопался со смеху над Зондаби, что, мол, ты себя мучаешь».

Все вышеизложенное дает основание сделать вывод о тенденции устойчивых выражений образовывать в некотором роде семантические поля, что сближает их с самостоятельными лексическими единицами языка.

Отрицательная оценка выражается при возникновении фразеологических экспрессивов, когда компоненты оборота с самостоятельным нейтральным значением образуют выражение разговорного или просторечного употребления. Скажем: *Аема йын аена даендагта нызыхъхьыргангаей салам радтаен най? Цаема йам бахудта? (Джиоты Х.)* «А что, не оскалив зубы, нельзя было поздороваться? Зачем ему улыбалась?»; *Сылгоймаг хьуама йа даендагта зыхъхьырсей ма дара. (Джиоты Х.)* «Женщина не должна держатъ зубы раскрытыми». Как видно из примеров, возможно двоякое понимание выражения *даендагта нызыхъхьырканын* «оскалить зубы», и оба значения оценочного характера. В одном случае «оскалить зубы» выступает как неудачно, неискренне улыбнуться (т. е. способ действия), в другом как отрицательная оценка, осуждение самого действия.

Таким образом, особенностью представленных сочетаний является их лексический состав, вернее, коннотативное содержание лексических единиц подобных сочетаний. Это означает, что последние, как правило, состоят из двух частей с разными полюсами, одна из которых указывает на состояние, испытываемое человеком (*таепп хауын* «лопаться», *хуылфхалд канын* «разрывать внутренности», *фехаelyn* «разваливаться», *уалгомма фалдаехын* «повалиться» и др.), а другая – на причину, вызвавшую это состояние. Сама по себе лексическая единица, обозначаема причина, не эмоциональна (более того, даже нейтральна), а часть, указывающая на состояние человека, имеет отрицательную коннотацию. Обе части в сочетании создают тот образ, то сочетание, которое впоследствии используется как достаточно сильное экспрессивное средство языка. Кстати сказать, как и многие сочетания данной группы, они поддаются некоторой схематизации, то есть первая часть может выступать как переменная (слово нейтральное указывает на причину и может быть заменено на другое: *маестей* – «от злости», *фыр зыдаей* – «от жадности», *худагаей* – «от сме-

ха», *фыр мæтсæй* – «от переживания» и др.) и вторая часть – константа (*тъæпп хауын* – «разрываться» – часть, указывающая на само состояние), эмоционально-оценочное содержание которого остается постоянным [см. Моргоева 2009].

Эти константные части могут стать семантической основой для создания речевых формул соответствующей жанру прагматики: *Тæпп хаугæ фæцæр!* «Проживай (свою жизнь) лопаюсь».

Исследование показало, чем слабее семантическая спаянность между компонентами ФЕ, тем они самостоятельнее, потому более подвижны, а значит, больше подвержены возможному моделированию и образованию новых фразеологических конструкций, так как каждая из единиц сочетания может быть компонентом ряда других фразеологических сочетаний. Следовательно, при таком механизме функционирования они способны образовывать семантические поля со сходным значением и различными стилистическими оттенками. Сравним, к примеру, рассмотренный выше ряд сочетаний со словом *худæгæй* и ряд сочетаний со словом *тъæпп хауын* (*кæнын*), входящие в состав отдельного фразеологического союза *худæгæй тъæпп хауын* (*кæнын*).

Итак, устойчивые обороты с ослабленными внутрикомпонентными связями наиболее удобны для создания экспрессивных конструкций, сущность которых заключается в семантической противоположности компонентов. К примеру, выражение *хуыцауы æлгъыст* – «проклятый богом», который отнесен М. И. Исаевым к бранным выражениям [1964, 44], может нести и положительную информацию, когда рядом ставится «носитель» положительного качества: *Нае уæле – заронд лæг, зарынмæ хуыцауы æлхъыст Тели. (Токаты А.)* «Чуть выше нас (по местности) – старик Тели, искусно поющий (проклятый богом петь)». Смысловое и прагматическое значение оборота в данном контексте легко прочитывается, из чего следует, что «проклятие бога» может быть не только плохим, но и благим. В этом случае *хуыцауы æлгъыст* «проклятие бога» приравнивается к значению «дар божий». Экспрессивность возникла в результате присоединения нового, присущего другому выражению, значения. В вариантах *хуыцауы æлгъыст* «проклятие бога», *хуыцауы лавар* «дар божий», несо-

мненно, правильнее было бы считать умение петь даром божьим, нежели проклятием. Но, бесспорно, большей экспрессией выражение будет обладать и приобретет элемент иронии, если это умение назвать «проклятием бога». К тому же, здесь присутствует и элемент этновосприятия мира, жизненных ценностей. Кроме видимого значения, в этом выражении содержится еще и закодированная информация благопожелания. Это означает, что выбор подобной конструкции не случаен, поскольку, называя какие-либо положительные качества, способности человека проклятием божьим, желают (ему) в качестве проклятия божьего иметь только те, которые воспринимаются как дар. Это чрезвычайно интересный и довольно-таки распространенный стилистический прием построения речи в осетинском языке. Объясняется такой прием различного рода экстралингвистическими и этнолингвистическими соотношениями, основным из которых в том числе, является сдержанность в выражении положительных эмоций, характеристик и оценок.

Надо отметить, что сдержанность эта ни в коем случае не может быть связана ни с чем иным, как с табуированностью, связанной с запретом огласки положительных качеств конкретного человека. Своего рода оберег от дурного глаза. Как ни странно, эта мотивация вынуждает говорящего облачать положительные качества в форму «недостатков». В то же время, с лингвистической точки зрения, выражение *зарынма хуыцауы æлхъыст* выглядит гораздо эффективнее и стилистически выигрышнее «правильного» выражения *зарынма курдиатджын*. Этот стилистический прием замещения используется в живой речи, литературе, когда непосредственно формула проклятия сопровождается дополнительной частью «*..уый дын ма хуыздæр арфæ*» или «*.. уыцы амондæ уæд*». Таким образом, национальная специфика культурного поведения осетин увеличивает арсенал стилистических возможностей создания оригинальных экспрессивных текстов.

Итак, основной вопрос, который мы ставили перед собой в данном исследовании, вопрос о границах фразеологии, для решения которого необходимо было определить: 1) являются ли вышеперечисленные устойчивые выражения фразеологическими, и

правомерно ли такое их определение с точки зрения грамматики; 2) являются ли они объектами рассмотрения фразеологии как отрасли знания или целесообразно формирование нового научного направления.

Главным и достаточно веским аргументом в пользу их включения в состав фразеологии является их языковая мобильность и довольно активное употребление в речи. Именно это стало основной причиной включения в поле нашего рассмотрения не только выражений, соответствующих основным категориальным признакам фразеологизма, которых, кстати, немало, и состав их не закреплён и не однозначен, но и, главным образом, все жанровые единицы, имеющие способность органично вплестаться в текст, не нарушая его целостности и способствующие в той или иной мере информативно обогатить и раскрыть суть выражаемого смысла, предусмотренного основным текстом.

Из рассмотренных примеров наблюдается очевидное родство собственно фразеологизмов, паремий и речевых формул. Однако этого недостаточно, чтоб все типы устойчивых выражений отнести к одной общей лингвистической категории. Главным образом, это их общая природа возникновения, основанная на образной метафоризации явлений объективной действительности. Эти образы имеют свободное хождение между всеми типами устойчивых выражений, приспособляясь к структурной организации конкретного текста или жанра. Между тем в ходе исследования обнаруживаются не только сходства, но и различия, которые также требуют более пристального к себе внимания.

Итак, вполне закономерно, что чем меньше спаянность компонентов выражения, тем уязвимее оно в плане сохранения своего статусного определения. Языковые единицы с относительно четкой конкретной и устоявшейся семантикой давно нашли свое место в иерархии языковых единиц. Что касается, к примеру, речевых формул, имеющих достаточно своеобразную специфику во всех отношениях, то определение их лингвистического статуса осложняется их семантической многомерностью и стилистической многоплановостью. В то же время, сомнительным может оказаться и статус так называемых фразеологических единиц, ко-

которые до настоящего времени включались во фразеологическую систему языка и являлись объектами изучения фразеологии.

Это совсем не говорит о нашем намерении необоснованно притеснять или игнорировать уже существующие классификации данных языковых единиц и не принимать во внимание существующие труды видных ученых. Однако мы намерены обратить свое пристальное внимание на эти труды и с позиций современного понимания и с учетом современного состояния и функционирования устойчивого инвентаря языковых единиц в речи, пересмотреть признанные классификации и определения различных форм, типов и жанров устойчивых выражений с различной степенью спаянности. Мы полагаем, что такой подход к исследованию рассматриваемых выражений, возможно, поможет нам по-новому взглянуть на устоявшиеся положения и теорию и, как следствие, на сам объект исследования.

ГЛАВА 3
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ
РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ МАЛЫХ ФОРМ

3.1. Проблемы разграничения паремий

Помимо устойчивых оборотов живой речи, которых традиционно рассматривают в разделе фразеологии, в нее же и включаются некоторыми учеными и пословицы и поговорки, которые как языковые единицы являются краткими ритмически организованными, устойчивыми в речевом обиходе изречениями назидательного характера, в которых заложен многовековой опыт народа. Именно по этой причине они могут быть включены в число афористических жанров, легко входят в текст и чувствуют себя там свободно. Многие ученые причисляли пословицы и поговорки к афористическому жанру (Рыбникова М. А. 1958, Цаллагова З. Б. 1993 и др.), справедливо считая их народной мудростью.

Вопрос разграничения пословиц и поговорок стоит не менее остро вопроса об определении раздела науки о языке, к сфере которого они относятся. И хотя в настоящее время и появилось много сторонников рассмотрения их в отведенной для них самостоятельной области знания – паремиологии, – все же, по-прежнему, собственно фразеологизмы и паремии (то есть пословицы и поговорки) рассматриваются как части единого целого. В подтверждение нашим словам многочисленные труды исследователей, в которых в качестве отдельных частей, глав или разделов упоминаются и те и другие типы устойчивых выражений. Это говорит о многочисленных точках соприкосновения и большом количестве общих моментов в стилистическом, функциональном, прагматическом, этнолингвистическом и других планах, учитывая которые невозможно четкое и кардинальное отграничение одних типов устойчивых выражений от других.

Мы не единственные, кого завораживает и волнует природа возникновения, формирование и функционирование устойчивых единиц языка. Уже в 1848 году был издан очередной сборник пословиц и притч, собранных и обработанных И. Снегиревым. В своем предисловии автор сборника писал: «Чем больше я вникал

в этот, столь разносторонний и столь многосложный предмет, обнимающий внешнюю и внутреннюю жизнь народа, тем больше убеждался в необходимости возможно-полного собрания и отчетливого издания текста русских пословиц и притчей» [Снегирев, 1848].

Уже само название сборника говорит о том, что автор усматривал определенное родство между пословицами и притчами и ставил перед собой задачу их возможного разграничения и сохранения их первоначальной формы и содержания. Однако, столкнувшись с огромным массивом разнородного и разнопланового речевого наследия, И. Снегирев осознавал всю сложность обработки материала и признавал, что «совершенно полный (сборник) не возможен по бесчисленному множеству и разнообразию пословиц, живущих в русском народе. Многие из них таятся в разных его слоях, в некоторых семействах, и высказываются только в редких случаях жизни, пред лицом событий» [Снегирев 1848, 4]. Еще тогда были подмечены стилистические свойства пословиц, их способность к вариативности и трансформации, способность к перефразированию и изменению исходной семантики, и, что важно, подмечена их синтаксическая подвижность и умение адаптироваться к текстам с различной прагматикой и влиять на эти тексты существенным образом.

Не осталась незамеченной и двойственная природа значения большинства пословиц и поговорок, в которых отражены исконные верования, заветные обряды, стародавние обычаи и нравы. Именно эти особенности, подмеченные столетия назад, находят теперь под пристальным вниманием современных ученых, исследующих языковые реалии, в которых «таятся живые семена мыслей и чувствований, где еще не изгладились следы некогда существовавших и теперь существующих нравов, обычаев и заветных поверьев народа» [там же, 6].

Снегирев глубоко прочувствовал природу и суть устойчивых выражений, о которых во вводной части «Обзорение пословиц» своего сборника писал с такой нежностью: «Жизнь человечества и народов мы читаем в памятниках их бытия, но одни безгласные камни, тленные хартии не могут передать нам задушевных его

мыслей, заветных верований и преданий. Есть еще неписанные, не изваянные из мрамора и металла, но живущие, бессмертные памятники души и сердца народов, которые преемственно переходят от одного поколения к другому в песне, сказках и пословицах. Это умственное наследство досталось народам из тех патриархальных времен, когда устами праведных и мудрых говорила сама вековечная правда и непреложная истина, когда одна с обязательной силой указывала необходимое, должное и возможное, а другая открывала ему действительное и подлинное в жизни. Сие заповеди истины и правды, обратившиеся в житейскую мудрость, усвоились человечеству и народности в виде пословиц, кои заключали в себя судьбы его.... Кажется, нигде столь резко и ярко не высказывается внешняя и внутренняя жизнь народов всеми ее проявлениями, как в пословицах, в кои облекаются ее дух, ум и характер. Летучее слово, проникнутое и одухотворенное живущей мыслию, получает самобытность и вековечность. <... > Этот живой голос, по сущности столь внятный сердцу человеческому, столь согласный с его совестью и умом, раздается от начала мира во всех племенах и языках, в их жизни и пословицах. Он живет с народом и переживает их» [там же, 10].

Сложно переоценить значимость столь точной характеристики и тонкого понимания сущностной природы устойчивых выражений, которым дает характеристику автор. Вместе с тем, понимая разноплановость во всех отношениях и считая основной целью своей работы классификацию этих выражений, он, тем не менее, пользуется термином «пословицы», что, на наш взгляд, трактуется как условное название и совершенно не умаляет значимость проделанной им работы.

Надо сказать, что в более поздних работах ставились такие же цели, подмечались эти же особенности, однако устойчивые выражения поддавались только тематической классификации.

Мы намеренно обходим термин «пословица», поскольку считаем, что долгое время под этим термином понимались устойчивые выражения, отличающиеся по типу, структуре, композиции и, наконец, по коммуникативной и прагматической направленности. Так, к примеру, в известном сборнике В. Даля «Пословицы рус-

ского народа» среди общего массива народного наследия, мы находим не только явные пословицы и поговорки, но и выражения с прозрачной коммуникативно-прагматической направленностью, характерной для других типов класса устойчивых выражений:

1. Разбейся кувшин, пролейся вода, пропади моя беда!; Зашивай горе в тряпичку! Завей горе веревочкой!; Отвяжись, худая жизнь, привяжись, хорошая! – являются осколками полнотекстовых заклинаний.

2. Поклонись да облизнись! Облизнись, да домой воротись!; Утай, Боже, так, чтобы и черт не узнал!; Господи, прости! В чужую клеть пусти. Пособи нагрести, а и вынести! – являются краткими формами заговоров.

3. Типун бы тебе на язык!; Провались он в тартараты, провались бы сквозь землю!; Чтоб тебя лихая болезнь взяла!; Трястись бы тебе лихоманкой!; Чтоб тебя свело да скорчило, повело да покорило!; Перекосило бы тебя с угла на угол, да с уха на ухо!; В поле бы тебе лебеды, да в дом три беды!; Чтоб тебе ни дна, ни покрывки! и т.д. – являются прямыми проклятиями.

4. Дай Бог счастливо день дневать и ночь ночевать!; Дай Боже, чтобы все было гоже!; Дай бог в честь да в радость!; Сколько в поле пеньков, столько бы вам сынков, а сколько кочек, столько б дочек!; Чтоб дал вам Господь, всякое б доброе так лилось (как вылитая рюмка вина)!; Дай тебе Господи, с нашей руки куль муки! И т.д. – относятся к формулам благопожелания.

5. Дай Бог носить не переносить, возить не перевозить! (при счете денег); Дай Бог износить (обнову), да лучше нажить!; Благослови Бог встать, а ляжем мы сами!; Хошь роди, да подай! Вынь да положи! – выражения с узкой прагматической направленностью.

6. Царство небесное, вечный покой, вечная память!; Дай Бог, чтоб земля на нем легким пухом лежала!; Дай бог легко в земле лежать, в очи Христа видать!; Упокой, Господи, душеньку, прими, земля косточки!; Костями не шевели! Мир праху, костям покой! и т.д. – являются остаточными формами ритуальных формул.

7. Типун тебе на язык!; В добрый час молвить, в худой промолчать!; Не за хлебом-солью будет сказано!; Не к ночи будь по-

мянуто!; Не слушай хороминка!; Не слушай избушка-Хороминка!; Оборони Бог!; Пронеси Господи!; Приходи вчера! – являются оградительными формулами.

8. Небо в овчинку покажется!; Запоешь ты у меня не ту песенку!; Не пей кума, дарового вина, дороже купленного обойдется!; Не поминай бани: есть веники и для тебя!; Камня на камне не оставлю!; Я из тебя все кишки повиытерблю!; Ты у меня кровью своей умоешься! Кровавыми слезами восплачешься!; Сам наг пойду, а тебя без рубахи пущу!; Свою голову положу, да твою-то с плеч снесу! и др. – относятся к угрозам [см. Даль, 2000].

Приведенный перечень групп устойчивых выражений, вычлененных из общего объема русских пословиц, утверждает нас во мнении, что, будучи завуалированными под общим названием «пословицы», в действительности относятся к различным типам единиц класса устойчивых выражений.

По всей вероятности, всеобщее атеистическое мировоззрение заставляло ученых закрывать глаза на этнокультурную составляющую всего устойчивого фонда, а именно на отражение в них явных отголосков верований и религиозных представлений народа. Однако проблема отграничения пословиц от поговорок и других жанров фольклорной афористики являлась актуальной и оставалась нерешенной.

По сей день вопрос о разграничении пословиц и поговорок остается важной проблемой, над решением которой начали задумываться еще в 60-х годах прошлого столетия. Несмотря на то, что он не был вопросом первостепенной важности, не коснуться его не могут специалисты по фразеологии. Интересует он и нас, но в аспекте семантико-стилистическом и функциональном, то есть с позиций определения их прагматических и когнитивных особенностей, поскольку они, в явной или скрытой форме, существуют практически всегда.

Известно, что собственно фразеологизмы в основной своей массе синтаксически представлены словосочетаниями и являются соответствиями лексических единиц, поддаются морфологическому определению и имеют лексические синонимы и семантические соответствия. Следовательно, выражать они могут либо

действия, либо признак, либо качество, образованное на основе метафорического осмысления. В рамках нашего исследования такие сочетания мы предлагаем называть «условно-номинативными» выражениями класса устойчивых выражений.

В остальных типах устойчивых выражений, имеющих структуру законченного предложения, посредством особых форм синтаксического построения передается не одна, а две и более содержательные категории, а значит, мы имеем предикативную основу, тяготеющую к сюжету. В особых случаях это может быть двух-, трехуровневый сюжетный план. К таковым следует относить пословицы, поговорки, речевые формулы различной прагматической направленности. В большинстве случаев такие выражения являются прямыми речевыми актами. Другие выступают как системно организованные комплексы формул. В разграничении именно этих сложных форм устойчивых выражений зачастую возникают трудности.

Сложность эта связана с различием структурных признаков, относимых к разным типам изречений. Хотя, при всем многообразии паремиологических форм, количество наиболее существенных признаков, формирующих структурную типологию паремий ограничивается всего шестью парами.

3.2. Содержание национально-культурных доминант в паремиях и речевых формулах

Этнокультурные ценности народа находят свое непереносимое отражение в языке, который, благодаря своей аккумулятивной функции, обеспечивает сохранение и последующую передачу базовых основ мировоззрения и миропонимания конкретного народа, так как в рамках конкретного языка происходит концептуализация свода представлений о мире как отражения определённого способа его восприятия и кодировки.

Различного рода устойчивые единицы, веками отточенные народом, как нельзя лучше отображают систему взглядов, установленных и принимаемых носителями языка, и со временем обретают статус своеобразной коллективной философии. На-

более значимые ценностные категории обладают способностью приобретать концептуальное значение, формируя особый свод непреложных правил с возможной систематизацией; и если «любая единица лексической системы несёт информацию о восприятии мира носителем языка» [Березович 2007, 239], то паремии и речевые формулы содержат информацию о культурных кодах народа.

В осетинском языке основной единицей, хранящей и отображающей все этнокультурные особенности, является сложная номинативная единица (устойчивое выражение), в которой закодирована история, быт, обычаи и нравы народа.

В основной своей массе все устойчивые выражения, вне зависимости от семантической спаянности компонентов их составляющих, вне зависимости от прагматической направленности и жанровых особенностей, в осетинском языке имеют одно общее название – *æмбисæндтæ*. Под это определение попадают пословицы и поговорки, речевые формулы различной прагматики, этикетные выражения и образные речения. В повседневном речевом употреблении это понятие используется также и для наименования басни, притчи, а также в значении «чудо». Любой источник народной мысли, нравоучительное высказывание, поучительная мысль, – одним словом, всё, что доносит до нас народную мудрость, попадает под название *æмбисонд*. В исключительных случаях можно наблюдать и употребление этого слова и в значении «необыкновенного происшествия»: *Иратаманæй нырма æхæм æмбисонд нама рцыд* – «Со времен возникновения мира (Иристана) такого чуда еще не случалось» (Здесь и далее использованы паремии из сборников, составленных К. Ц. Гутиевым [1976] и И. Х. Айларовым [2006]); или несчастного случая, трагической истории, участи; сравним, в оградительных формулах: *Йе `мбисонд йæхи уæд!* – «Пусть участь (его) останется его (участью)!», или выражение *Гъер æмбисонд нæ кодтай!* – «Ну вот, мог же переборщить, навлечь на себя ужасное происшествие (трагедию, горе)!» (разговорное); порою встречается и в значении прилагательного с семантикой «удивительный», «бедовый»; сравним поговорку: *æмбисонд Тохтæ уыдысты, фæлæ*

сæ мыггаг дæр нал ис. – «Удивительные (бедовые) Тоховы были, но и фамилии их даже нет (не осталось)»; в значении наречия с семантикой «очень», «удивительно»: *æмбисонды фидыд кодта*; и другие. Как лингвистический термин *æмбисонд* используется для обозначения пословиц и поговорок, реже – басни.

Примечательно, что при такой широте понятийного спектра термин *æмбисонд* всегда сохраняет семантический компонент нравоучения, назидания, который становится едва ли не основным коннотативным значением для него.

Восприятие большинства устойчивых выражений в осетинском языке как непреложных правил, особенно тех, в которых в качестве компонентов – значимые нравственные ценности, идёт с опорой на это базовое значение.

Фразеологизм *Æмбисондаен (куы) баззад!* – «Осталась, осталась в памяти людей (как доброе или недоброе имя); сохранилось (дошло до нас) как æмбисонд!», которое часто предшествует собственно паремии, характеризует последнюю именно как мораль или назидание.

Выражение *«Иу æмбисонд (та) ма ахæм уыд (у) ...»* – «Еще одно чудо такое (было) ...», как правило, выступает в качестве своеобразного зачина, за которым следует притча и небольшой текст басенного типа. Но и в этом случае, на наш взгляд, сохраняются смысловые коннотации нравственных канонов и традиционных устоев.

Все нравственные устои, регулирующие поведение осетина в обществе и участвующие в становлении и формировании его как личности, так или иначе, отражены в паремиологических выражениях. Изучение паремий и речевых формул дает возможность представить и воссоздать ясную картину системы ценностей и морально-нравственных ориентиров, на которые на протяжении многих веков опирается осетинский народ.

Достаточно рассмотреть несколько ключевых понятий системы культурных ценностей осетин, с помощью которых моделируется картина мира, чтобы уже иметь общее представление о степени важности паремий в формировании личности и сохранении языка и культуры.

Помимо общих ценностных категорий, присутствующих практически в каждой национальной культуре, в осетинской особо значимое место занимают такие, как *æгъдау*, *фарн*, *фæтк*, *нымд*, *бæрц*, *кад*, *рад*, *æфсарм*, *цыт* и другие ценности, к которым необходимо стремиться, соблюдать их всегда и во всем. Понимание и трактовка этих слов выходит за рамки односложного значения. И причина тут не только в появлении дополнительных контекстных значений, а именно в широте охвата жизненно важных сфер деятельности и бытия человека, в которых требуется необходимое присутствие этих качеств.

Скажем, слово *æгъдау*, несмотря на зафиксированные в словарях значения (1. закон, обычай, традиция; 2. порядок, правило; 3. дисциплина, поведение; 4. приличие; 5. нрав), тем не менее, отражает все эти значения одновременно и сразу, и в то же время стоит выше всех них.

Æгъдау æмæ фæтк фæрсæй-фæрстæм цæуыңц (– *кæрсæдзийы агурыңц, – *иу фарныл хæцыңц) «закон и порядок бок о бок идут (*друг друга ищут; *за одно благоденствие держатся)»;

*Æгъдауæн – кад æмæ рад (*бæрц æмæ хыгъд; *бынат æмæ афон; *хæртæ æмæ хæрдзтæ)* – «для обычая, традиции – уважение и порядок (*мера и счёт; *место и время; *блага и расходы)»;

*Æгъдау кæм и, фарн дæр уым и (*бæркад дæр уым и; *цыт дæр уым и)* – «где æгъдау, там и мир (благоденствие) (*и изобилие там; *там и почёт)»;

Адæймагæн йæ гъдау йæ уагыл зыны «нрав человека виден по его поведению»;

Æгъдау кæй нæ баурома, уый æфсæн рæхыс дæр нæ бауромдзæн – «кого приличие не остановит, того и железная цепь не удержит».

Как видим, термин *æгъдау* каждый раз обнаруживает всё новые смысловые оттенки и в то же время раскрывает и расширяет семантику соседних слов с культурно-ценностным значением. Так, слова *кад* и *цыт* в словарях имеют почти полное совпадение значений, поскольку оба переводятся как «почёт», «уважение», «слава». В значениях слов *бæрц* и *хыгъд* также наблюдаются семантические пересечения, поскольку *бæрц* – «мера», «количе-

ство», «численность», а *хыгъд* – «счёт», «учёт», «вычисление». Естественно, что в рамках одного устойчивого выражения такое семантическое дублирование и повтор исключены. Специфика самого жанра «пословицы и поговорки» диктует высокую степень концентрации смыслового наполнения и в значительной мере характер назидания, граничащего с аксиоматичностью. Следовательно, мы вынуждены признать очевидное расхождение между словарными трактовками и значениями, исходящими из самих паремий.

Такое расхождение объясняется тем, что лексикографическое описание слова предлагает, как правило, наиболее употребительное значение, общепринятую трактовку, исходящую из современных жизненных реалий, в то время как паремии являются источником получения иного, более глубинного, осмысления этих понятий, становящихся в контексте паремий философскими.

Понятие *агъдау*, на наш взгляд, помимо перечисленных значений, содержит в себе остальные категории по отдельности и в то же время является совокупностью всех этих критериев. В этом аспекте пословицы и поговорки – тот ценный источник, который раскрывает глубинные смыслы означенных категорий, несущих нравственный посыл, а значит, их знание и понимание способствует постижению и сохранению конкретного языка и культуры в целом.

Другим немаловажным моментом является изучение культурно-значимых концептов. Это те слова, которые, в отличие от ранее представленной группы, вовсе не находят прямого соответствия в других языках, поскольку отображают явления и понятия, не свойственные другим культурам. Они, как правило, объясняются описательно или, в стремлении найти хоть какое-то приближенное соответствие, скажем, в русском языке, даётся их дословный перевод (в случае со сложными словами) или наиболее близкий по смыслу. В обоих случаях при переводе утрачиваются тончайшие смыслы, культурно-свойственные лишь для этноса.

К примеру, национально-маркированные слова *хистар* – «старший» и *кастар* – «младший» являются вполне понятными и легко переводимыми. В то же время эти слова являются и этно-

графическими понятиями, поскольку содержат в своем значении несравнимо большую нагрузку, чем просто указание на возраст относительно чего-либо. Русское *младший* понимается как «более молодой сравнительно с кем|чем-нибудь» [ТСРЯ 1996, 281], а слово *старший* трактуется как «раньше других родившийся или появившийся, имеющий сравнительно с кем|чем-нибудь больше лет» [там же, 490]. Сохраняя эти же толкования, в осетинском сознании *хистæр* и *кæстæр* почти всегда воспринимаются как понятия, указывающие на социальный статус как в общем, так и применительно к конкретному человеку в определенной ситуации.

И статус старшего, и статус младшего требуют соблюдения соответствующих норм поведения, социальных обязательств, непременно сопряженных с традициями и национальной культурой. Соответствие статусу (и того и другого!) характеризует человека, достойного уважения и признания. Несоответствие – наоборот. Примечательно и то, что этими статусами, главным образом, наделены мужчины.

Нечто схожее мы находим в работе О. А. Корнилова, который сообщает, что «в китайской культуре существует феномен чрезвычайно уважительного, почтительного отношения к людям старшего возраста и к умершим предкам. Это почтительное отношение, очевидно, можно даже назвать культом, а уж считать китайской культурно-этнической доминантой – вне всякого сомнения» [Корнилов 2011, 180].

Пониманию всей глубины семантики рассматриваемых слов и широты охвата их употребления способствуют многочисленные паремии осетинского языка, свидетельствующие о значимости соблюдения градации «старший | младший»:

Бынатæ хистæр æмæ кæстæр чи нæ зоны, уый сæ фæндагыл дæр нæ зоны. – «Кто на месте (в значении «дома») не видит разницы между старшим и младшим, тот и в пути (в значении «вне дома») её не видит»; *Хистæр – зондамонæг, кæстæр – æгъдаухæссаг.* – «Старший – наставник (учитель), младший – последователь (букв. несущий æгъдау)»; *Хистæрæн – кад, кæстæрæн – рад.* – «Старшему – почёт, младшему – порядок (свой черёд)»; *Хистæр-*

мæ цы кæстæр нæ хъусы, уый йæхицæн фыдбылыз у. – «Тот младший, который не прислушивается к старшему, себе вредит (букв. является злом)»; *Хистæрæн кæстæр йæ ныфс у, сæрбахъуыды сахат та йæ тых.* – «Для старшего младший – его надежда, а в нужное время – его сила»; *Кæстæртæ хистæртæй хуыздæр куына цæуой, уæд мыггаг сæфтмæ цæуы* – «Если младшие не будут становиться лучше старших, то фамилия (род) вымирает»; *Кæстæр – рæдиаг, хистæр – бараг* – «Младший – ошибающийся, старший – прощающий». *Хистæриуæг æмæ кæстæриуæг фæндагыл дæр хъæуыны.* – «Умение руководить и отдавать долг вежливости и в дороге необходимо». В этом выражении *хистæриуæг* и *кæстæриуæг* являются именными частями составных глаголов, которые в данном высказывании опускаются. Таким образом, они выступают функциональными понятиями в контексте, где *кæстæриуæг* имеет значение «исполнение обязанностей младшего перед старшими», соответственно, *хистæриуæг* – «руководство, верховенство старшего».

Указание на нормы застольного этикета находим в выражениях:

Дон куыд-кæстæрæй нуазыны. – «Воду пьют, начиная с младшего»; *Кусарты сæр æнæ хистæр нæ фæхæрыны.* – «Голову жертвенного животного без старшего не следует есть»; *Хистæрæн – барзæй, кæстæрæн – сгуы.* – «Старшему – шею, младшему – голень» (имеются в виду части жертвенного животного).

Поведенческий этикет отражен в выражениях:

Кæстæрæн хистæры разæй дзурыны фæтк нæй. – «Младшему вперед старшего говорить не следует»; *Кæстæрæн йæ хæс – хистæрма хъусын.* – «Долг младшего – слушать старшего»; *Хистæр дзуры, кæстæр хъусы.* – «Старший говорит, младший слушает»; *Кæстæр хъырнаг у, хистæр та – зарæг.* – «Младший – подпевающий, а старший – поющий»; *Гал дон аназы, род их асдæры.* – «Бык воду выпивает, телёнок лёд облизывает».

Из приведенных примеров возможен ложный вывод о том, что функции младших заключаются только в «прислуживании» старшим. Самобытность и уникальность культуры часто не находят соответствия в других культурах, в том числе и в лекси-

ке, поэтому не всегда перевод отражает всех тонкостей смысла. Ясность вносят сами же паремии. Скажем: *Кæстæриуæг кадæн чи исы, уый селгъыстаг кæны*. – «Кто прислуживание младших расценивает как почести, подвергает себя проклятиям». Из этого выражения исходит, что *кæстæриуæг кæнын* не является «наказанием бесправных», а есть яркий показатель достойного воспитания и уважительного отношения младшего по отношению к старшему. В дополнение еще пример: *Кæстæрæй тынгдæр æфсæрмы хъæуы*. – «Стыдиться больше нужно младшего (в знач. быть более деликатным)»; *Хорз кæстæр – хистæр, æвзæр хистæр – кæстæр*. – «Хороший младший – старший, плохой старший – младший». Как видим, в мировоззрении осетин уважение и признание получает только достойный, независимо от своего возраста.

Важность и значимость градации старший | младший отражена и в молитвенных формулах и пожеланиях: *Сæ сæр æнæ къах ма уæд, сæ къах æнæ сæр!* – «Пусть их голова не будет без ног, их ноги без головы!».

Еще одной немаловажной частью лексики являются архаизмы, которые в большом количестве присутствуют в малых фольклорных жанрах. В условиях глобализации, интеграции и прочих современных процессов родной язык уходит на второй план, не находя своего активного применения по объективным причинам. Поэтому активный лексикон языка стремительно теряет свои единицы, которые попадают в разряд архаизмов. Вместе с тем надо признать, что процесс этот вполне обратимый, поскольку богатейший паремиологический фонд языка в силу своей устойчивости и другим характеризующим признакам не подвержен столь активной трансформации и изменению: слова, однажды вошедшие в состав устойчивого выражения, уже не могут быть исключены из него. Это означает, что изучение паремий и речевых формул, в том числе и содержащих устаревшие слова, архаизмы и историзмы, пробуждают интерес не только к отдельным словам внутри выражения, но и к самим выражениям народной мудрости, значение которой очень трудно переоценить.

Так, к примеру, семантика слова *фæрк*, отсутствующего в словарях, подлежит восстановлению (хоть и приближительному)

только благодаря отдельным выражениям, в котором оно сохранилось: *Амондджынма кьодахы цафай дэр фæрк хауы*. – «Счастливому (удачливому) и от удара по бревну выпадает большой кусок (условно говоря, нечто большее, чем щепка, скол – клинообразный кусок)».

Слова, не нашедшие отражение в словарях в силу своей сложной этносемантики, сохранились в поговорках и речевых формулах: *Дæ ныхыдзуары фыст цы 'рцыди, уый – дæ цаггом*. – «Что на лбу (условно: на перекрестье лба) написано, это – твое лицо»; *Ныхыдзуар алчи йæ мады гуыбынаей рахассы*. – «*Ныхыдзуар* (то, что «предначертано судьбой») каждый из чрева матери выносит»; *Йæ маделон æвзаг æцæгелон æвзагаей чи баивы, уый вайы æнæмард æмæ æнæдзуар, æнæарт æмæ æнæкъона*. – «Кто променял родной язык на чужеродный, тот остаётся без покойников и без святых, без огня и без очага».

Трудность перевода представленных выражений очевидна, и возникает она по причине особой семантики отдельных слов. Вот почему ни один из способов перевода не даёт возможности безболезненно, не нарушая плана выражения и плана содержания, переложить содержание высказывания на другой язык. Слова *æнæмард* и *æнæдзуар* в своем значении содержат сложные культурные коннотации, отражающие «интерпретацию денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры» [Телия 1996, 114]. Вторая пара слов *æнæарт* и *æнæкъона* с помощью префикса *æнæ-*, указывая на отсутствие ценностных категорий, направляет нас на правильное восприятие предыдущей пары слов – *æнæмард* и *æнæдзуар*. Таким образом, вся глубина семантики выражения раскрывается лишь в оригинальном варианте. Более того, особую значимость выражение приобретает только для носителей той культуры, для которой рассматриваемые языковые концепты являются культурными доминантами.

Трудно не согласиться с утверждением В. А. Масловой о том, что «цивилизация позволила создать мощные силы уничтожения самого человека, его порабощения, а гуманитарные науки пока не способны его спасти, ибо не обладают достаточными

познаниями, чтобы понять человека и сделать совершенным его поведение» [Маслова 2004, 113]. Однако признавать полное бессилие гуманитарных наук по части «спасения» человека было бы преждевременным: они способны вывести на поверхность давно забытые слова с содержанием ценностно-нравственных компонентов, из которых соткана национальная языковая картина мира.

Представленные группы паремий – это небольшая часть всего богатейшего фонда осетинского языка, который хранит в себе специфическую концептуальную лексику, отражающую национальное языковое сознание, и без её постижения невозможно сохранение языка самого и вместе с ним культурных традиций этноса. Активное употребление в повседневной речевой практике пословиц и поговорок способствует возвращению в активный лексикон национально-маркированных слов, незаслуженно и преждевременно отошедших в пассивный состав языка, в том числе и архаизмов; способствует раскрытию всего возможного диапазона значений и вариантов употребления. Естественно, это несомненный положительный фактор развития и сохранения родного языка как высшей ценности любого этноса.

3.3. Репрезентация ценностно-смыслового пространства языка в паремиях и речевых формулах

По стилю и форме паремии максимально приближены к разговорной или книжной речи, поэтому в структурном плане могут практически не выделяться из текста. При этом буквальные или переносные смыслы, которыми отличаются пословицы, сохраняют свою целостность и не теряют своей значимости и силы.

По своему синтаксическому строению пословицы, в отличие от устойчивых оборотов, имеют форму законченного предложения и в тексте могут встречаться как самостоятельные предложения. Сравним: *Тагъд дон фурды на сæфы* «Быстрая река в море не теряется»; *Дыргъ йæ афоныл рæгъæд кæны* «Плод (фрукт) в свое время созревает»; *Тæрхъусы тас куы бацæуы, згъорын уæд байдайы* «Когда заяц напуган, только тогда начинает мчаться»;

Хецаг галаен йа сыкѣа сѣтты. «У бодливого быка рог ломается»; *Хедзар чи нае сараѣзта, уый афтѣ аенхѣалы, џеджынџтаѣ бынѣей ссыдысты.* «Кто не построил дом, тот думает, что свай сами выросли»; и в тексте: *Зноны знаг абон лымѣнен зын ссарѣн у.* (Санаты У.) «Вчерашнего врага сегодня трудно найти в друзьях»; *Донласт хуылыџзѣй нал фѣтѣрсы.* (Цѣгѣраты М.) «Промокший насквозь не боится воды»; *Хатыр бакѣн, фѣлаѣ мауал џѣппытѣ кѣн фѣндаг даѣ зангаей: зѣххы тымбылаѣг далыс наѣу, – наѣ йѣ алвынџзына.* (Сѣџынаты Л.) «Прости, но не отрезай больше дорогу своей ногой: земной шар не овечка, ее не пострижешь»; *Маенгаен наѣ фѣзаѣгъыны: хуынџытѣ мигѣненены дон наѣ лаууы, кѣдаѣм фѣнды йѣ фѣхаѣс.* (Боџиты Б.) «Не зря говорят: в дырявой посуде вода не держится, куда ее не носи»; *Мѣлџыгаен йѣ сѣфт куы 'рѣѣуы, базыртѣ йыл уѣд баззайы.* (Хѣайтыхѣты. А.) «Когда муравью наступает конец (смерть), тогда у него вырастают крылья»; *Халоны фѣдыл баџу ѣмаѣ даѣ фѣджысмаѣ бахона.* (Токаты А.) «За вороной пойдѣ, и она приведет тебѣ к навозу». То же, что и в русском: *Утопили мышѣ котѣ в помойной яме, да мертвого.* (ПРЯ); *Два медведѣ в одной берлоге не уживутся.* (ПРЯ).

В этих примерах афористичность пословиц действительно наглядно представлена, а их эмоционально-экспрессивный потенциал сохраняется неизменным и распространяет на ближайшие предложения лишь импульсы. Вместе с тем, достаточно нарушить целостность паремии и вставить, скажем, слово *фѣлаѣ* «но», соединяющее пословицу с предшествующим предложением и таким образом представляющим данную пословицу как его логическое продолжение, и прагматическое влияние пословицы на соседние синтаксические конструкции усиливается. К примеру, варианты: *Фѣлаѣ амонд сапоны фынчы гѣлаѣбуийѣ уѣлдай наѣу.* (Хѣайтыхѣты А.) «Но счастье ни что иное, как мыльный пузырь»; *Фѣлаѣ фыдбылыз фыдбылызы кѣадзылыл баст у, ма хуртаѣ. Тыхџыны фыдбылызѣй та аѣдыхы сѣр судзаг вѣййы.* (Бѣджызаты Ч.) «Но беда привязана к хвосту беды, мои родные. А от беды сильного страдает голова слабого». В первом случае пословица уже не является обособленной единицей. Благодаря

союзу *фәләә* она начинает функционировать в тексте, т.е. происходит процесс «растворения» для создания нового экспрессивного прочтения, а во втором примере помимо союза, еще и обращение. Далее следует предложение, органично связанное с предыдущим и в некоторой степени раскрывающее суть первого. При этом достаточно трудно определить, то ли вторая часть также является пословицей, то ли это высокообразное выражение, построенное по модели пословицы. Во всех рассмотренных случаях особенность синтаксических конструкций наделяет текст определенной эмоциональностью и прагматикой.

Вообще паремии при всей своей завершенности в смысловом отношении необычайно гибки в плане адаптации в тексте. Вероятно поэтому они, являясь памятниками устного народного творчества, в когнитивном и прагматическом планах тесно связаны с фразеологическими образованиями и имеют схожие функции. Особенно употребительны они в художественных произведениях и разговорной речи: *Ирвәзгә акәнәм, әндәәр бон цауы әмә фарн йемә хәссы.* (Цәгәраты М.) «Нам бы спастись, а там день приходит и счастье с собой приносит»; *О әлдар, тагъд дон фурды не 'ййафы, цәмән тагъд кәныс?* (Хъайтыхъты А.) «О алдар, быстрая река моря не догоняет, зачем спешишь?»; *Уадз әмә ацы хатт кәрцән йе 'мпъузән йәхицәй уа.* (Цәгәраты М.) «Пусть на этот раз заплата для шубы будет из нее самой».

Не нарушая собственной образности и целостности, пословицы способны выступать как полноправные члены предложения, что продемонстрировано в вышеприведенных вариантах употребления. Окружающие контекстные синтаксические конструкции обеспечивают им уместность и мотивированность их использования и в некоторой степени их раскрытие. Вместе с тем «раскрытие» пословицы не ограничивается пределами одного предложения, в котором она присутствует. В этом процессе может участвовать и последующее, а иногда и предшествующее предложение. Иными словами, возможное раскрытие смысла пословицы может быть заложено в соседних предложениях. Например: *Зынз зәгъынсәй ком нә судзы, мә хо! Кәд ма исты фәрәз зоныс Бәтәйы рахизынән, уәд әй зәгъ.* (Беджызаты Ч.) «От слова «огонь» рот

не загорится, сестра! Если еще знаешь какое-нибудь средство, чтоб вывести Бата, то скажи»; *Фәләәуу, уый нырма ног чындз у, ног цъылын мәрзаг вәййы. Йе 'фсәртә наема суагъта. (Тока-ты А.)* «Подожди, она еще новая невестка, новая метла хорошо метет. Еще не распустила свой язык (букв. челюсти)».

В последнем предложении, где находится сама поговорка, проводится параллель: *ног чындз* – *ног цъылын* (новая невестка – новая метла), что уже может быть «ключом к разгадке», объяснением смысла поговорки, но в следующем предложении раскрывается тот смысл, который заложен в эту поговорку самим говорящим, кстати, отличный от того, что чаще всего в него вкладывается. Другими словами, в основном поговорка *ног цъылын мәрзаг вәййы* «новая метла хорошо метет» вызывает ассоциации с трудом, работой, какой-либо деятельностью, но в данном случае в нее заложен дополнительный смысл: испытание трудом новой снохи, новая сноха на первых порах старается угождать. И тогда экспрессивным будет не только способ использования поговорки, но и дополнительные смыслы, появившиеся в тексте [см. Моргоева 2009].

По сути, наши попытки проанализировать приведенное выражение есть не что иное, как начало этнолингвистического анализа. К такому подходу подталкивает сама специфика этих выражений, и, вероятно, это стремление объяснить и раскрыть смысл выражения движет и авторами как устных (разговорных), так и художественных текстов, в произведениях которых они встречаются, когда они именно таким образом составляют и структурно оформляют предложения. Так называемая «расшифровка» может присутствовать, а может нет. Однако если говорить о стилистике синтаксического построения предложений с содержанием паремий, то надо сказать, что особо закреплённого за ней места нет, т.е. «расшифровка» может находиться и перед (анафора) и после (катафора), и даже по обе стороны (анафоро-катафорическая позиция) поговорки. Выбор той или иной позиции в контексте предложения меняет стилистические функции поговорок, меняется и их прагматическая направленность. Рассмотрим сказанное на примере: *Афтәмаәй ләппу балаг ис дыууә хәдзары 'хәән*

фыдаабатты. Мэгүыры уэныг тагъд гал кэны. (Токаты А.) «Так мальчик возмужал между двух домов в трудностях. Теленок бедняка быстро становится бычком». Здесь пословица выполняет обобщающую функцию сказанного и выступает в роли своеобразного философски оформленного вывода, а также выражает отношение самого автора к излагаемому. Иное расположение изменит эмоциональную обстановку, поменяет расстановку прагматических акцентов. Ср.: *Фэла арв наргэа куыд кэны, цэвгэ афтэ нэ кэны. Хъэнтэ дзэбаэхэнаг – растэг – йэ куыст бакодта. Сидзэргэсы узал зэрдама хур йэ мидбыл бахудт ама артэфсын кодта... Уалынма йэм фарн дэр бакуывта, ама дзы зарды хъэр райхуыст. (Хъайтыхъты А.)* «Но небо (гром) не так сильно бьет, как гремит. Лекарь ран – время – сделал свое дело. Холодному сердцу вдовы (матери сирот) улыбнулось солнце и согрело его... Потом и счастье им поклонилось, и из дома стали слышны песни». (Что соответствует русскому: *не так страшен волк, как его малюют*). В данном блоке примеров пословица, предшествуя основному содержанию, выполняет роль своеобразного эпиграфа, который затем раскрывается с помощью метафорических описаний происходящего. Как самостоятельно организованная конструкция, пословица далее раскрывается с помощью метафорических сочетаний *хур йэ мидбылты бахудт зэрдама* «солнце улыбнулось сердцу», *фарн бакуывта* «счастье поклонилось», *растэг йэ куыст бакодта* «время сделало свое дело», которые усиливают, поднимают планку экспрессивности в тексте. Ясно, что поиски различных форм построения текста приводят к раскрытию новых, подчас неожиданных, смысловых оттенков как самой паремии, использованной в тексте, так, порой, и всего произведения.

При ином расположении паремии в тексте она может оказаться окруженной раскрывающими и объясняющими ее элементами и, естественно, приобретет иное звучание. Ср.: *Маэнма ахэм фænd ис: змэнтэг адаем залиаг калм сты, Чермен та йэ сэр у уыцы калмаен. Калм сэрэй марын хъэуы! Ама ныффænd кодтой Тлаттаты узэдэттэ Чермены Кэсэгма асайын, цэмэй йэ уым амарой. (Санаты У.)* «У меня такое желание: бунтовщи-

ки – это ядовитая змея, а Чермен – голова этой змеи. Змею надо убивать с головы! И порешили князя Тулатовых увлечь Чермена в Кабарду, чтоб его там убили». В представленных конструкциях дается полное описание ситуации в пословице с последующим изложением повода, собственно причины употребления паремии. Пословица, разбивая описание действий, повышает, усиливает эмоциональный тон текста, создавая определенную атмосферу накала событий и эмоций.

Вместе с тем, мы можем наблюдать, как паремиологические высказывания способны очень органично вплестаться в текст, не разрушая своей целостности и индивидуальности. Каждый из вариантов синтаксического построения текста имеет очень тонкие, но все же значимые стилистические особенности, так как, находясь в разных позициях относительно других предложений или частей предложения, выполняет разные функциональные оттенки, решающие разные прагматические задачи.

Надо сказать, что всякое использование паремий, помимо прагматических установок и функциональных возможностей, обязательно обеспечивает текст достаточной степенью экспрессивности. Используемые единицы стремятся к органичному вживанию в текст, что им успешно удается в текстах талантливых авторов. Вместе с тем, их образность намного выше обычного строя речи, их целостность намного устойчивее, и они всегда остаются яркими вкраплениями, экспрессивными элементами нашей (и устной и письменной) речи.

Структурно-композиционные принципы оформления паремий нередко ложатся в основу создания подобных авторских образований афористического толка. Пословичное построение в таких случаях затрудняет определение статуса выражения – то ли это пословица, то ли это образно-выразительное высказывание. В любом случае это признак художественного мастерства автора. К примеру: *Уым тыхджын мыггаджы узает сехи бакодтой, сә кой дәр куыннаеуал арыхъуыстаид а бәстәм, фәлә әдәй-маған йә фыдбылыз йә фәсхъус бады әмә йә әнәнхәләәдҗы цәвы.* (Беджызаты Ч.) «Там они вошли бы под опеку сильной фамилии, чтобы о них не было слышно в этих краях, но несча-

стье стережет человека (букв. сидит за ухом человека) и бьет его внезапно».

Такого рода построения условно можно назвать псевдопаремиями, и это не мешает им занять достойное место среди поговорок, когда они, как в случае с приведенным выше примером, отвечают всем критериям поговорки. Сказительный характер повествования, в который облачено само упоминаемое выражение, лишь усиливает этот эффект «народности».

Особенно распространенным способом вживания паремий в контекст является их передача в виде косвенной речи. Происходит это при помощи частицы *дам* «мол», «дескать», сочетания *кайдар загъдау* «как говорится», «как кто-то сказал» и других способов передачи чужих-то слов. Ср.: *Кард галы мард астыгыт аема, дам, йа кьедзилыл асаст. Цай фест, аеххаст ма маена ацы хадзар абераг канам, – бадомдта урсачье лаг.* (Хъайтыхъты А.) «Нож бычьей тушкой освеживал, говорят, и у хвоста поломался. Ну, вставай, заодно еще вот этот дом навестим, – потребовал белобородый старец»; *Чидар, дам, йахицаен сир каены на зыдта, афтасей камандар дзыкка каены амыдта.* (Цагсарты М.) «Кто-то, говорят, себе кашу не мог сварить, а другого учил мамалыгу варить»; *Кайдар загъдау, куырис сыгъд, аема йыл беттен худт.* (Цагсарты М.) «Как говорится, сноп горел, а веревка над ним смеялась»; *Иу, дам, хасты (быдыры) уйд, инна та йын йа кой кодта.* «Один на войне (поле битвы) был, а другой рассказывал (о подвигах)»; *О, ма буц кастарта, цы нымсет цагъдай, уый хуынджындар каены, фазегъыны.* *Уелладжыраей кард аема топпы дзыхай на фыдалтае дар нукуы ницы рамбылдтой.* (Хъайтыхъты А.) «О, мои дорогие младшие, сукно, которое взбиваешь, становится пышней (ворсистей), говорят. Из Алагирского ущелья с помощью ножа (кинжала) и ружья наши предки никогда ничего не выигрывали»; *Цав, даехи загъдау, бирегъыл магуыры бон куы акаены, уад куыдызы бын дар атулы.* *Каерадзи аенцой куына аербалаууам, уад нын на кьедзилтыл арт бандзардысты.* (Цагсарты М.) «Бей, как ты говорил, когда волку некуда деваться, то он и под собакой валяется. Если не будем держаться друг за друга, то нам могут поджечь хвосты».

Надо сказать, что облачение паремий в форму косвенной речи не только распространенный, но и эффективный способ передачи назидательной мудрости (будь то народной или авторской) и создания национального колорита в повествовании.

Синтаксическое построение паремий также имеет свои особенности. В частности, для них характерно построение по схематической модели: *каед...*, *уаед...* «когда..., тогда...»; или *каем...*, *уым...* «где..., там...», что также прагматически оправдано: *Гъа, каед цаефай нае маельс, уаед дын уый та рэхуыст, загъгае, нын на хуымтыл цахгармае гутон аруагътой. (Цаггараты М.)* «На тебе, если от удара не умираешь, то вот тебе пинок, сказав, пустили по нашим полям плуг». К подобному структурному моделированию склонны и речевые формулы различной прагматической направленности.

В синтаксических конструкциях подобного типа высказывание выражено двумя частями, как правило, неравноправными и неравноценными в плане экспрессивного и прагматического наполнения: первая часть не представляет собой никакого интереса без своей «половины», поскольку во второй части находится суть всего высказывания. Первая часть особо не обременена какими-либо коннотативными смыслами; все прагматические нагрузки и жанровые функции возложены на вторую часть. Вместе с тем, обе части в таких конструкциях дополняют друг друга и представляют интерес только в тесной взаимосвязи.

Для создания большей экспрессии и художественного накала в тексте возможны синтаксические параллели таких конструкций, одна из которых будет пословицей, а другая «расшифровкой», построенной по той же синтаксической модели. *Каем мыл бандзарстай, уым мын аеххаст ма пиллонмае дар бакас, – суадоны был йахи аруагъта Асабе. – Каем мае ракъахтай, уым, мыййаг, уаелдай ныхастае куы каенон, уаеддар-цу мын се ныххатыр каен. (Цаггараты М.)* «Где уж ты меня поджег, там посмотри заодно, как я буду гореть, – опустился у родника Асабе, – Где ты меня вывел на разговор, там уж прости, если вдруг скажу что-то лишнее». (Ср. *Симды бацыдтае, уаед дзы симын хъаеуы.* «Вступил в симд, тогда танцуй»).

Одна и та же пословица может встречаться в различных трансформациях, где она каждый раз будет раскрывать иную грань своей выразительности и обнаруживать иные прагматические возможности. К примеру, исходный вариант пословицы *маэсыг хи дурæй хæлы* «башня от собственного камня распадается» встречается в нескольких вариантах: *Нæ маэсыг йæхи дурæй ма фехалæм* (Цæгæраты М.) «Не разрушим нашу башню своим же камнем (призыв)»; *Бадилатæ нын нæ маэсыг нæхи дурæй фехалыныл рагæй архайыны.* *Фæла нæ ныхас ныронг кæрæд-зиуыл куыд бадти, афта куы бада, уæд, ма хур акæнат, нæ буц кæстæртæ, нæ мыды къусы къæм нукуы бахæудзæн.* (Хъайтыхъты А.) «Бадилаевы давно стараются разрушить нашу башню нашим же камнем. Но если мы будем понимать друг друга, как и прежде (букв. наше слово также будет садиться друг на друга), мои дорогие младшие, то в нашу медовую чашу никогда не попадет волосок».

В первом примере при помощи изменения формы глагола и элемента отрицания *ма*, отсутствующего в исходном варианте, достигается не только смысловая трансформация, но и общее значение призыва к действию. Во втором же примере сконцентрирован целый комплекс средств достижения экспрессии в тексте: местоимение *нæ* «наш» (свободный компонент), замена компонента на другую форму (вместо *хи* «свой» *нæхи* «наш»); изменение формы глагола, в дополнение к этому комплексу сразу два устойчивых оборота со следующего предложения. Все эти приемы тесно взаимодействуют и работают как отлично налаженный механизм, создают яркие образы и ситуации, и достигают максимально высоких результатов воздействия.

Всякое нарушение границ привычности, предсказуемости в той или иной мере влечет за собой проявление экспрессивности, связанное с иным использованием языковых единиц. Любое отклонение от обычного привлекает внимание как к необычному. К примеру, пословица *æдзарæг хъæуы – рувас æлдар* «в безлюдном селе – алдаром лиса» является привычным и известным выражением, но стоит внести некоторые изменения в расстановку акцентов, и выражение преобразуется, приобретая новые стили-

стические грани. Например, выражение *Цауылна, аездараг ба-сты хатгай рувас дсер ваейы аелдар ... (Цагсарты М.)* «А почему нет, в безлюдном месте иногда (временами) и лиса бывает алдаром (начальником)» (то же, что и русское: *нанималась лиса на птичий двор беречь от коршуна*) изменяет форму, изменяет стилистическое оформление, появляются добавочные смыслы. Таким образом, поговорка, вне контекста звучащая как утверждение, где сама форма выраженной мысли указывает на ее «неоспоримость», в приведенном примере сохраняет смысл поговорки, но вместе с тем, ставит это утверждение под сомнение, а именно аксиоматичность высказывания. Это придает некоторый налет комичности, ироничности высказыванию-утверждению, а сама форма изложения становится контекстуальным экспрессивным стилистическим приемом.

Надо сказать, что устойчивые обороты, сочетания и выражения, а также паремии и речевые формулы имеют огромный потенциал стилистических возможностей в силу своей специфики, что, собственно, мы и попытались продемонстрировать в данном исследовании. Однако паремиями принято считать не только поговорки, но и поговорки.

На протяжении всей истории изучения устойчивых выражений относительно поговорок высказывалось различное мнение, и не всегда однозначное. Одни исследователи не проводили между поговорками и поговорками никакого разграничения, ни теоретического, ни практического; другие же, проводя разграничение теоретическое, никак не демонстрировали это на практике наглядно. Между тем, с позиций нашего видения, поговорка является самостоятельной формой устойчивых образований народного жанра.

Даже на основании определения довольно общего характера, поговорка, в отличие от поговорки, являющейся высказыванием назидательного характера и имеющей два плана выражения – прямой и переносный, имеет лишь единственный, как правило, прямой, план содержания. Но, что особо хочется отметить, содержит аксиоматический характер высказывания.

Однако, в силу иной целевой направленности нашего иссле-

дования, мы не стали вдаваться в детали различных подходов и учений в данном вопросе.

В отличие от пословиц, поговорки в художественном тексте очень редко встречаются в отдельно оформленном виде как самостоятельные предложения, хотя синтаксическая структура позволяет им выступать в роли таковых. Поговорки в основном «вплетаются» в основное содержание текста, к примеру, посредством частицы *дам* «мол». Если наличие этой частицы в пословице является дополнительным стилистическим приемом вживания в основной текст, то для поговорки она едва ли не характеризующий признак. Сравним, скажем, варианты: *Хæдзаргæнæгæй, дам, калм йæ хуынкъмæ лидзы.* (Токафы А.) «От человека, строящего дом, говорят, змея уползает (убегает) в свою нору» и *Хæдзаргæнæгæй калм йæ хуынкъмæ лидзы.* «От человека, строящего дом, змея уползает в свою нору».

В первом предложении с присутствием частицы выражение выступает скорее не как передача слов одного человека, а как слова, сказанные многими и ставшие истиной, народной мудростью. Напротив, без частицы выражение приобретает характер обычного, ничем не примечательного утверждения, вызывающего возможные сомнения и требующего, в некотором смысле, обоснованные пояснения. Аналогичной раскладке можно подвергнуть и выражение: *Хæдзармæ, дам, æгас мыст ма æрхæс, уыййедтамæ алцыдæр хорз.* (Токафы А.) «В дом, говорят, живую мышь не принеси, а остальное все хорошо».

Синоним этой поговорки – *хæдзармæ уæз нæй* «домой тяжести нет» не содержит частицы *дам*, но все же является поговоркой. Следовательно, наличие частицы *дам* не всегда является характеризующим признаком поговорки, не влечет она за собой и появление поговорки. Кроме того, как мы уже сказали, она характерна и для пословиц. Однако частицу *дам* можно рассматривать как добавочный компонент, способствующий закреплению выражения в речи и приобретению им устойчивого характера. Частица *дам*, будучи единицей, используемой для передачи чьих-то слов, в некоторых случаях становится неотъемлемой частью пословицы или поговорки, поэтому чаще все-

го последние используются говорящим только с этой частицей. При этом особой логико-смысловой нагрузки она не несет, но поддерживает общий эмоциональный фон поговорки. В этом случае высказывание воспринимается как усеченный вариант притчи: *Иу сауджын, дам, абазийыл аргъуыдта, инна сомыл. Ама, дам, абазийыл чи аргъуыдта, уый тынг схъаздыг. Сомыл чи аргъуыдта, уый та сьдаей амард (Цгъойты Х).* – Один священник, говорят, крестил за двадцать копеек, другой – за рубль. И, говорят, тот, кто крестил за 20 копеек, очень разбогател. Тот, кто крестил за рубль, с голоду помер».

В таких «развернутых» пословицах прослеживается действительно очевидная связь последовательного образования поговорки от притчи. О таком переходе из одного жанра в другой говорится в дореволюционном сборнике «Русских народных пословиц и притч»: Как многие притчи и басни сократились в пословицы (*Есть притча короче воробьиного носа*), так равно последние развиты в баснях и притчах и вошли в состав народных песен» [Снегирев 1848, 29].

В действительности же не всегда представляется возможным определить, первоисточником выражения является притча или схожая с ним пословица или поговорка. Однако, существование «развернутого» выражения и схожего с ним краткого предложения говорит о том, что и пословицы и поговорки являются осколками притч, с той лишь разницей, что пословицы в таких соответствиях представляют собой предельно сжатую мораль всего высказывания, а поговорка – какая-либо ярко запоминающаяся часть «развернутого» выражения.

Рассмотрим для утверждения нашей мысли несколько соответствующих примеров:

Кейдсер хъаума, дам, уалдзаеджы дзывылдар аргъама тахти, ама уыма анхъалма касгайе ама хуымгондаей базадысты. – «В чье-то село, говорят, весенняя синица запаздывала с прилетом, и в ее ожидании остались без пашни». Схожее с ним отдельное выражение *Дзывылдар уалдзаггаенаг нау.* «Синица не приближает (не создает) весну» в логико-смысловом отношении совершенно оправданно могло бы выступить как итог, моральная

часть предыдущего «развернутого» выражения. Следовательно, это пословица по типу осколочного образования.

Другой пример: *Кусартгаенджытае, заэггы, цалынмае кьуы-мых кард цыргъ кодтой, уаедмае цыргъ аэваг галы сар ахауын кодта.* «Убойщики, говорят, пока затачивали тупой нож, острый язык отсек голову быка, предназначенного для заклания». Краткая форма – *Цыргъ аэваг цыргъ кардаей – каердагдар.* «Острый язык острее острого ножа».

Уарци, дам, фарастан аэваджы зыдта, фалае йае цуахамы царгас кы аерсырдытытае кодта, уаед дзы йаехи аэваг дар байрох амае уаедей фаэстамае «былдыхъ-былдыхъ» каены. «Перепелка знала девять языков, но как однажды ее орел погонял, так она позабыла и свой язык и с тех пор «бильдыкает». Осколочное образование – *Уарци былдыхъхъаей зары.* «Песня перепелки «бильдыканьем» (звукоподражательное)».

Хъаеддаг хуы, заэггы, тулдзы гыркьоттае кы фэхордта, уаедын йае уидагтае бындзарей къахын райдыдта, амае йае дзаэгындзаг уалбаласей дзуры: «Анае уидагтаей балас бахуыскъ уидзани, амае ма иннае аз та цы бахердзынае?!» – «Иннае аз дар та исты уидзани!» – аенаметей загъта афсаест хуы амае уидагтае къахта дарддар. «Кабан (дикая свинья), говорят, когда наелась дубовыми желудями, то начала выкапывать корни у основания, и сорока с дерева к ней обращается: «Без корней дерево высохнет, и что ты будешь есть в следующем году?!» – «В следующем году опять что-нибудь будет!» – беззаботно ответил сытый кабан и продолжил выкапывать корни дальше». По всей вероятности, от этой притчи откололась фраза *Исты та уидзани* «Что-нибудь опять будет.», используемая в качестве поговорки.

В отличие от предыдущих примеров, данная поговорка не содержит ни образа, ни конкретики, и все же носит универсальный и аксиоматичный характер утверждения.

Иу хъаеубасты фосджынтае, заэггы, сусаны тавды донгуыраены са ныматтае ахсадтой, магуыртае та уидоны хынцмае са иударон ерджен палэзтае доны уаестой. «Скотоводы одного селения, говорят, в июльскую жару в роднике свои бурки (войлок)

стирали, а бедняки, по их примеру, свои повседневные накидки из рогожи отмачивали».

Как видим, родство притчи с пословицей и поговоркой достаточно четко прослеживается, что в некотором роде оправдывает их общее название *амбисандта* в осетинском языке. Кроме всего прочего, означенная частица *дам* в них достаточно привычна, но в то же время не несет никакой особой смысловой нагрузки, а лишь является прагматико-стилистическим средством. Это не исключает возможности замены ее на другие способы передачи косвенной речи, такими, как *куыд фæзæгъынц* «как говорится», *кайдар загъдау* «как говаривали», *зæгъы* «говорит», которые имеют схожие функции в тексте.

В некоторых поговорках можно наблюдать определенный принцип построения, когда поговорки вплетаются в текст по определенным схемам, моделям. Условно их можно продемонстрировать таким образом: X + Y, где X – субъект действия, а Y – само действие, поговорка: *Адæмы цы нæ бафæнда, æмæ цы нæ сараздысты! (Цæгæраты М.)* «Чего бы люди не захотели, и чего они не сделают (добьются)». При этом субъект действия может быть изменен, скажем вместо *адæм* «люди» на *дау* «тебе» или другой субъект. Однако исключать его полностью из высказывания нельзя, поскольку в этом случае разрушается вся конструкция. Следовательно, она является «переменной» частью поговорки. Скажем: *Лаппуы цы бафæнда, æмæ цы нæ сараздæн?* «Что парень захочет и чего не сделает?». В качестве «переменной» может быть любое существительное или местоимение, обозначающее одушевленный предмет, способный производить действия, который бы не нарушал логико-смысловую структуру поговорки.

Поговорка может обходиться без указания субъекта действия, когда субъект обозначен в соседних предложениях и его можно определить по контексту: *Маёныл маёрдæй уæлдай хур дæр нæ кæсы. Цы дæ фæнды, уый кæн. Дæ бахджынтæ уæлейæ, дæ фи-стæджытæ та дæлейæ. Мæн йеддæмæ мачи фæсæфæд, фæлæ йæ* «мбар: *фыд лæг æмæ фыд бон бирæ нæ хæссынц. Дæ базыртæ цыбырдæр куы дарис, уæд мæм хуыздæр кæсы... (Боц.Б., 28)* «Для меня и солнце не светит, все равно что в аду. Делай, что хочешь.

Твои конные сверху, твои пешие снизу. Пусть, кроме меня, никто не пропадет, только знай: злой (дурной, плохой) человек и злой день не долго держатся»; *Иу цалдер кьулбадеджи нам ис, амае, дардаей бакасгаейе, зады кьалиутае. Анауый та лагаен йе дыууе цасты астасуей йе фындз фелвасдысты...* (Цагсарты М.) «Есть у нас несколько шалопаев и издалека настоящие ангелы. А так человеку между его глаз нос вырвут». Здесь субъекты действия названы в предыдущем предложении, а сама поговорка находится в следующем. Кроме того, предыдущий пример относится как раз к категории переходных выражений, когда уже не совсем поговорка, но еще и не пословица. В логико-смысловом отношении подобное «дробление» поговорки позволяет продлить эффект экспрессивного воздействия. Части «дробления» могут располагаться не только в соседних предложениях, «дробление» может происходить и внутри одного предложения. Например: *На нае хьасуынц Бадилатае, хьарды дсэр амае уырдыджи дсэр, нае сасм цауасм!* (Хьайтыхъты А.) «Не нужны нам Бадилаты ни на подъеме (ни как сотрапезники), ни на спуске (ни как прислужники), не идем мы к ним». Здесь объект действия *Бадилатае* также является «переменной» лексической единицей, необходимой для полноты высказывания, и может быть заменена другим нарицательным существительным или местоимением. В переводе дополнительно приведены омонимичные формы перевода соответствующих слов. Интересно, что между собой слова-омонимы состоят в антонимических отношениях, то есть могут сохранять основное стержневое значение поговорки. И если допустить факт возможной вторичной трактовки, то можно говорить о наложении двух планов содержания, причем оба прямого смысла, в результате чего мы имеем более четкое представление о механизмах функционирования паремий.

Иногда поговорка настолько вживается в текст, что ее трудно бывает сразу «найти»; она может быть окружена и объяснениями, и причинами, и следствием. Например: *Хьоротае сае уазеджы сарыл куыннае рахаецыдаиккой, фалае адаем каерадзийсен авсар куйд сты, хорз дсэр афтасе сты, дыууе мыгаджи хсаен бацыдысты, амае сае фыдбылызай баиргьавтой.* (Беджызаты Ч.) «Как

бы Коровы не заступились за своего гостя, но люди по отношению друг к другу как злы, так и добры, и они встали между двумя фамилиями и спасли (выручили) их от (из) беды».

Поговорка, вклиненная в центр повествования, несколько не нарушает строя предложения, и помимо стилистических и эстетических функций, придает тексту сказительный характер. Сравним ранее представленный вариант с вариантом без поговорки: *Хъоротæ сæ уазæджы сæрыл куынна рахъызыдаиккой, фæлаæ адам дыууæ мыггаджы хæн бацыдысты, æмæ сæ фыдбылызæй баиргъæвтой*. «Коровы, конечно, заступились за своего гостя, но люди стали между двумя фамилиями и уберегли их от несчастья».

Как видим, здесь наблюдается заметное уменьшение экспрессивности, которую создает поговорка. Сама же поговорка может структурно видоизменяться согласно смыслу высказывания. Это значит, что в данном случае рассматриваемая поговорка имеет два варианта: *Адам кæрæдзийæн хорз куыд сты, æвзæр дæр афтæ сты* и *Адам кæрæдзийæн æвзæр куыд сты, хорз дæр афтæ сты*, в которых основными доминирующими единицами являются *хорз* – *æвзæр* «хороший – плохой» (в первом случае) и *æвзæр* – *хорз* – во втором. Кажущаяся равноправность этих конструкций ошибочна и обманчива. В таких построениях вторая часть будет подчеркнута доминирующей, т. е. качество (*хорз* или *æвзæр*), которое мы хотим подчеркнуть, на которое хотим обратить внимание, мы должны поместить во второй части, чтобы сохранить смысловую и экспрессивную функции [см. Моргоева 2009].

Надо сказать, не все поговорки одноплановы. Различают еще «ряд пословично-поговорочных выражений, сочетающих в себе особенности пословиц и поговорок». [ЛЭС 1990, 379]. Суть такого деления заключается в том, что часть слов в составе таких выражений употребляется в прямом значении, а часть семантически переосмысливается, то есть подвергается метафоризации. Как правило, это могут быть действительные или потенциальные фразеологизмы. Однако, несмотря на присутствие в них метафоры, они все же остаются поговорками по своей природе употребления. Их также сопровождает текст как неотъемлемая часть создания экспрессивности: *Чидæр хæрæг уасынаен куыд*

дардта, афта йа фермайы кедма дарынма хъавут? (Цаггарты М.) «Как кто-то ишака для икания держал, так до каких пор собираетесь его (ее) держать на ферме?». В данном случае субъект действия обозначен неопределенным местоимением *чидар* «кто-то», который, как уже было сказано, указывает на существование факта как такового. К нему добавляется метафорический образ, и поговорка становится выразительным, экспрессивным средством. В качестве усилительного приема для достижения более сильного воздействия наблюдается использование поговорочно-пословичных синонимов в одном предложении (контексте). Скажем: *Алдары кой хъады бын, ави, дам, авзар йа коймае цауы, фаззагъыны?! (Хъайтыхъты А.)* «Упоминание об алдаре в лесу, или, мол, плохой появляется при его упоминании, говорят?!». При этом можно встретить уже известную нам частицу *дам* и смысловой эквивалент *фаззагъыны* (глагол в настоящем времени), указывающие на повторяемость этой поговорки, а следовательно, на неоспоримость. В самих поговорочных единицах содержится оценка происходящего, а синоним ее еще усиливает, в некоторой степени раскрывая и уточняя смысл, заложенный в первой поговорке. Таким образом, если первая поговорка нам не совсем знакома и понятна, то вторая дает оценку (*авзар* «плохой») и первой, и второй части, ориентируя нас в смысловой направленности текста.

Возможности паремий иногда непредсказуемы. Так, привлекают внимание случаи так называемого, «осколочного» употребления поговорки, свойственное, в основном, в живой речи разговорного стиля, когда сама форма общения предполагает компактное изложение информации и усеченные формы. К примеру: – *Куд да? // – Ницы мын у. Дзидза харын. (Токаты А.)* «- Как ты? // – Ничего. Мясо ем».

Ответная реплика в этом случае может восприниматься в обоих смыслах – буквальном и переносном. И все же, учитывая ситуацию происхождения данных реплик (имеются в виду фоновые знания, речевая ситуация и прочее), буквальное восприятие становится невозможным, ввиду абсурдности ситуации, если только диалог не за столом, но и в этом случае уместнее было бы еще

включить одно слово, и тогда реплика выглядела бы так: *ницы мын у, маена дзидза херын*. Однако это всего лишь допустимые варианты, и к тексту цитируемого источника не имеют отношения. Потому остается переносное, метафорическое значение, что является наиболее предпочтительным вариантом, при котором сразу в сознании восстанавливается вся поговорка целиком – *Дæ дзыхыл хæц æмæ дзидза хæрай*. «Держи язык за зубами, чтобы мясо есть». Здесь классический случай из разряда пословично-поговорочных единиц, когда часть слов находится в прямом значении, а другая часть в переносном. Причем в речи использована вторая метафоричная часть, так как если бы была использована первая часть, то выражение выглядело бы очень унылым, обыденным: – *Куыд дæ?// – Ничы мын у, ма дзыхыл хæцын*. Метафорическая составляющая восполняет в сознании полностью поговорку, и она начинает незримо присутствовать. Происходит условное приравнивание частей поговорки: говоря *дзидза херын* «ем мясо», подразумевается *ма дзыхыл хæцын* «держу язык за зубами», то есть первое выступает как следствие второго.

Анализируя вышеприведенный пример, захватим более расширенный текст, из которого становится понятно, что рассматриваемая усеченная форма поговорки является ответным продолжением другой поговорки *Кæй уæрдонь бадай, уый зарæг кæн* «В чьей повозке сидишь, песню того и пой», соотносимая с русским ФЕ «держат язык за зубами» в значении «молчать» или «говорить то, что от тебя ждут»: – *Кæд ма нал уадзыс, уæд дæ иу хъуыддагæй бафæрсдзынаен. Загъ ма, Тасой, кæй уæрдонь фæбадыс, æдзухдæр уый зарæг фæкæныс? // – Æдзухдæр. // – Гъы, æмæ цы?// – *Ничы мын у. Дзидза херын. // – Гъе, уæдæ ды дзидза хæр. (Токаты А.)* «Если ты от меня не отстаешь, то про одно дело я тебя спрошу. Скажи-ка, Тасой, всегда ты поешь песню того, в чьей арбе сидишь? // – Всегда. // – Ну и что? // – Ничего. Мясо ем. // – Ну, тогда ты ешь мясо».*

Таким образом, ничем не приметный на первый взгляд ответ «Мясо ем» является ни чем иным, как усеченной формой поговорки *Дæ дзыхыл хæц æмæ дзидза хæрай!* «держи язык за зубами, чтоб мясо есть!».

Изложенное не следует воспринимать как отрицание общепринятого утверждения об экспрессивности пословиц и поговорок. Напротив, это необычайно богатый пласт языка, на основе которого строятся высокообразные ситуации, создаются все новые и новые эмоциональные ощущения. Для нас важен механизм появления новых эмоциональных ощущений. Экспрессивность требует новых «изобретений» (и интерпретаций), чтобы быть эффективной, выполнять свои функции, достигать экспрессивных целей.

Итак, резюмируя вышерассмотренные случаи, отметим следующее. Паремии как языковой материал обладают выразительно-изобразительной энергией, эмоционально-оценочным компонентом, что само по себе выступает как экспрессивное средство и имеет четкую прагматическую направленность. Для вживания и адаптации паремий в тексте привлекаются различные способы оформления текста с их участием, как синтаксические, так и стилистические. Любое умелое употребление паремий и других форм устойчивых выражений вносит в текст новые оттенки и смысловые нюансы, раскрывает новые возможности этой уникальной формы народного творчества.

3.4. Функциональная прагматика вербальных текстов ритуального характера

Богатейший фонд устойчивых выражений и фольклорных речений сохранил огромное количество рече-языковых знаков, происхождение и существование которых находится в тесной взаимосвязи с бытом и повседневным укладом осетина, что, в свою очередь, выстраивается с учетом морально-нравственных норм, формируемых с опорой на миропонимание и мировоззрение народа. В этой связи значительная часть устойчивых выражений требует определенных фоновых знаний для их правильного понимания и полного проникновения в суть смыслового содержания.

Интересно в этой связи выявление прагматических особенностей речевых формул, используемых в качестве вербальных обетов, и определение их языкового статуса.

С опорой на материалы текстов словарных статей, паремиологических сборников и отдельных исследований, посвященных данной проблематике, рассмотрены практически все устойчивые единицы осетинского и русского языков с интересующей нас прагматической направленностью в условиях их практического применения.

При сравнении и сопоставлении жанровых текстов русского и осетинского языков определены основные функционально-семантические и прагматические особенности употребления данных формул, подтверждающие их особый статус в составе устойчивых выражений.

Роль фоновых знаний чрезвычайно велика в трактовке и понимании устойчивого выражения, однако, не для всех типов ФФ (фразеологических формул) они необходимы для восприятия и воздействия. Вместе с тем, отсутствие этих знаний может привести к искажению или изменению первоначального установочного эмоционального содержания и экспрессивного посыла. Знания отправителя, мотивирующие использование и передачу именно этого выражения или формулы, и отсутствие этих или подобных знаний у воспринимающей стороны может привести к искаженному восприятию или отсутствию восприятия как такового вообще, а значит может привести к контекстной асемантизации.

Допустим и другой вариант, при котором, несмотря на отсутствие фоновых знаний, не происходит, какой бы то ни было, асемантизации и выражение воспринимается исключительно как эмоционально-оценочное. Однако такое возможно только в том случае, когда выражение, помимо объективно-мотивированного компонента, имеет еще и наслаение экспрессивных категорий. В таком случае формула используется как междометное выражение и передает исключительно эмоциональное состояние коммуниканта, а внутренняя семантика выражения остается нераскрытой.

В большинстве же случаев мы сталкиваемся с оптимальным вариантом, при котором присутствуют некоторые фоновые знания и определенная степень экспрессивности, что позволяет избежать искажений значения выражения или асемантизации и в то

же время реализовать первоначально установленные прагматические задачи.

Так, в системе устойчивых выражений особое место занимает класс формул, выполняющих оградительную функцию. Основной целью произнесения таких формул является ограждение говорящего (т.е. самого себя или себя вместе с близкими) от напастей, бед и невзгод, и вообще того негатива, который может исходить от информанта или самой информации на ментальном и подсознательном уровне.

Прагматика рассматриваемых формул резко отличается от остальных типов устойчивых выражений. Главной отличительной их чертой является целеустановочная мотивация, продиктованная подсознательной потребностью обеспечить защиту от внешнего ментального воздействия.

В известной степени формулы-обереги можно отнести и к перформативам и к иллокутивам, поскольку могут расцениваться как «выражения, которые не столько описывают действие, сколько являются самим действием. Это по определению привязывает их с прагматической точки зрения к ситуации общения: совершение поступка невозможно вне данной ситуации» [Балакай 2001, 672].

К сожалению, в самостоятельную группу данные выражения не вычлняются ни в лингвистике, ни в фольклоре и не подвергаются специальной лингвостилистической обработке. Включаются они, наряду с другими устойчивыми единицами языка, в разрозненном виде в некоторые словари-справочники по фразеологии и сборники пословиц и поговорок. Функционально-стилистические описания выражений указанного типа крайне скудны и не отражают того интереса, который они могут представлять как для исследователя, так и для простого носителя языка.

Между тем, данные формулы, несмотря на немногочисленный состав, чрезвычайно востребованы в повседневной разговорной речи и художественных текстах.

В наиболее активном употреблении находятся выражения *Хуьцау, де уззэг, да фæдзæхст!* «Господи, спаси и сохрани!», «Упаси и помилуй!»; *Ныххатыр кæн, Хуьцау!* «Господи, помилуй!»; *Хуьцау бахизæд!*, *Хуьцау ма зæгъæд!* – «Боже, упаси!».

«Не приведи Господь!», «Упаси Бог!», «Избави Бог!», «Оборони Бог!», «Пронеси, Господи!»; и другие формулы с апелляцией к Богу, заимствованные большей частью из религиозных текстов. По ряду причин изначальная семантика приведенных формул отошла на второй план, что привело к частичной утрате исходной функциональной нагрузки и перехода их в разряд междометных выражений, преимущественно контекстуального характера.

В словарных статьях данные формулы объясняются как выражения со значением предостережения о нежелательности, недопустимости чего-либо [Баранов 2008] преимущественно междометного характера, или как выражения-обереги с тем же значением [Яранцев 1985]. В свою очередь мы склоняемся к тому, что эти и другие выражения следует рассматривать с позиции их исходной функциональной семантики как самостоятельную группу устойчивых выражений с особой функциональной нагрузкой, при которой междометный характер все же остается исключительно контекстуальным.

Сомнения вызывают, на наш взгляд, и стилистические пометы, сопровождающие приведенные выражения во фразеологических словарях, которые характеризуют эти формулы как устаревшие формы просторечного или областного употребления преимущественно в речи старых женщин. Ошибочность такого понимания заключается главным образом в том, что в действительности рассматриваемая группа речевых формул активно используется в повседневной речевой практике вне зависимости от возраста и социально статуса и имеет собственную функциональную нагрузку. Примечательно, что в осетинском языке данная группа речевых формул в меньшей степени подверглась асемантизации в пользу междометного употребления: практически во всех формулах рассматриваемой группы доминирует изначальная функциональная семантика ограждения.

С точки зрения стилистических приемов, рассматриваемый тип формул не столь богат и разнообразен, однако исключительность подобных выражений состоит именно в наличии и сохранении особых прагматических целей, отражающих этнокультурные воззрения народа.

Помимо ранее приведенных формул, которые включены во многие фразеологические словари, где они представлены как междометные выражения, существуют и менее распространенные формулы с глубокими этнокультурными смыслами. Эти формулы-обереги, как правило, имеют свою, строго закрепленную, сферу употребления и конкретную речевую ситуацию.

Строгая мотивированность и идиоматичность рассматриваемых выражений не допускает особых изменений и трансформаций внутри самой формулы. Это продиктовано функциональным назначением самой формулы, которая призвана в первую очередь ограждать.

Объектами ограждения, как правило, выступают сам говорящий, собеседник, оба коммуниканта (говорящий и собеседник), коммуниканты вместе с группой третьих лиц. Под третьими лицами обычно подразумеваются или напрямую называются дети и ближайшие родственники, приближенные или просто присутствующие при диалоге.

Культурные представления народа формируют поверья, обычаи, нравы, и именно они оказываются определяющим фактором формирования круга возможных опасностей, в числе которых недобрые пожелания или проклятия, несчастные случаи, умышленный или нечаянный негатив или злословие, дурной глаз, гнев богов, потусторонних сил, нечисти или покойников. Исходя из этого, для каждого соответствующего случая существуют свои формулы, направленные на конкретный вид ограждения.

К примеру, при допущении непристойных речей или грубых слов, даже случайных, за осетинским застольем весьма употребительны выражения «*Фынгыл баркад!*» Да будет за столом изобилие! «*Фынгæй хатыр!*» Да простит мне стол (угощение)! (букв. «Прости, стол»), «*Табу фынджы фарнаен!*» Молюсь за благословенное обилие застолья! Оговорим, что слова «фарн», «бæркад», «фынг» и производные от них лексемы в осетинском языке не поддаются простому лексическому толкованию, поскольку больше являются этнографическими понятиями [Дзадзиев, Дзуцев, Караев 1994]. По этой причине хоть сколько-нибудь адекватный

перевод, передающий всю глубину содержащихся смыслов, практически невозможен.

Формулы-обереги как ритуально-вербальные выражения известны многим этническим культурам, причем с характерными функционально-семантическими пересечениями. В частности, в русском языке мы находим выражения *Не за хлебом-солью будет сказано!*, *Не слушай хлеб-соль!* [Яранцев 1985], схожие по значению и функциональной нагрузке с вышеприведенной семантической группой оберегов.

Взаимодействие этнических культур друг с другом являет собой процесс межкультурной коммуникации, который «проявляется в этнокультурной среде как двухсторонний адаптационный механизм, привносящий ряд изменений в развитие культур» [Шаваева 2004, 156]. В связи с этим вполне объяснимо появление новых контаминационных образований, также занимающих свое место в ряду остальных формул данной группы. Скажем, в активной речевой практике наблюдаются выражения *Не за столом будет сказано!* как производная, по нашему мнению, от *Не за хлебом-солью будет сказано!* и осетинское *Фынгыл бærкад!* Осмелимся предположить, что в условиях двуязычия произошло слияние схожих ценностных категорий двух культур, русской и осетинской, *фынг* и *хлеб-соль*, с наложением на русскоязычную синтаксическую конструкцию.

Схожими по функциональной семантике и структурному оформлению оказываются формулы *Не слушай, хороминка!*, *Не слушай, избушка-хороминка!*, *Не слушай, тепла избушка!* и осетинское *Фарн ацы хæдзары!* «*Да будет в этом доме благодать!*», *Фæрнæйдзаг уæд (ацы) хæдзар!* «*Пусть преисполнен будет (этот) дом благодати!*», употребляемые при упоминании кем-либо из присутствующих о нечистой силе или при произнесении непристойных слов. Более точно и ярко передается весь национальный колорит выражений всегда в контексте. Например: «Ланко и подкатился. «Тятя, ты видал голубую змейку?» Отец, хотя сильно выпивши был, даже отшатнулся, протрезвел и заклятие сделал: «Чур, чур, чур! Не слушай, наша избушка-хороминка! Не тут слово сказано!» (П. Бажов. Голубая змейка) [Балакай 2001].

На то, что культурные соответствия и пересечения носят не случайный, а закономерный характер, указывают и другие формулы-обереги, направленные на ограждение от иных «опасностей». Так, при упоминании покойников в разговоре осетин непременно произнесет выражение *Маэрдты рухсаг уæд!* «Светлая (ему) память!», *Маэрдты сызгъæрин талатæ суадзæд!* «Пусть взойдут от него золотые побеги!», *Кæм ис, уым рухсаг уæд!* «Светлая ему память (да будет он светел) там, где он есть!», *Дзæнæтты бадаæд!* «Да пребудет он в раю!», что функционально семантически соответствует русским формулам *Мир ему!*, *Мир праху, костям покой!*, *Мир да покой и легкое лежание!*, *Царство Небесное, вечный покой, вечная память!*, *Земля (ему) пухом!*, *Упокой, Господи, душеньку, прими, земля, косточки!* и другим формам.

Примечательно, что при недобром, но правдивом слове о покойном используется иная формула: *Маэрдты ма ма схъæрзæд!* «Да не застонет от меня (моих слов) на том свете!», *Рухсаг уæд, мацы бар маæм бадарæд!* «Светлая память, да не возымеет он ничего ко мне!», *Ам фарны кæйттæ чындæ уæд!* «Произносятся будут тут благостные речи!», а в русской речевой культуре выражения *Не тем будь помянут!*, *Упокой его душу грешную!*. Различия между вариантами формул при добром и недобром упоминании покойников весьма очевидны. Тем не менее, позволим себе уточнить, что при добром упоминании формулы отчасти имеют оттенок доброго пожелания в адрес умершего, а при недобром – ограждение себя и обозначение своей непричастности к упоминаемым фактам. Исключительными в плане адресации оказываются выражения *Йе ’рцыдма дзæбаæхæй фæцæр!* «Прожить тебе благополучно до его (покойника) пришествия!», *Цардаудæн дыл (ныл, йыл) кæнæд!* или *Хæрзаудæн дыл кæнæд!* «Пусть покровительствует он (она) тебе при жизни!», которые по сути совмещают функцию оберега и благословения, и направлены на говорящего. И все же во всех случаях они представляют собой акты вербальной ритуальности.

Выражение *Сæ сызгъæрин хъустæй нæм хъусæнт!* «Пусть своими золотыми ушами слушают нас!» произносятся, как правило, при упоминании о потусторонних силах или нечисти и пре-

имущественно в темное время суток, то есть после захода солнца. В русском языке существует схожее по значению выражение *Не к ночи будь помянута!* и, как вариант, *Будь не к ночи помянута!*, или *Чур меня!*, *Чур наш аминь!*, *Чур на округу!*, *Чур-чур!*. Эти формулы характеризуются как оборонительно-заклинательные оговорки при произнесении кем-либо дурного слова, упоминании нечистой силы [Балакай, 2001].

На фоне уже рассмотренных нами оградительных формул весьма обобщенно-философскими предстают выражения, использование которых характерно при разговорах о бедственных, несчастных случаях, чьей-либо несчастливой судьбе или мытарствах: *Фарн растаей хъусджыты!* «Благословен будет непричастный!», *Алкамаен дар йае фыдбылыз йахи уаент!* «Пусть у каждого своя участь будет!»; *Каждому свое!*, *В добрый час молвить, в худой промолчать!* В такого рода речевых ситуациях допускается даже употребление некоторых поговорочных выражений или проклятий. И здесь уже возникает возможность говорить о контекстной семантике и функциональной трансформации устойчивых выражений.

Стилистика рассматриваемых формул существенно отличается от остальных типов устойчивых выражений, поскольку, в отличие от последних, они, как правило, не направлены на создание образа, не нацелены на передачу какой-либо информации собеседнику и, тем более, на воздействие на него. Этим и объясняется ослабленная экспрессивная и когнитивная функции.

Необходимость вербального ограждения себя от потенциальной опасности возникает спонтанно на подсознательном уровне при восприятии соответствующей информации, поэтому синтаксически эти формулы оформляются как парантетические конструкции в речи самого говорящего или как ответные реплики в речи воспринимающей стороны.

Исходя из ментальности конкретного народа, его этнокультурных особенностей, формулы одинаковой направленности в разных языках могут иметь различную эмоциональную тональность. Сравним, к примеру, уменьшительно-ласкательную форму *избушка-хороминка*, задающей располагающий нежный тон

всему выражению *Не слушай, избушка-хороминка!*, и выражение аналогичной направленности в осетинском *Фарн ацы хæдзары!* Таким образом, можно сделать вывод, что в осетинской речевой культуре оградительные формулы характеризуются в основном как ритуальные речевые акты, семантически пронизанные почитанием и благоговением к упоминаемым в них внешним силам, и лишены какой бы то ни было агрессивной направленности.

Сравнительные наблюдения показывают, что в русской речевой культуре, напротив, зачастую в формулах-оберегах заметна некоторая отчужденность, слегка ироничный настрой по отношению к апеллируемым силам или объектам.

Каждый случай использования рассматриваемых формул имеет разную прагматическую направленность, но всегда является результатом предельной степени внимания коммуникантов друг к другу и соучастия в передаваемых событиях.

На основании проведенного анализа можно утверждать, что важность и значимость формул рассматриваемой группы безусловны и в большой степени отражают культурные представления и духовное мировоззрение каждого народа, в частности осетин. Кроме того, активное употребление этих формул в современной повседневной речевой практике дает нам основание относить их к самостоятельным языковым единицам и закрепить за ними статус устойчивых выражений, обладающих рядом категориальных признаков, характеризующих фразеологизированные выражения: устойчивость, идеоматичность, цельнооформленность, нечленимость, мотивированность, воспроизводимость, образность (вторичная) и др.

Несмотря на ограниченное количество формул-оберегов по сравнению с общим массивом устойчивых выражений и речевых формул в осетинском языке, они занимают весьма важное место в коммуникативной практике. Наряду с теми особенностями, которыми обладают практически все речевые формулы в осетинском языке, формулы-обереги наделены рядом исключительных особенностей, позволяющих нам вычленять их в отдельную группу с присущими только им различного рода особенностями.

3.5. Роль паремий и речевых формул в организации традиционных текстов ритуальной направленности

Жанр ритуальных текстов, широко распространенных в осетинской традиционной культуре, также включает в себя различные виды устойчивых выражений и речевых формул и потому представляет немалый интерес, как для фольклористов, так и для лингвистов. Именно по этой причине отдельные ритуальные тексты активно привлекаются в качестве ярких примеров в ходе исследований.

В нашем исследовании выявляются принципиальные особенности построения традиционных текстов, и для этого привлечены неканонические ритуальные тексты осетин. Методом структурного анализа выявляется модульный принцип их построения, допускающий свободную трансформацию отдельных частей текста в другие формы речевых жанров.

В определенном смысле ритуальные тексты представляют собой синтез различных форм устойчивых выражений, логически выстроенных по определенной схематической композиции, культурным фоном для которых является духовно-ценностная система этноса.

С позиций лингвистической прагматики и этносемантики, особо привлекают внимание ритуальные тексты осетинского языка, составленные, в отличие от многих других культур, полностью на живом распознаваемом языке. Отсутствие устаревших форм объясняется непрекращающимся и продолжающимся активным употреблением в силу понимания ритуального значения, а значит, и практического применения. Несмотря на жесткую композиционную организацию, они при необходимости поддаются семантико-стилистической модификации.

Вместе с тем, консервативность традиций, конечно же, повлияла на формирование и сохранение наиболее «удачных» и ярких ритуальных произведений, что позволяет нам сейчас относить их к золотой коллекции осетинского фольклорного фонда. В отдельный жанр их выделять нам дает возможность именно факт образования (возникновение и формирование) отдельных вариантов

композиционного устройства текста, с характерными для фольклорного жанра признаками.

С другой стороны, молитвенные тексты осетинского языка при полном функциональном соответствии своему жанру имеют отличительные особенности как в структурном, так и в семантическом планах.

Итак, по сути своей любая молитва является ни чем иным, как обращением человека к Богу, богам, духам, святым, ангелам, персонифицированным природным силам, вообще Высшему Существо и его посредникам. Являясь проявлением религиозного культа и индивидуальной религиозности, молитва как таковая характерна для всех религий.

Как правило, молитва имеет словесное выражение и основной целью ее является достижение открытости Богу и готовность воспринять его ответное воздействие.

С точки зрения прагматики, молитва как способ контакта с Богом, с Всевышним Существом, от которого, в конечном счете, зависит духовная судьба человека, предполагает различные способы установления этого контакта. В основном это произнесение специальных молитвенных текстов, но особая значимость придается и формам произнесения этих текстов – речитативы, песнопения, плач, иногда танец и даже молитвенное молчание [Кырлежева 2001].

Абстрагируясь от теистических воззрений и положений, следует отметить, что тексты, обращенные к высшим силам, с точки зрения коммуникативной направленности, монологические, и «ответная реакция» лишь подразумевается, непременно желаемая, хоть и безапелляционная априори. Именно потому в означенных текстах предусматривается четкое, ясное и понятное изложение мысли и формулировка желаемого.

Молитвенные тексты представляют собой косвенные речевые акты. В них создается потенциальная ситуация, в которой подразумеваемому адресату речи отводится воздействующая функция, причем с известной долей свободной интерпретации в рамках означенной направленности.

Уникальность данного жанра заключается в том, что в создава-

емой речевой ситуации воздействующая функция отводится адресату речи, т.е. Всевышнему, божествам и иным представителям Высших Сил, тогда как сам говорящий вместе с другими пассивными участниками речевой ситуации выступают в качестве объектов воздействия, причем воздействия со стороны адресата речи.

С точки зрения когнитивной лингвистики, ритуальные тексты представляют собой достаточно сложный и многоступенчатый механизм. Практически все участники речевой ситуации в процессе воспроизведения (оглашения) ритуального текста выполняют, как правило, не одну функциональную задачу.

Итак, основная нагрузка лежит на говорящем, человеке, произносящем молитвенный или иной ритуальный текст. Ответственность крайне серьезная, поскольку от его умения четко, точно и образно построить текст зависит ожидаемое воздействие Высших Сил, результат этого воздействия. Именно поэтому произнесение молитвы доверяется человеку, обладающему исключительным мастерством словесной образности, знаниями традиций, обрядов и ритуалов.

В осетинской традиционной культуре основной и, пожалуй, центральной является коллективная молитва, будь то по поводу общенародного праздника или по поводу семейного торжества. В обоих случаях это *Куывд* – праздник-молитва. Специфика осетинских ритуальных текстов такова, что она не только создает речевую ситуацию, но и требует некоторое количество пассивных участников, в качестве которых выступают все присутствующие при ритуальном произнесении текста (*æвдисæнтæ* – свидетели).

Потенциальные участники речевой ситуации в рассматриваемом механизме активизации также наделены некоторыми функциями. С одной стороны, они являются вторичным текстообразующим звеном, поскольку воспринимая первичный текст, услышанный от говорящего (условно жреца), в результате известных и в достаточной степени сложных психологических процессов восприятия информации и ее обработки, внутренне ее воспроизводя, дублируют текст и подтверждают ритуальным возгласом «О, ме ‘хцау!» (как варианты «О, маэ Хуыцау!», «Аммен, Хуыцау!», «Оммен!», «Аммен!»). Примечательно, что этот возглас одновре-

менно с закреплением/подтверждением сказанного еще и дробит весь произносимый текст на некоторое количество тематически значимых частей. И чем выразительнее созданный молящимся (*Кувæг лæг*) текст, и, как следствие, сильнее экспрессивное воздействие на присутствующих, тем громче и торжественнее ответный возглас.

Рассмотрим специфику ритуальных текстов осетинского языка на примере одного молитвенного текста, не привязанного к конкретному торжеству и потому классифицируемого нами как повседневная молитва.

Æртæ чъирийы кувæгæйæ	Молитва над тремя пирогами
<ul style="list-style-type: none"> – Хуыцау, табу Дæхицæн! – Оммен, Хуыцау! – Абон дæ бон у, бирæ адæм дæм кувынц, хорздзинадтæ дæ курынц, æмæ хуыздæрæн кæй кувинагтæ айстай, <u>уйй æмбал мах дар фæкæн!</u> – Оммен, Хуыцау! – Æнæниз, æнæмаст, хъæлдзæг, амонджын куыд <u>уæм!</u> – Оммен, Хуыцау! – Хуыцау, хорздзинадтæй кæй зарды цы ис, уыдон сæ къухы куыд æфтой, <u>уыцы хорзæх ракæн!</u> – Оммен, Хуыцау! – Фæсивæд рæствæндаг куыд уой кæддæриддæр, бæстæ сабыр куыд уа, адæм кæрæдзийы куыд æмбарой, <u>Дунесфæлдисæг, уыцы хорзæх ракæн!</u> – Оммен, Хуыцау! – Хуыцау, нæ чысыл фæллойæ нæ къухы бирæ ис цы уа, <u>уыцы амонд нæ уæд!</u> – Оммен, Хуыцау! – Фыдбылызтæй хызт цы уæм, нæ кæстæртæн сабыр, рæсугъд фидæн цы уа, <u>уыцы арфæ сæ уæд!</u> – Оммен, Хуыцау! – Стыр Хуыцау, <u>нæ кувинагтæ Дын барст уæнт æмæ нæ Дæ хорзæх уæд!</u> – Оммен, Хуыцау! 	<ul style="list-style-type: none"> – Господи, хвала Тебе! – Аминь! – Сегодня твой день, много людей молятся тебе, блага просят у тебя, <u>присоедини</u> ты и наши подношения <u>к тем</u>, чьи посчитал наилучшими! – Аминь! – Чтобы <u>быть нам</u> без болезней, без тревог счастливыми! – Аминь! – Господи, <u>ниспошли благодать</u>, чтоб каждый получал все то хорошее, о котором помышляет! – Аминь! – Молодежь всегда на праведном пути чтоб была, мир спокоен чтоб был, люди друг друга чтоб понимали, Создатель мира сего, <u>ниспошли ту благодать!</u> – Аминь! – Господи, <u>дано будет нам такое счастье</u>, чтоб наш скромный труд воздавался нам большим изобилием! – Аминь! – Да будем мы ограждены от несчастий и невзгод, наших младших ожидает пусть спокойное и красивое будущее! <u>Даруй им это благо!</u> – Аминь! – Всевышний, <u>да будут наши подношения тебе угодны</u>, и снизойдет на нас твоя <u>благодать!</u> – Аминь!

В традиционных молитвенных текстах содержится обращение к Всевышнему, божествам и покровителям с различными прошениями соответственно тому, покровителями чего они являются. В связи с этим, от говорящего требуется не только мастерство ораторского искусства, но и хорошее знание фольклора, мифологии, традиционных верований, чтобы «правильно» обратиться, «правильно» попросить.

Каждая отдельная просьба закрепляется возгласом «*Оммен, Хуыцау!*» и одновременно композиционно отделяется от следующей просьбы или ее части.

С позиций когнитивной лингвистики, осетинские ритуальные тексты могут представлять собой не что иное, как косвенные речевые акты.

Особое значение имеет тон голоса, тембр, интенсивность звучания, манера, ритмика и другие признаки не прямой коммуникации, явно указывающие на иллокутивность отдельных высказываний текста. Языковое его построение также имеет характерные признаки речевого акта, главным образом с оттенком, хоть и скрытого, но указания, выражаемого отдельными характерными формулировками с грамматической формой глаголов в повелительном наклонении: *уæд, раттæд, скæнæд, балæвар кæнæд, куыд уа, афтæ* и т.д.

Повелительный и указующий характер, свойственный иллокутивным актам, смягчается самим жанром, присутствием образных выражений, эпитетов и наличием других речевых приемов.

К примеру, директивный характер глаголов речевого акта становится практически незаметным в составе структурных компонентов формулировок типа «...*ахам амонд нын Хуыцау балæвар кæнæд!*» – «..да подарит нам Всевышний такое счастье!», «*Хуыцау саккаг кæнæд!*» – «да посчитает нас Всевышний достойными!» (или «...да соизволит Всевышний вознаградить!») и т.д.

Наша позиция обретает более четкие очертания, если принять во внимание мнение одного из основоположников теории речевых актов – Дж. Р. Серля, который высказывался, что «утверждение – иллокутивный акт, а суждение вообще не акт, хотя акт

выражения суждения есть часть совершения определенных иллокутивных актов» [Серль 2002, 215].

На наш взгляд, это чрезвычайно важное уточнение, которое подтверждает наше предположение о том, что в ритуальных текстах не содержатся и не могут содержаться рассуждения, а только явные или скрытые утверждения. Именно потому склонны характеризовать все речевые формулы, в том числе и молитвенные формулы, как речевые акты, а именно – как иллокутивные акты.

Анализ данных текстов как иллокутивных актов усложняется особым способом и формой адресации. Вместо привычного языкового общения, при котором говорящий пытается сообщить своему слушателю посредством подведения его к опознанию своего намерения сообщить именно то, что имелось им в виду, в рассматриваемых текстах адресатом иллокутивного акта являются высшие силы, а адресатами эмоционально-психологического воздействия – присутствующие, так называемые косвенные адресаты.

В теории речевых актов иллокутивный акт считается минимальной единицей общения, а именно конкретное предложение, произведенное в определенных условиях.

Суть иллокутивного акта такова, что он выражает намерение говорящего получить определенный результат, заставив слушающего опознать свое намерение и получить этот результат. В аспекте нашего исследования в роли слушающего (прямого адресата речи) выступают божества и высшие силы, обращение к которым содержится в самих текстах, и результат от речевого акта ожидается именно от них. Но есть и непрямая адресация к присутствующим, без которых ни один ритуальный текст не обходится. Как уже говорилось ранее, они приобщаются к молитве и становятся соучастниками ритуального действия.

По понятным причинам распознавание и ожидаемый результат от прямого обращения к божествам в известной степени условны и не могут быть ощутимы и наблюдаемы. Напротив, результат воздействия на потенциальных адресатов речи очевиден и проявляется в виде ранее упомянутой ответной реплики «*Оммен, Хуьцау!*», являющейся необходимым компонентом самого ритуального текста.

Это невероятно сложная эмоционально-психологическая и вербальная организация молитвенного действия, в котором все упомянутые стороны являются участниками потенциальной ситуации, а сам текст необходимо рассматривать как вербальное моделирование желаемой ситуации или социально-значимого положения дел.

Вместе с тем, участники потенциальной ситуации (они же объекты речевого воздействия, говорящий) не могут контролировать происходящие с ними последствия. И здесь уместно сказать о присутствии семантического признака контролируемости / неконтролируемости в речевых актах данного типа. «Субъект речи / волеизъявления принципиально не является субъектом контроля, хотя, возможно, у говорящего создается иллюзия о способности воздействовать на ситуацию посредством речевого действия, которое можно назвать «мнимым» инструментом» [Леонова 2005, 113]. Кстати, подобная иллюзия создается и у участника потенциальной ситуации (слушающего), который, в свою очередь, признает этот «мнимый» инструмент.

Не имея явных возможностей привести потенциальную ситуацию в исполнение (осуществление), говорящий, тем не менее, создает и для себя «мнимую» способность воздействовать или контролировать потенциальную ситуацию.

При условии, что коммуниканты обоюдно признают эту «мнимую» ситуацию и воспринимают ее как реально предстоящую, срабатывают сложные механизмы мышления, предполагающие последовательно выстроенные когнитивно-психологические процессы, которые сопровождаются внутренним дублированием воспринятого текста с завершающим громким возгласом.

При анализе речевого материала ритуальной направленности обнаруживается наличие явных признаков не прямой коммуникации как коммуникативной категории. В связи с этим принципиально важным может оказаться «представление об осложненной интерпретативной деятельности адресата речи, необходимой при коммуникативном использовании неконвенциональных единиц, поскольку итоговый смысл высказывания выводится именно адресатом» [Дементьев 2006, 13]. Так, основным проявлением не прямой коммуникации являются косвенные речевые акты, ко-

торые просматриваются, практически, в каждой модульной части ритуального текста. Кроме того, в известной степени символизм, присутствующий в формулировках отдельных звеньев текста, также может характеризоваться как проявление признаков непрямой коммуникации.

Проведенное исследование ритуальных текстов на примере одной традиционной молитвы дает возможность выделить принципиальные отличия от других жанровых форм.

В первую очередь, это фиксированная композиционная оформленность, выраженная в строгой последовательности упоминаемых адресатов, в обязательных коллективных возгласах, завершающих адресацию каждой отдельной просьбы и дробящих весь текст на отдельные структурно-семантические части – модули. Внутри каждого модуля, как правило, присутствует прямой или косвенный иллокутивный акт, нередко выражаемый через создание образов, легко распознаваемых благодаря этнокультурным фоновым знаниям. Такой принцип модульной организации традиционных текстов позволяет каждой модульной части при необходимости выступать как самостоятельное текстовое произведение в жанровой форме благопожелания, функционального приветствия или прощания.

Исследования различных текстов дали возможность провести условную классификацию общего характера.

С опорой на изложенное выше, означенные тексты можно поделить на несколько групп:

1. Тексты осознанные, семантически распознаваемые, логически выстроенные, составленные на известном, чаще родном, языке и не нуждающиеся в какой-либо адаптации. К ним могут относиться любые формы ритуальных текстов.

2. Тексты, семантически трудно распознаваемые, с осложненным логическим построением, составленные на базе устаревших форм родного языка. В русском языке к ним относятся в основном церковные или иные ритуальные тексты (заговоры, заклинания).

3. Тексты, используемые в оригинале, составленные на древних языках (часто мертвых). К ним можно отнести тексты с осо-

бой магической направленностью. Кстати, по сведениям отдельных источников, использование мертвых языков для эзотерических (или магических) целей гораздо предпочтительней в силу того, что он не изменяется и не нагружается дополнительными смыслами и значениями, что свойственно живому языку.

4. Тексты комбинированные, частично адаптированные, с сохранением оригинальных форм языческих названий и имен божеств, покровителей, духов и т.д.

Большинство ритуальных текстов начинается с различного рода обращений к высшим силам, которые выполняют контакто-устанавливающую функцию, с одной стороны, с другой – определенным образом эмоционально настраивают говорящего на правильное построение дальнейшего текста. В разных текстах они несколько отличаются друг от друга по составу, но функциональная прагматика у них схожа. Так, в старинных русских ритуальных текстах наблюдается смешение христианских и языческих признаков.

Во имя Гѡѡца и Сѡна и Стѡго Дѡха – «Во имя Отца и Сына и святого духа»; *Гдѣи Бжѣе, блѣви, ѡѣ* – «Господи Боже, благослови!»;

Гдѣи Бжѣе, блѣви, оѣ Гдѣи Бжѣе. Во имя Гѡѡцѣ и Сѡнѣ и Стѡго Дѡха. – «Господи Боже, благослови, Отче. Господи Боже. Во имя отца и сына и святого духа!»;

Поклоняюѣ Бѣу. – «Поклоняюсь Богу!»;

Блѣви, ѡѣ. – «Благослови, Отче!»;

Гдѣи, блѣви, Гѡѡца моеѣ млтваѡи и крѣенѣа ѡѡца и мѣри – «Господи, благослови, Отца моего молитвами и креснаго отца и матери!»;

Млѣтваѡа прѣѣтаѡа гдрѣна, слѣце правѣное, мѣи млѣѡаѡа, прѣѣтаѡа гдрѣна, мѣи правѣнаѡа слѣца. – «Молитвою причащаюсь господнею, солнце праведное, матери молитвою, причащаюсь господнею, матери праведного солнца»;

Хѣѣ, Сѡѡте истиѡныѣ да воизбраѡное воеводе. – «Христос, свет истинный да избранный воевода...»;

Даѣ мнѣ, Гдѣи, доброѣ чаѣ, привеѡи м(на). Гдѣи, к аѣеѣскоѣ чиѣ, прѣѣтоѣ Бѣѡы в руки, матуѣки в срѡце. – «Дай мне, Господи,

добрый час, приведи меня, Господи, к ангельской, пречистой Богородице в руки, матушке в сердце...»;

Пристани, Гди, пособи, Гди, блѣви ма, Гдѣи, на добрыла дѣла. – «Пристань, Господи, пособи, Господи, благослови меня, Господи, на добрые дела...».

В осетинских ритуальных текстах также выделяются контактоустанавливающие обращения, однако в них просматривается отношение не только к Господу Богу:

1) к Богу: *Табу дунескѣнаг Стыр Хуыцауѣн!* – «Мольба (просьба) к создателю мира Великому (Большому) Богу!»; *Табу Нѣ раттѣг, Нѣ Сфѣлдисѣгѣн!* – «Мольба давшему нас, создавшему нас!»; *Иунѣг кадджын Хуыцау, де уазѣг нѣ бакѣн!* – «Единственно уважаемый (почетный) Бог, приюти нас!».

2) к божествам: *Хъуыдтѣгтѣ-митѣ рѣстмѣгѣнѣг Уастырджы, табу дѣхицѣн!* – «Дела-деяния направляющий Уастырджы, молим тебя!»; *Хъуыддѣгтѣ рауадзѣг, хъуыддѣгтѣ рѣстмѣгѣнѣг Уастырджы, табу дѣуѣн!* – «Дела начинающий, дела направляющий Уастырджы, молим тебя!»; *Лѣгтыдзуар, баххуыс кѣн!* – «Покровитель путников, помоги!»; *Дагомы Мадизѣн табу!* – «Мадизан Дагома, молим!»; *Хоры Уациллайы хорзѣх!* – «Св.Ильи, покровителя урожая, благословение!»; *Аларды, табу дѣхицѣн!* – «Аларды, молим тебя!».

3) Ангелам и покровителям: здесь в большинстве случаев встречается слово *бардуаг* «повелитель» в сочетании с названием объекта – *Бѣсты Бардуаг* «повелитель мира (вселенной)», *Сѣрды Бардуаг* «повелитель лета» (как вариант *Сѣрды зѣдтѣ ѣмѣ дауджытѣ* «ангелы и духи лета»), *Комы Бардуаг* «покровитель ущелья», *Зымѣджы Бардуаг* «повелитель зимы» и др.

В фольклорных текстах зафиксировано обращение с местоимением *мѣхи* «мой, собственный», что, несомненно, дает представление о более близком отношении к Богу. Так, в Нартовском эпосе мы часто сталкиваемся с таким обращением:

Хуыцѣутты Хуыцау, мѣхи Хуыцау, кѣд ма мѣ истѣмѣн сфѣлдыстай, уѣд, афѣдзѣй-афѣдзмѣ цы мит, цы къѣвда ѣруаринаг сты, уыдон ахсѣв куыд ѣруарой, стѣй зилгѣ дымгѣ, тухгѣ уад куыд сыста, кѣд ѣмѣ уыцы ѣнѣнтыст, уыцы фѣхъѣуинаг

байсæфид, æмæ нæ зæронд баззæид нæ хæдзары (НК 258 стр.) – «Бог Богов, мой Бог, если ты меня еще зачем-то создал, то снег, дождь, что из года в год должны выпасть, пусть сегодня ночью выпадут, потом пусть крутящийся ветер, вихрящаяся вьюга чтоб поднялась, может, этот не по возрасту развитый, этот подросток исчезнет, и наш старик останется дома».

Однако, с точки зрения лингвистической прагматики, для нас больший интерес представляет первая группа, где тексты составлены полностью на живом распознаваемом языке. Тексты, относимые нами к этой группе, находят наиболее активное употребление в силу доступности понимания, а значит, и практического применения. Несмотря на жесткую композиционную организацию, они при необходимости поддаются семантико-стилистической модификации.

Опуская атрибутику обрядовых действий, рассмотрим изложенные выше положения на примере текстов разносистемных языков с различным набором культурных кодов:

«Помоги, Господи, в моем торге, в менятельстве, в купле, в продаже: от злых, завистливых глаз, от порчи и разорения, от всякого зла наведения. Как пчелы к сладкому меду слетаются, так пусть и покупатели к моей лавке сбегаются, хвалят мой товар и берут, да еще не раз ко мне на порог придут. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Ныне и присно и во веки веков. Аминь».

В приведенном тексте отсутствуют признаки лексических способов экспрессивизации текста. Механизмы воздействия опираются на стилистические приемы, которыми изобилует этот небольшой текст: перечисление созвучных слов (*разорение, наведение, слетаются, сбегаются, берут, придут*), за счет чего создается ритмичность текста; перечисление действий (*слетаются сбегаются хвалят берут придут*) или процессов (*торг, менятельство, купля, продажа*), выстраивающих динамику событий; развернутых сравнительных оборотов (*Как пчелы к сладкому меду слетаются*), обеспечивающих точное представление желаемой ситуации; эзотерические понятия (*злой глаз, завистливый глаз, порча*) и вербальные атрибуты религии (*Господи, аминь* и др.).

Композиционно выявляется схематичность: установка действия, обращение, указание области деятельности, подлежащей изменению, описание желаемого результата, ключ и замок (Аминь), закрепляющий весь вербальный ритуал.

Сравним с осетинским ритуальным молитвенным текстом:

Хуыцау æмæ Тутыр, баххуыс кæнут. Уацилла! Хор дæттæг дæ æмæ нæ хор æмæ цардæй бафсад. Уацилла хъæздыг комы хуым куы кодта, Фæлвæра галдарæг куы уыдис, Майрæм мыггаг тауæг, Уастырджы бæрзондæй куы касти, гъеуад цы хор æрзадис, уыцы хор та дзыллæ-адаемæн, Хуыцау, æрзайын кæн!

– *Цы курут, лæппутæ?* | – *Хор, хор, хор!* | – *цы курут, лæппутæ?* | – *Хор, хор, хор!* | – *Цы курут, лæппутæ?* | – *Хор, хор, хор!*
Хор æмæ уæ цардæй Хуыцау бафсадæд! Оммен!

«Господь и Тутыр, помогите. Уацилла! Ты даруешь хлеб и насыть нас хлебом и жизнью. Когда Уацилла в богатом ущелье пахал, Фалвара стада держал, Мария (Марьям) зерно сеяла, Уастырджы с высот смотрел, хлеб, что вырос тогда, ниспошли народу-людям опять, Господи!

– Чего просите, юноши? /— Хлеба, хлеба, хлеба! / —Чего просите, юноши? / Хлеба, хлеба, хлеба! / – Чего просите, юноши? /– Хлеба, хлеба, Хлеба!

Да насытит вас хлебом и жизнью Господь! Аминь!»

Как видим, оба приведенных текста композиционно мало отличаются друг от друга. Но жанровые различия и, главным образом, этнокультурные особенности не могли не отразиться в их содержании и выборе стилистических приемов. Если в первом тексте образ создается с опорой на природный факт, то во втором образ мифический. В первом тексте динамика событий достигается путем перечисления предстоящих действий, приводящих к желаемому результату, во втором же – с отсылкой к прошлому: перечисляются действия, опосредованно связанные с желаемым результатом. В обоих представленных текстах присутствует императивность, однако, в первом тексте она носит характер условно-предположительного допущения и рассредоточена по всей образной части жанровой конструкции, тогда как во втором она сконцентрирована в предложениях, расположен-

ных в начале текста как установка, и в конце как закрепление этой установки.

В качестве завершающей части в обеих магических (ритуальных) формулах выступают обращения к высшим силам и слова – «замок» (*Аминь!, Да будет так!, Слово мое твердо!*), которые «запечатывают» формулу.

Надо сказать, что заклятия и заговоры как ритуальная речь в осетинском были мало распространены и не характерны для народа, который ориентирован был, в первую очередь, на общественное мнение и не воспринимал себя вне социума, в отличие от русских традиционных текстов, среди которых мы находим ритуальные тексты рифмованные, почти поэтические. К примеру:

«Золото, золото, сыпья ко мне, *как* горох в закрома, *как* зерна ячменя на гумно, *как* рожь в току. Золото, золото, липни к моим рукам, *как* мушки к меду, *как* бабочки к свету, *как* травка к солнцу. Золото, золото, сыпья в мои карманы без счету, без меры горстями и пригоршнями. Золото, золото, со мной *как* лес с водой, *как* соловей с весной, *как* роса с травой. Я не торгаш-моргаш, я купец-молодец. Продаю с честью, вешаю с избытком, меряю с присыпком, режу с прибавком, лью с остатком. Будь в моем амбаре клад да лад, без разорения, без пригара, во все дни моего прогара (?);»

или:

«Меняю *пустоту*, размениваю *маету*, забирай себе *застой*, а мой товар не *простой*, а мой товар *золотой*, всем он *нравится*, все у меня *ладится*. Все с моим *товаром*, а я с барышом и *наваром*. Аминь»; «Мать-пшеница, ты кормишь и млад и стар, и нищих и бар. От зерна даешь и десять, пятнадцать и двадцать. Дай и мне, Божьей рабе, деньгам зародиться, как этой пшенице. Как она днем и ночью растет, с голоду умереть не дает, так пусть и деньги мои растут, и меня кормят. Господи, благослови, во имя Отца, и Сына и Святого Духа. Аминь, Аминь, Аминь».

Приведенные тексты являются яркими иллюстрациями к схематической раскладке, описанной нами выше, которые демонстрируют основные особенности построения славянских ритуальных текстов. Примечательно, что во всех них наблюдается

стремление к созданию именно ритмического текста, используются созвучные логико-смысловые синонимы *без счёту – без меры, горстями – пригоршнями, с избытком – с присыпком – с прибавком – с остатком*, или рифмованные пары *клад – лад, пригора – прогара, товаром- наваром, нравится – ладится*. И все это построено на высокой степени образности.

Схожую структуру текстов заговора отмечали многие фольклористы, указывая при этом на ее неизменность как одно из важнейших условий его функционирования [Кагаров 1981, 70]. Основными частями, которые выделяют фольклористы, являются зачин, эпическая часть, лирическая часть, мистические имена и заключительные слова (по Е. Г. Кагарову), или зачин, эпическая и императивная части, закрепка (по П. Аникину) [там же, 72-76; 103-112].

В то же время, исследователи сибирских заговоров отмечают, что заговоры, которые широко использовались знахарями, строго сохраняли целостность текста, однако, по сведениям П. А. Городцова, «особенность многих наговорных формул такова, что они допускают изменения центральной части наговоров, в которой содержится... императив, приказ, или же прошение и моление..., изменение это состоит в зависимости от предмета наговора и в соответствии его... При этом построение и конструкция фраз... зависит от усмотрения самого знахаря или его уменя» [Городцов 1924, 66].

Схожей «свободой» наделены осетинские молитвенные тексты, которые так же строятся по усмотрению их произносящего и зависят от повода, ситуации и других экстралингвистических факторов.

При наличии общих структурных компонентов и соблюдении жанровых канонов построения ритуальных текстов, осетинские тексты соответствующих жанров отличаются и имеют собственный арсенал языковых и стилистических средств. Ритмичность осетинских текстов достигается в основном за счет повторов лексических или синтаксических.

Например: *Йæ, Хуыцау, табу дауæн! Хуыцау, мыггагма хæстæг сæ фæкæн, хæрæфырт хæстæг сæ фæкæн, кæрдæг æма*

*фәсалау әмхәицәе куйд уой. Цы стәггаг цаеуы, уый каркау – бә-
дулджын, арсау – хъәбулджын, бәласау – удагджын, бинонтә
та – адджын, кадджын!* «О, Всевышний, слава тебе! Породни
их на долгие века, породни их до появления племянников, чтоб
переплелись они (две фамилии) подобно траве и мху (осоке, су-
хой траве). Потомство от них чтоб было как курица с цыплятами,
как медведица с детенышами, как дерево с корнями, а семья бла-
гостной и славной!».

Наиболее распространенной является краткая форма молит-
вы, содержащая лишь начальную часть описанной структуры,
то есть обращение + просьба: *Хоры Уацилла, нә сыгъдәг хойраг
нын куйвдты, чындзәхсәвты хәринаг фәкән!* – «Св. Илья, по-
кровитель урожая, позволь нам нашу чистую пищу (урожай) упо-
требить на свадьбах и кувдах!»; *Фосы Фәлвара, нә фосы муртә
нын цотхал фәкән!* – «Фалвара, покровитель скота, преумножь
крупичи нашего скота (немногочисленный наш скот)!»; *Әхсәвы
Бардуаг, хәрзфынтә нын фенын кән!* – «Повелитель Ночи, дай
нам увидеть благие (хорошие) сны!» и др.

Как видим, в этих формулах образно-описательная часть
опущена. Глубокое знание и понимание национальной культуры
оказываются необходимыми условиями, обеспечивающими спо-
собность правильного построения молитвенных текстов с соблю-
дением всех канонов и создания соответствующих образов для
наиболее эффективного воздействия выстраиваемого текста на
слушателей, и как результат – правильного ритуального посыла.

Сравним более распространенные варианты схожих формул:

а) образно характеризующие обращения + просьба: *Сыrx
Аларды, дә чыылдымме дын нә сыгъдәг кувинагтәй сызгәерин
тәбәгъты кувдыстәм, әрмәст нәм де ʀгом макуы раздах!* –
«Красный Аларды, на золотых подносах посвящать тебе наши
чистые приподношения будем, молясь твоей спине, только не по-
ворачивайся к нам лицом!»; *Уәларвы тызмәг Елиа, арвнарды
әмә тәркәәвдаты бардуаг дә әмә нә арвы фыдәхәй бахиз!*
– «Грозный Елиа Небес, ты повелитель гроз и ливней, да огради
нас от гнева небес!»; *Фәрнджын-бәрнджын Мыкалгабыр, бәр-
кәдтә дәттәг бардуаг дә, әмә нә хидгуыстәй нә алы хәдзә-*

ры дәр бәркад куыд уа, уый бәрц арфагонд нә фәкән! – «Благостно-ответственный Мыкалгабыр, ты покровитель, дарующий изобилие, да вознагради нас настолько, чтоб в каждом нашем доме было изобилие от нашего тяжелого труда (букв. «потного труда»)!»; *Сыгьдәджытә уарзаг Аларды, сыгьдәг кувинагтә дын кәндзыстәм, әмә нын нә сывалләтты әнә фыдыбылызәй ныуадз!* – «Чистоту любящий Аларды, чистые приподношения тебе будем готовить, да оставь наших детей без беды (несчастья, зла)!»; *Ләппуты ләггәнәг, байрәгты бәхгәнәг хъәбатыр Уастырджы, нә рәзгәтә, нә кәстәртә – де уазәг!* – «Доблестный Уастырджы, делающий из мальчиков мужчин, из жеребенка коня, наши подрастающие, наши младшие – твои гости (в знач. «тебе вверены»)!»; *Хәрзәмбәләг Уастырджы, фыдцәст әмә нә фыдкъахәй бахиз!* – «Приносящий счастье Уастырджы, огради нас от дурного глаза и дурной ноги (дурного встречного)!».

б) развернутые описательно-образные обороты с эвфемистическим содержанием + несколько просьб:

Фосы Фәлварә, фосуарзон нә фәкән! Дә фосы иу сәр нын әртә бакән, әртә сәры – фараст, әмә дын афәдзы дәргъы кувинагән буц нывәндтә хәсдзыстәм! – «Фалвара скота, сделай нас любящими скот! Голову одного из твоего скота преврати в три, три головы – в девять, и в течение года в качестве подношений будем приносить благородные явства!»

Фосы Фәлварә, фосуарзон нә фәкән! Дә фосы дзугтәм сәрдаей, зымагәй әнәзивәгәй зилдзыстәм, әмә нә нә уазәджы хаимә урсаг, сой хъуаг ма фәкән! – «Фалвара скота, сделай нас любящими скот! За стадами твоего скота и летом и зимой без усталы будем ухаживать, не обдели нас вместе с нашим гостем (букв. «частичкой гостя») молочным и жирным!»

*Бәсты Бардуаг, хохәй быдырма нын сәрдаей, зымагәй нә фосы хизәнтә, нә хуымы зәххытә, нә хосы уыгәрдәнтә ны-
выл уадз, әмә дын бурфәззәджы хорты, фосты сәртәей ах-
сәны куывдтә кәндзыстәм!* – «Покровитель Мира, от гор нам до равнин, зимой и летом наши пастбища, наши посевные поля, наши сенокосные луга сохраняй в порядке, и будем тебе урожаем желтой осени, головами скота справлять общинные кувды!» ...

Дунейы Бардуаг, дуне сабыруадз, кусаг-фаллойгаенæг адаемаен са фыдбылызтæ сафт куыд уой, са цардамаендæ тыхджын, уыйбарц арфагонд фæкаен! – «Покровитель Вселенной, сохраняй (оставляй) вселенную в спокойствии, чтоб беды (несчастья) работающих-трудящихся людей исчезали, судьбы счастливыми были (счастья сильными), да ниспошли столько благ!»

Ныхасы Уастырджы, ирон нихасы фарн цудын ма бауадз! Дæ бынты дыууардаем цаугайæ нæ растаг хъуыдытæн æвдисæн фæу! Дæ ном дын цæмай ссарæм, уымæй ахъаз бакæн! – «Уастырджи Слова, не дай пошатнутся благодати осетинского слова! Под тобой проходим, будь свидетелем наших праведных помыслов! Помоги тем, чем мы могли бы вспомнить твое имя!».

Все приведенные молитвенные формулы могут выступать в качестве кратких разовых молитвенных текстов или же стать составной частью обширной молитвы в ритуальном действе.

Итак, даже на предварительном этапе рассмотрения ритуальных текстов становится понятным и очевидным, что система выстраивания образов, а также композиционное построение отличны друг от друга и продиктованы культурными особенностями каждого этноса; что мотивация и прагматическая установка обнаруживают явные сходства.

Однако, рассмотренные тексты останутся всего лишь текстами без человеческого осознания и мышления (говорящего и собеседника), поскольку они предназначены для восприятия и обработки человеческим сознанием. Специфика самих текстов такова, что они способствуют вхождению в необходимое психологическое состояние, при котором достигается наиболее яркое представление передаваемых образов. Очевидно, такое состояние вполне можно назвать самогипнозом или самовнушением.

Схожее состояние наблюдается и в случае с проклятиями. Отправным моментом этого состояния, предположительно, является обращение к высшим силам, поскольку авторитет их не подлежит сомнению и преклонение этим авторитетам заложено в каждом индивиде на генетическом уровне, вне зависимости от вероисповедания или его отсутствия.

При таком ракурсе рассмотрения проблемы участия мышления в создании образов и значимость создаваемых образов в восприятии созданных текстов бесспорны. Следовательно, лингвистическими факторами активизации речевого воздействия являются, в первую очередь, яркий образ и всевозможные доступные стилистические приемы, усиливающие это воздействие. В устном их воспроизведении к ним добавляются фонетические и акустические возможности, регулирующие интенсивность, тональность и силу воспроизводимого текста. Все это оказывается чрезвычайно важным для ритуальных и обрядовых текстов различной направленности, поскольку в основном они все направлены на получение результата, не предполагающего никаких усилий и участия коммуникантов. Единственным проявлением их участия можно считать актуализацию созданных и воспроизводимых текстов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги работы, а также обозначим перспективы изложенного здесь подхода к исследованию устойчивых выражений осетинского языка.

Задачи, поставленные перед нами, решались с опорой на осетинский и русский языковой материал, поскольку именно с привлечением разносистемных языков, по нашему мнению, возможно было бы достижение наиболее объективных результатов.

Исследование позволило определить стилистические особенности фольклорных выражений и функциональную природу их прагматических задач.

Основной вопрос, который мы ставили перед собой в данном исследовании, является вопрос о границах фразеологии, для решения которого необходимо было определить: 1) все ли устойчивые выражения являются фразеологическими, и правомерно ли такое их определение с точки зрения грамматики; 2) являются ли они объектами рассмотрения фразеологии как отрасли знания или целесообразно формирование нового научного направления.

Главным и достаточно веским аргументом в пользу их включения в состав фразеологии является их языковая мобильность и весьма активное употребление в речи. Это стало основной причиной включения в поле нашего рассмотрения не только выражений, соответствующих основным категориальным признакам фразеологизма, которых, кстати, немало, и состав их не закреплен и неоднозначен, но и всех жанровых единиц, имеющих способность органично вплестаться в текст, не нарушая его целостности, и способствующих в той или иной мере информативному обогащению и раскрытию сути выражаемого смысла, предусмотренного основным текстом.

Аккумулятивная функция языка позволяет закреплять в устойчивых выражениях не только форму, но и содержание – национальные обычаи, поверья, исторические предания, образное видение мира, поэтому исследование фразеологи-

зированных выражений всех типов способствует лучшему постижению культуры любого народа. Изучение устойчивого фонда языка в прагматическом и этнолингвистическом ракурсе требует широкого понимания объектов фразеологии, поэтому паремии и речевые формулы осетинского языка, занимающие промежуточное положение между единицами языка и фольклора (причем, с обеих сторон являющиеся их периферийными единицами), также были вовлечены в объем исследуемого материала.

Мы определили, что, несмотря на разность жанрово-коммуникативных установок, все рассматриваемые в работе выражения (собственно фразеологические обороты, паремии и речевые формулы), которые мы характеризуем как разные типы выражений одного порядка, имеют ряд общих критериев – устойчивость, воспроизводимость, образность, сложность адекватного перевода.

Определение степени семантической спаянности устойчивых выражений, на основе которой строится их групповое разграничение, стало в известной мере достаточно затруднительным. Причиной таких затруднений явилось то, что внушительная часть лексики осетинского языка, так же, как и весь фразеолофонд языка, в своем значении содержит яркую образность и переносные смыслы. В связи с этим отдельные лексемы, на первый взгляд, имеющие одно прямое значение, оказались глубоко концептуальными понятиями, не поддающимися однозначному толкованию и переводу.

Наравне с отдельными лексемами к языковым единицам относятся и комплексы слов (идиомы), которые также имеют семантическое соответствие с конкретным понятием и состоянием; они также формируют конкретные образы, с той лишь разницей, что комплексы слов создают ситуационный образ, обработка которого приводит к смысловому значению отдельной лексемы. Так происходит взаимобратный процесс. И если слова с предметным обозначением (условно обозначим их как «простые») ограничиваются соотношением с реальной действительностью, то более сложные понятийно-терминологические

образы являются практически абсолютным подобием устойчивых выражений (ФЕ), но с обратным механизмом восприятия. Схематически понятие воспринимается через установленный абстрактный образ, выстраиваемый посредством комплекса лексических единиц, а устойчивое выражение (ФЕ) через восприятие и обработку созданного образа рождает понятие. Таким образом, по нашему мнению, происходит в языке закрепление и сохранение собственно лексических единиц и устойчивых словосочетаний (ФЕ): когда лексико-фразеологические единицы приобретают, фиксируют и сохраняют посредством создаваемых образов свои предметно-логические значения.

Основная часть устойчивых выражений имеет в основе своей образ, появившийся вследствие метафоризации. Описательные образы, заключенные в сравнительные обороты, в последующем закрепляются в языке для называния действий, состояний, процессов, но уже в виде устойчивых сочетаний. В последующем эти образы имеют свободное хождение между всеми типами устойчивых выражений, приспособляясь к структурной организации конкретного текста или жанра.

Ввиду близкого родства жанрового происхождения и формы, а также сходства функционально-стилистических особенностей, не всегда представляется возможным проведение четкого разграничения между схожими выражениями. Вместе с тем, возможна разработка классификационной системы различных типов устойчивых выражений, составленная на основе отличительных признаков (целеустановочных, жанрово-композиционных, функционально-семантических и других особенностей), благодаря которым возможно будет без особых затруднений составить их дефиницию. Но это совсем не говорит о нашем намерении необоснованно притеснять или игнорировать уже существующие классификации данных языковых единиц и не принимать во внимание существующие труды видных ученых. Напротив, пристальное внимание к этим трудам и с позиций современного понимания, и с учетом современного состояния и функционирования устойчивого инвентаря языковых единиц в речи способствовало пересмотру признанных

классификаций и определению различных форм, типов и жанров устойчивых выражений с различной степенью спаянности. Такой подход к исследованию рассматриваемых выражений дал возможность по-новому взглянуть на устоявшиеся положения и теорию, и, как следствие, на сам объект исследования.

В силу своей сложной организации устойчивые обороты всех рассмотренных типов представляют собой синтаксические конструкции, все возможные способы экспрессивной реализации которых наиболее полно раскрываются в тексте. При этом любое малейшее «отклонение» от привычной формы использования устойчивого выражения вызывает реакцию адресата речи. В этом случае, наряду с образностью и выразительностью, характерных для всех рассматриваемых единиц, активизируется и синтаксическая контекстно-стилистическая экспрессия. Взаимодействуя с эмоционально-оценочным содержанием устойчивой единицы, они сообща воздействуют на объект речи, тем самым достигая прагматических целей. В нашем случае речь идет о таком использовании ФЕ, паремий и речевых формул, при котором намеренно нарушается привычная форма с целью создания наиболее эффективной в эмоциональном плане ситуации в тексте.

Понятно, что не всякое высказывание может иметь предельную степень воздействия, и не каждое слово внутри рассматриваемых текстов является экспрессивным, метафоричным или обладает каким-либо сверхзвуковым устройением. Такими свойствами в полной мере обладают фольклорные тексты.

Богатейший фонд устойчивых выражений и фольклорных речений сохранил огромное количество рече-языковых знаков, происхождение и существование которых находится в тесной взаимосвязи с бытом и повседневным укладом осетина, что в свою очередь, выстраивается с учетом морально-нравственных норм, формируемых с опорой на миропонимание и мировоззрение народа. В этой связи значительная часть устойчивых выражений требует определенных фоновых знаний для их правильного понимания и полного проникновения в суть смыслового содержания.

Прежде все это относится к ритуальным речевым жанрам, представляющим собой веками отточенные тексты с гармонично выстроенным звуковым ладом, точным смысловым содержанием и четким композиционным построением.

Слова и фразы в составе таких текстов обладают особой, почти поэтической, ритмикой, поддерживающей смысловые отношения между составляющими компонентами. При этом четко соблюдается общая композиционная динамика с характерными для каждого жанрового текста ключевыми точками. В письменном тексте звуковая ритмика замещается символизмом языковых знаков, исторически закрепленным за ними и хранящимся в генетической памяти человека.

Следует учитывать, что культурные представления народа формируют поверья, обычаи, нравы, и именно они оказываются определяющим фактором формирования круга возможных опасностей, в числе которых недобрые пожелания или проклятия, несчастные случаи, умышленный или нечаянный негатив или злословие, дурной глаз, гнев богов, потусторонних сил, нечисти или покойников. Исходя из этого, для каждого соответствующего случая существуют свои формулы, направленные на конкретный вид ограждения. Каждый случай использования рассматриваемых формул имеет разную прагматическую направленность, но всегда является результатом предельной степени внимания коммуникантов друг к другу и соучастия в передаваемых событиях.

Строгая мотивированность и идиоматичность ритуальных выражений не допускает особых изменений и трансформаций внутри самой формулы. Это продиктовано самим функциональным назначением формулы, которая призвана в первую очередь ограждать.

Объектами ограждения, как правило, выступает сам говорящий, собеседник, оба коммуниканта (говорящий и собеседник), коммуниканты вместе с группой третьих лиц. Под третьими лицами обычно подразумеваются или напрямую называются дети и ближайшие родственники, приближенные или просто присутствующие при диалоге.

На основании проведенного анализа можно утверждать, что важность и значимость абсолютного большинства формул безусловна и в большой степени отражает культурные представления и духовное мировоззрение каждого народа, в частности осетин. Кроме того, активное употребление этих формул в современной повседневной речевой практике дает нам основание относить их к самостоятельным языковым единицам и закрепить за ними статус устойчивых выражений, обладающих рядом категориальных признаков, характеризующих фразеологизированные выражения: устойчивость, идеоматичность, цельнооформленность, нечленимость, мотивированность, воспроизводимость, образность (вторичная) и др.

Практически все ритуальные тексты представляют собой косвенные речевые акты. В них создается потенциальная ситуация, в которой подразумеваемому адресату речи отводится воздействующая функция, причем с известной долей свободной интерпретации в рамках означенной направленности. В них не содержатся и не могут содержаться рассуждения, а только явные или скрытые утверждения, потому мы склонны характеризовать все речевые формулы, в том числе и молитвенные, как речевые акты, а именно – как иллюкутивные акты.

Однако особый способ и форма адресации усложняют анализ ритуальных текстов с позиций иллюкутивных актов: вместо привычного языкового общения, при котором говорящий пытается сообщить своему слушателю посредством подведения его к опознанию своего намерения сообщить именно то, что имелось им в виду, в рассматриваемых текстах адресатом иллюкутивного акта являются высшие силы, а адресатами эмоционально-психологического воздействия – присутствующие, так называемые косвенные адресаты.

Проведенное исследование ритуальных текстов традиционных молитв позволило выделить принципиальные отличия от других жанровых форм. В первую очередь, это фиксированная композиционная оформленность, выраженная в строгой последовательности упоминаемых адресатов, в обязательных коллективных возгласах, завершающих адресацию каждой от-

дельной просьбы и дробящих весь текст на отдельные структурно-семантические части – модули. Внутри каждого модуля, как правило, присутствует прямой или косвенный иллокутивный акт, нередко выражаемый через создание образов, легко распознаваемых благодаря этнокультурным фоновым знаниям. Такой принцип модульной организации традиционных текстов позволяет каждой модульной части при необходимости выступать как самостоятельное текстовое произведение в жанровой форме благопожелания, функционального приветствия или прощания.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Мимео-образительные слова в осетинском языке. – Труды Института языкознания. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. VI.
2. Ажеж Клод. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: Пер. с фр. – М.: Удиторил УРСС, 2006.
3. Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова. – Ташкент, 1973.
4. Алексеев А. Я. Стилистическая информация языкового знака // Филологические науки, 1982, №1.
5. Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремология. Учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2009.
6. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.
7. Андреева С. В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции. Под ред. О. Б. Сиротининой. 2-е изд., испр. – М.: КомКнига, 2006.
8. Аникин В. П. русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957
9. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций. // Вопросы языкознания. – 1993. – №3.
10. Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвигания и проблема экспрессивности. – В кн.: Экспрессивные средства английского языка. – Л., 1975.
11. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976.
12. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения. – В кн.: Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980.
13. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. – М., 1988.
14. Арутюнова Н. Д. Метафора // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М., 1998.
15. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. – Ростов-на-Дону, 1964.

16. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
17. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. (Семантические средства языка). – М.: Наука, 1974.
18. Ахутина Т. В. Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса. – М.: Изд-во АКИ, 2008.
19. Бабкин А. М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. – М.; Л., 1964.
20. Багаев Н. К. Современный осетинский язык: Учебное пособие для вузов. – Орджоникидзе, 1965. – Ч.1.
21. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., доп. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001.
22. Баранов Д. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008.
23. Барлас Л. Г. Об отношении стилистической окраски и эмоциональных оттенков слова к его лексическому значению. – В кн.: Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка. – Ростов-на-Дону, 1968.
24. Бельчиков Ю. А. Лексическая стилистика. – М., 1977.
25. Балли Ш. Французская стилистика. / Пер. с фр. К. А. Долинина, под ред. Е. Г. Эдкинда, вступит. ст. Г. А. Будагова. – М.: Иностранная литература, 1961.
26. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск, 1989.
27. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. – М., 2000.
28. Бенвенист Э. Общая лингвистика. / Пер. с фр., под ред. с вступит. ст. и комментариями Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974.
29. Берлизон С. Б. Компаративные фразеологические единицы – средство выражения экспрессии и эмоциональной оценки. (На материале современного английского языка). – В кн.: Проблемы семасиологии и лингвостилистики. – Рязань, 1973. – Вып.1. – Ч.1.
30. Берлизон С. Б. Стилистический анализ значения фразеологических единиц и методы его исследования. – В кн.: Проблемы семасиологии и лингвостилистики. – Рязань, 1975. – Вып.2.

31. Берлизон С. Б. Специфика семантики фразеологических единиц и роль структурных компонентов в ее определении. – В кн.: Семантическая структура слова и фразеологизма. – Рязань, 1980.
32. Бесолова Е. Б. Язык и обряд: Похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте ее текстуально-вербального выражения. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
33. Блинова О. И. Образность как категория лексикологии. – В кн.: Экспрессивность лексики и фразеологии. – Новосибирск, 1983.
34. Блэк Макс. Метафора // Теория метафоры. Пер. М. А. Дмитриевской – М., 1990.
35. Блумфилд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968.
36. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. – М.: КомКнига, 2007.
37. Будагов Р. А. Терминология и семиотика. // Вестник МГУ №5, 1972. С.27-68.
38. Будагов Р. А. Человек и его язык. – М.: Изд-во МГУ, 1974.
39. Вакуров В. Н. Основы стилистики фразеологических единиц (на материале советского фельетона). – М.: Изд-во МГУ, 1983а.
40. Вакуров В. Н. Экспрессивность фразеологических единиц. – В кн.: Вопросы стилистики. – М.: Изд-во МГУ, 1983б.
41. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook107/01/part-011.htm> (Дата публикации 17.10.2002. Дата обновления 28.06.2003).
42. Васильев Л. Н. К вопросу об экспрессивности и экспрессивных средствах (на материале славянских языков). – В кн.: Славянский филологический сборник. – Уфа, 1962. – Вып. 9. – №3.
43. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – 2-е изд. М., 1972.
44. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова. – В кн.: Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977.
45. Виноградов В. В. Русский язык. <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&0a0=26#s004> (Свидетельство о регистра-

ции в средствах массовой информации: Эл № ФС 77-20427 от 3.03.2005).

46. Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М.: Наука, 1984.

47. Виноградова В. Н. Стилистические средства словообразования. – В кн.: Стилистические исследования (на материале современного русского языка). – М., 1972.

48. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М.: Наука, 1980.

49. Винокур Т. Г. О содержании некоторых стилистических понятий. – В кн.: Стилистические исследования (на материале современного русского языка). – М., 1972.

50. Винокур Г. О. Культура языка / Предисл. Л. П. Крысина. – М.: КомКнига, 2006.

51. Вольф Е. М. Варьирование в оценочных структурах. – В кн.: Семантическое и формальное варьирование. – М.: Наука, 1979. – С. 273-294.

52. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985.

53. Вольф Е. М. Метафора и оценка. – В кн.: Метафора в языке и тексте. / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1988.

54. Выгодский Л. С. Мышление и речь. – М.-Л.,

55. Выготский Л. С. Собрание сочинений в 6-ти томах. – М., 1982-1984. – Том 2.

56. Габараев Н. Я. Фразеологические обороты осетинского языка, выражающие пожелания различного характера // Известия ЮОНИИ. – Сталинир, 1960. – Вып. 10.

57. Гагкаев К. Е. Из области стилистики и семантики осетинского языка // Известия СОНИИ. – Орджоникидзе, 1962. – Т. 23. – Вып. 1.

58. Гагкаев К. Е. Структура слова в русском и осетинском языках. – В кн.: Осетинская филология (Ирон филологи). – Орджоникидзе, 1984.

59. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Сборник неизданных текстов, подготовленный Под руководством и предисловием Рока Валена.: Пер. с фр. / Общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скрелиной. – М.: Едитореал УРСС, 2004.

60. Головин Б. Г. Основы культуры речи. – М., 1980.
61. Грамматика осетинского языка. / Под ред. Г. С. Ахвледиани. – Орджоникидзе, 1963. – Т 1.
62. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке: Сборник статей по языкознанию. – М., 1958.
63. Говердовский В. И. История понятия коннотации // Филологические науки, 1979. – №2.
64. Городцов П. А. Сибирская язва // Записки Тюменского общества научного изучения местного края. Тюмень, 1924.
65. Горшков А. И. Русская стилистика: Учеб. пособие. – М.: «Издательство АСТ», 2001.
66. Гридин В. Н. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка. – В кн.: Психолингвистические проблемы семантики. – М.: Наука, 1983.
67. Гутман Е. Н., Черемисина М. И. Использование определений для выявления семантики зоохарактеристик. – В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1974. – Вып.3.
68. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М., 1985.
69. Дементьев В. В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1.
70. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. – М.: Гиозис, 2006.
71. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты. – В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1987.
72. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. – М., 1979.
73. Дзадзиев А. Б., Дзуцев Х. В., Караев С. М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. – Владикавказ. 1994.
74. Дзодзыккаты З. Б., Бесолты Е. Б. Ирон фразеологизмтæ уырыссаг тæлмацты. – В кн.: Проблемы осетинского языкознания. – Орджоникидзе, 1984.
75. Дзаттиати Г. П. Заметки о художественном стиле осетинского литературного языка. // Известия ЮОНИИ. – 1980. – Вып.25.
76. Дзаттиати Г. П. Некоторые вопросы художественного сти-

ля осетинского литературного языка // Известия ЮОНИИ. – 1981. – Вып.26.

77. Дзодзикова З. Б., Каражаев Ю. Д. Основные типы экспрессивов осетинского языка и средства их образования. – В кн.: Проблемы осетинского языкознания. – Орджоникидзе, 1987. – Вып.2.

78. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1.

79. Емельянова О. Н. Метафора /Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник/Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003.

80. Есперсен О. Философия грамматики. Изд. 2-е, стереотипное. Пер. с англ. / Общ. ред. и предисловие Б. А. Ильиша. – М.: Едиториал УРСС, 2002.

81. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. – М., 1997.

82. Живая традиция заговора Сибири: сакрально-ритуальный дискурс знахарской практики / Под ред. И. С. Карабулатовой. – СПб.: Алетейа, 2010.

83. Жоль К. К. Мысль. Слово. Метафора. Проблема семантики в философском освещении. – Киев: Наукова думка, 1984.

84. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: «Русский язык», 2000.

85. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2006.

86. Зыкова И. В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. – М.: Едиториал УРСС, 2003.

87. Иванова Т. Б. Категория акцентности (функциональная семантико-стилистическая) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М., 2003.

88. Иванов Л. Ю. Текст научной дискуссии: дейксис и оценка. – М., 2003.

89. Изард И. Эмоции человека. – М., 1980.

90. Исаев М. И. Очерки по фразеологии осетинского языка. – Орджоникидзе, 1964.

91. Кабакова Г. И. О жанровых трансформациях хулительных

формул (на румынском материале) // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. – М., 1988.

92. Кагаров Е.Г. Словесные элементы обряда // Из истории русской советской фольклористики. – Л., 1981.

93. Каражаев Ю. Д., Джусоева К. Г. Прагматическая направленность синтаксической экспрессии. – В кн.: Проблемы экспрессивной стилистики / Отв. ред. Т. Г. Хазагеров, Н. М. Чмыхова, Л. В. Баскакова, Н. В. Текучева. – Изд-во Ростов. ун-та, 1987.

94. Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. – Л., 1978.

95. Кожина М. Н. О языковой и речевой экспрессии и ее экстралингвистическом обосновании. – В кн.: Проблемы экспрессивной стилистики. / Отв. ред. Т. Г. Хазагеров, Н. М. Чмыхова, Л. В. Баскакова, Н. В. Текучева. – Изд-во Ростов. ун-та, 1987.

96. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. – М., 1983.

97. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980.

98. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: КомКнига, 2005.

99. Комлев Н. Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. – М.: Едиториал УРСС, 2003.

100. Копыленко М. М. Сочетаемость лексем в русском языке. – М., 1973.

101. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2011.

102. Коссек Н. В. Интенсив как экспрессивно-стилистическое средство в рассказах К. Г. Паустовского // Язык и стиль произведений В. П. Катаева, К. Г. Паустовского, и Л. И. Славина: Сб. науч. тр. – Одесса, 1987.

103. Кудзоева А. Ф. Об экспрессивном порядке слов в осетинском языке. – В кн.: Лингвистические этюды. – Владикавказ, 2000. – Вып. 6.

104. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта, Наука, 2003.

105. Кунин А. В. Основные понятия стилистики в области

фразеологии. – В межвузовск. науч. сб.: Структура лингвистики и ее основные категории. – Пермь, 1983.

106. Купина Н. А., Скорнякова М. Ф. Коннотативность в семантической группе названий лица. – В кн.: Классы слов и их взаимодействие. – Свердловск, 1979.

107. Кырлежев А. И. Новая философская энциклопедия // Под ред. В. С. Стернина. – М.: Мысль, 2001. Том II.

108. Лайонз Джон. Введение в теоретическую лингвистику (перевод с английского). – М., 1978.

109. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ./ Под ред. И с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

110. Латина О. В. Идиомы и экспрессивная функция языка. – В кн.: Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности / Инс-т языкознания; отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1991.

111. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003.

112. Леонова А. В. Реализация семантического признака контролируемости / неконтролируемости в ситуации речевого воздействия (на материале русских заклинаний-проклятий) // Картина мира: язык, литература, культура: Сб. научных статей. – Бийск: РИО БПГУ им. В. В. Шукшина, 2005.

113. Литвин Ф. А. Экспрессивность текста и экспрессивность слова. – В кн.: Проблемы экспрессивной стилистики. /Отв. ред. Т. Г. Хазагеров, Н. М. Чмыхова, Л. В. Баскакова, Н. В. Текучева. – Изд-во Ростовск. ун-та, 1987.

114. Лосев А. Ф. Проблемы художественного стиля. – Киев, 1994.

115. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007.

116. Матвеева Т. В. Оценочная внутренняя форма как средство экспрессивности. – В кн.: Этимологические исследования. – Свердловск, 1981.

117. Матвеева Т. В. К проблеме лексических повторов. – В кн.: Экспрессивность на разных уровнях языка. – Новосибирск, 1984.

118. Матвеева Т. В., Учебный словарь: русский язык. Культура речи, стилистика, риторика. – М., 2003.

119. Матезиус В. Язык и стиль // Сб. статей: Пражский лингвистический кружок / Сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. – М.: Прогресс, 1967.

120. Меликян В. Ю. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. Словарь. – М.: Изд-ва «Флинта», «Наука», 2001.

121. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. – М., 1989.

122. Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. – М.: Флинта: Наука, 2007.

123. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. – Л., 1977.

124. Молотков А. И. Фразеологизмы речевого языка и принципы их лексикографического описания // Всупит.статья к Фразеологическому словарю русского языка. – М.: Русский язык, 1986.

125. Моргоева Л. Б. Субъективное в языке и речи: природа, содержание, выражение. Владикавказ, РИО СОИГСИ, 2008.

126. Моргоева Л. Б. К вопросу о границах фразеологии // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3; URL: <http://www.science-education.ru/109-9355> (дата обращения: 13.06.2013).

127. Моргоева Л. Б. Формулы-обереги как особый тип устойчивых выражений // «Фундаментальные исследования». – № 9 (часть 5), 2014. – С. 1126-1130.

128. Мягкова Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистические исследования. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990.

129. Опарина Е. О. Концептуальная метафора. – В кн.: Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В. Н. Телия – М.: Наука, 1988.

130. Павлова Н. М. О соотношении понятий «экспрессивность» и «эмоциональность» и об уточнении их лингвистической сущности. – В кн.: Проблемы экспрессивной стилистики / Отв. ред. Т. Г. Хазагеров, Н. М. Чмыхова, Л. В. Баскакова, Н. В. Текучева. – Изд-во Ростовск. ун-та, 1987.

131. Панкова В. В. Фразеосинтаксические схемы с опорным компонентом-местоимением: язык и речь (на материале русского

языка) / Автореферат на соискание ученой степени к.фил.наук. – Ростов-на-Дону, 2007.

132. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии, – М., 1988.

133. Петрищева Е. Ф. Лексика и фразеология в авторском повествовании от 1-го лица. – В кн.: Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. – М.: Наука, 1977.

134. Петрищева Е. Ф. Стиль и стилистические средства (обзор взглядов лингвистов). – В кн.: Стилистические исследования. / Отв. ред. В. Д. Левин. На материале современного русского языка. – М., 1972.

135. Пешковский А. М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы // *Arg poetica*. – М., 1927. – Вып. 1.

136. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968.

137. Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. – М., 2006.

138. Пражский лингвистический кружок. – М., 1967.

139. Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика / Отв. ред. Г. В. Степанов. – М.: Наука, 1987.

140. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. – М., 1991.

141. Рыбникова М. А. Русская поговорка. Избранные труды. – М., 1958.

142. Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. – М., 1961.

143. Савина Т. Б. Понятие гендера и проблемы становления гендерологии // <http://www.dgu.ru/philosophy/index.htm>.

144. Сакиева Р. С. Уровни языка и эмоциональность // Тр. Тбил. ун-та, 1984. – Т. 245. – Сер. Языкознание. – № 8.

145. Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику. – Л., 1989.

146. Седакова И. А. Структура и семантика болгарских проклятий (постановка проблемы) / Этнолингвистика текста. Семио-

тика малых форм фольклора. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. – М., 1988.

147. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Зарубежная лингвистика. II: Пер. с англ. / Общ. ред. В. А. Звегинцева, Б. А. Успенского, Б. Ю. Городецкого. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2002.

148. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Образность / Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А. П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005.

149. Скребнев Ю. М. Экспрессивная стилистика и лингвистика субъязыков // Проблемы экспрессивной стилистики. – Вып. 2. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1992.

150. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. – М., 1956.

151. Снегирев И. Русские народные пословицы и притчи. – М., Университетская типография, 1948.

152. Степанов Ю. С. Французская стилистика (в сравнении с русской): Учебное пособие. – М.: КомКнига, 2006.

153. Стернин И. А. О трех видах экспрессивности слова. – В кн.: Структура лингвостилистики и ее основные категории: Межвузовск. науч. сб. ст. – Пермь, 1983.

154. Стернин И. А. Экспрессивность лексики и фразеологии. – М., 1983.

155. Стернин И. А. Оценочность слова в языке и речи. – В кн.: Исследования по семантике / Системно-функциональное описание и преподавание языка. Межвуз. науч. сб. – Уфа, 1990.

156. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1985.

157. Телия В. Н. Типы языковых значений. – М., 1981.

158. Телия В. Н. Метафора как проявление принципа антропоцентризма в естественном языке // Язык и логическая теория. – М., 1987а.

159. Телия В. Н. Семантическая структура фразеологизмов-идиом и принципы их фразеографической обработки // Фразеологизм и его лексикографическая обработка. – Минск, 1987б.

160. Телия В. Н. Метафора и его роль в создании языковой

картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988б.

161. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция. – В кн.: Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1988а.

162. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация. – В кн.: Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В. Н. Телия. – М., 1991б.

163. Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц. – В кн.: Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1991а.

164. Техов Ф. Д. Выражение обращения и вежливости в осетинском языке. – В кн.: Осетинская филология (Ирон филологи). – Орджоникидзе, 1984.

165. Толстая С. М. Вербальные ритуалы в славянской народной культуре // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М., 1994.

166. Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология. – Новосибирск: Наука, 1980.

167. Федоров А. И. Образная речь. – Новосибирск: Наука, 1985.

168. Федосюк М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи. – В кн.: Жанры речи. – Саратов, 1997.

169. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. – М.: Учпедгиз, 1956. Т.1.

170. Фразеологический словарь русского языка. (Под ред. А. И. Молоткова.) – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз., 1986.

171. Хазагеров Т. Г. К вопросу о классификации экспрессивных средств (Изобразительные схемы). – В кн.: Проблемы экспрессивной стилистики / Отв. ред. Т. Г. Хазагеров и др. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1987.

172. Хазагеров Т. Г. Экспрессивный стиль как основная категория экспрессивной стилистики. – В кн.: Проблемы экспрессив-

ной стилистики. / Под. ред. Т. Г. Хазагерова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1996. – Вып.3.

173. Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности, эмоциональности // Русский язык в школе. – 1976. – №3.

174. Харченко В. К. Экспрессивное словоупотребление и контекст. – В кн.: Вопросы структуры предложения. – Ульяновск, 1983.

175. Химик В. В. К соотношению понятий экспрессивности, модальности, персональности. – В кн.: Проблемы экспрессивной стилистики / Отв. ред. Т. Г. Хазагерова, Н. М. Чмыхова, Л. В. Баскакова, Н. В. Текучева. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1987.

176. Хомский Н. Синтаксические структуры // В сб.: «Новое в лингвистике». М., 1962. Вып. II.

177. Ортега-и-Гассет Хосе. Две главные метафоры / www.metaphor.ru

178. Хомский Н. Язык и мышление. – М.: Изд-во МГУ, 1972.

179. Хубецова З. Р. Осетинские клятвенные формулы. – В кн.: Вопросы осетинского языкознания. – Орджоникидзе, 1977. – Т.32.

180. Цаллагова З. Б. Афористические жанры осетинского фольклора. – Владикавказ, 1993.

181. Цопанова Р. Г. Вербальное поведение осетин. – В кн.: Национальные отношения и межнациональные конфликты. – Владикавказ, 1997.

182. Цопанты Р. Г. Аивадон уацмысы лингвистон анализ. – В кн.: Ирон ныхасы культура. – Орджоникидзе, 1989.

183. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. / Ин-т языкознания, отв.ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1991.

184. Черданцева Т. З. Метафора и символ во фразеологических единицах. – В кн.: Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1988.

185. Шаваева М. О. Этнокультура как многофункциональная система взаимодействия. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону. 2004.

186. Шамис А. Л. Пути моделирования мышления: Активные синергические нейронные сети, мышление и творчество, формальные модели поведения и «распознавания с пониманием». – М.: КомКнига, 2006.
187. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – М., 1969.
188. Шаронов И. А. Междометия в речи, тексте и словаре. – М.: РГГУ, 2008.
189. Шаховский В. И. Проблемы разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики. – В кн.: Проблемы семасиологии и лингвостилистики. – Рязань, 1975. – Вып.2.
190. Шаховский В. И. О лингвистике коннотации. – В кн.: Семантико-системные отношения в лексике германских и романских языков. Исследования по романо-германскому языкознанию. – Волгоград, 1979. – Вып.9.
191. Шаховский В. И. Эмоционально-оценочно-образная категория словарных знаков. – В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1980. – Вып.9.
192. Шаховский В. И. Лексикография и коннотативная семантика. – В кн.: Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж, 1983.
193. Шаховский В. И. Типы значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. – 1994. – №1.
194. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа (на материале русского языка). АН СССР, Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1973.
195. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М., 1964а.
196. Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – Изд. 2-е. стереотипное. – М.: КомКнига, 2006.
197. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Изд.3-е. – М.: КомКнига, 2007.
198. Яранцев Р. И. Словарь справочник по русской фразеологии. М. «Русский язык», 1985.

199. Liebrucks Bruno. Sprache und Bewubtsein. Bd. 2, «Wilhelm von Humboldt». – Frankfurt am Main, 1965.

200. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-Schemas? // Cognitive Linguistics / 1990. №1. P.54.

201. Glass L. He says, she says. Closing the communication gap between sexes. – London, 1992.

ИСТОЧНИКИ

1. Аѣмбалты Цоцко. Уацмыстæ. – Дзæуджыхъæу, 1991.

2. Барахъты Гино. Бæстырæсугъд, – Дзæуджыхъæу, 1991.

3. Беджызаты Чермен. Хъуылаты Созырыхъо. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу, 1995.

4. Брытгыаты Елбыздыхъо. Уацмыстæ (1-аг том). – Орджоникидзе, 1981.

5. Джиоты Хазби. Хыртт-мыртт мæм нæй. (радзырд) – Орджоникидзе, 1970.

6. ИЭСОЯ – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. I-IV тт. 1958 (654с.), 1973 (448 с.), 1979 (359 с.), 1989 (326 с.).

7. Коцойты Арсен. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу, 1991.

8. Мамсыраты Дæбе. Царды къæпхæнтыл (роман, радзырдтæ) – Орджоникидзе, 1988.

9. Нарты кадджытæ, Дзæуджыхъæу, 1996.

10. Сечъынаты Ладемыр. Артдзæст (радзырдтæ æмæ повесттæ). Орджоникидзе, 1981.

11. Сечъынаты Ладемыр. Уæлладжыраг хабæрттæ: Алагирские картины сборник рассказов на осетинском языке. – Орджоникидзе, 1963.

12. Сечъынаты Ладемыр. «Мады хъæстытæ» // Мах дуг. – №42001.

13. Боциты Барон. Саст рæхас Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1973.

14. Памятники народного творчества (северных) осетин, I, 1925; II, 1927; III, 1928; IV, 1930. – Владикавказ.

15. Токаты Асæх. Ме ‘мбæлцæттæ (Уацмысты æмбырдгонд). Орджоникидзе, 1971.

16. Цæгæраты Максим. Нæ фехъуыстон ма зæгъ. Орджоникидзе, 1963.

17. Царухъаты Алыксандр. Æзынмæ дæ æцæг зонын (радзырдтæ). Орджоникидзе, 1967.

18. Хъайтыхъты Азæмæт. Зынаргъ дур (таурæгътæ). – Орджоникидзе, 1984.

19. Памятники Юго-Осетинского народного творчества, I, 1929; II, 1929; III, 1930. – Цхинвал.

20. Ирон куывдтытæ. (Госты за здравие) / Составители Тменова Дз., Агнаев Г. – Владикавказ, 2005.

21. Ирон диссæгтæ æмæ æмбисæндтæ / Сост. И. Айларов, Р. Гаджинова, Р. Кцоева. – Владикавказ, 2006.

22. Ирон æмбисæндтæ (Осетинские пословицы и поговорки). / Сост. К. Ц. Гутиев. – Орджоникидзе: Ир, 1976.

Научное издание

МОРГОЕВА ЛАРИСА БАТРАЗОВНА

ПАРЕМИИ И РЕЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Книга издана в авторской редакции
Технический редактор – *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка – *А.В. Черная*
Дизайн обложки – *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 26.11.15.
Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Бум. офс. Печать цифровая.
Гарнитура «Times». Усл. п.л. 9,5.
Тираж 100 экз. Заказ 193.

Издательско-полиграфический центр СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: gio-soigsi@mail.ru

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-А, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3